ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Христианство

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

христианство

Главная редакция энциклопедий

Ташкент

Составитель: **Л. И. ЖУКОВА**

Научные редакторы: доктор искусствоведения, академик Академии наук Республики Узбекистан **Г.А.ПУГАЧЕНКОВА**
доктор исторических наук **Ю.Ф.БУРЯКОВ**

Рецензент: кандидат исторических наук **М.И.ФИЛАНОВИЧ**

Книга издана на средства Римско-католического прихода г.Ташкента

© Главная редакция энциклопедий
Малое предприятие "Комрон"
Римско-католический приход г.Ташкента

ВВЕДЕНИЕ

В годы процветания и в трудные годы духовная культура на всех этапах жизни поднимала человека, возвышала и поддерживала его, вела к органическому единству людей.

Её важной составной частью являются культовые взгляды.

Именно религия была первым ядром культуры, объединившим страны и континенты, независимо от национальной и расовой принадлежности, социального уровня, возраста и образования. Она впитала в себя всё, что было накоплено человеком, его уходящую в седую глубь веков героическую историю, дошедшую в легендарных сказаниях и мифах, каждый из которых своим языком отражал думы людей о своём происхождении и прошедших этапах, его трудовую жизнь, приземлённые бытовые устои и возвышенные наклонности. Она обещала опыт хозяйственно-экономической жизни и отражала поэтическую душу каждого народа.

Не случайно исследователи считают, что религия — легенда — наука — право у народов разных стран древности совершенно не разграничивались. Лучшие умы прошлых эпох, желавшие донести свои научные достижения, поэтические или философские мысли и идеи, вкладывали их, чтобы быть понятыми народом, в религиозную форму. С другой стороны, духовенство собирало поэтические и философские труды в своих библиотеках и хранилищах, так как являлось наиболее просвещённой частью своего общества.

Система культовых воззрений человечества в наиболее яркой форме воплотилась в четырёх мировых религиях — зороастризме, буддизме, христианстве и исламе, которые и сегодня владеют умами большинства людей Востока и Запада.

Древнейшая из них — зороастризм была официальной религией крупных государств Востока, оказавшей в период владычества влияние и на другие религии. Исследователи отмечают во многих религиях — иудаизме, христианстве, исламе и буддизме влияние зороастрийцев.

Буддизм, возникший в Индии в середине 1-го тыс. н.э., через посредничество Средней Азии распространился в ряде стран Востока вплоть до Китая, как могучая духовная сила воздействия. Перешагнув границы Индии, за её пределами буддизм достиг всемирного исторического значения. В конгломератных составах древних держав он играл немалую и политическую роль, укрепляя

(как впрочем и другие религии) культурно-идеологическую славу центральной власти государства, как воплощение мудрости и добродетели.

Христианство слагается в первых веках н.э. в провинциях разнородной Римской державы как монотеистическая религия в первую очередь беднейших слоёв империи, возлагавших большую надежду на спасение, возрождение нового мира, основанного на вере. Не удивительно, что оно вскоре превратилось в одну из популярных систем мировоззрения народов многих стран Запада и Востока.

Самая молодая религия, ставшая учением миллионов жителей Востока, — ислам. Он породил новую высокоразвитую мусульманскую культуру со своеобразной системой этико-правовых представлений и определил на много веков вперёд пути развития исповедующих его народов. Многим обязана исламу и культура европейских народов.

Важной составной частью мира, местом встреч этих религий являлась Средняя Азия, страна удивительных природно-географических, климатических контрастов, где системы могучих горных хребтов сочетаются с цветущими плодородными оазисами в долинах великих среднеазиатских рек — Амударьи и Сырдарьи и менее значительных по размерам, но не менее важных для жизни — Заравшана и Кашкадарьи. Не случайны старинные их названия в народе: священный Окс — Амударья, Жемчужный Яксарт — Сырдарья, Золотоносный — Заравшан.

Окружённая со всех сторон безбрежными степными просторами и пустынями эта область Востока с глубокой древности стала ядром постоянных контактов земледельческих и кочевых народов с их своеобразным хозяйственным укладом и не менее своеобразной духовной культурой.

Через неё, как взаимопроникающую чуткую мембрану, пролегли, с одной стороны, трассы многих переселений кочевых и полукочевых народов, оседавших в равнинных и предгорных областях Средней Азии и создавших новые политические системы, и целые государства. С другой стороны, здесь прошли сухопутные и речные трассы караванных дорог, объединивших страны древнего цивилизованного мира Европы и Азии, от Китая на Дальнем Востоке до Римской и Византийской империй, стран Западной Европы и Руси. По этим путям оседлая культура продвигалась в степные районы и горное кочевье.

Средняя Азия стала узлом слияния различных этнических групп и хозяйственных укладов. столкновения и интеграции большого

разнообразного комплекса духовной культуры и культовых воззрений, взаимодействовавших между собой. Не случайно она оказалась ареалом встреч всех четырёх мировых религий, причём таких активных и творческих, что некоторые исследователи включают этот регион в прародину наиболее ранних из них. Оставляя этот вопрос в стороне, отметим, что в нём находили место для своей жизни и деятельности миссионеры и адепты, шли активные теоретические дискуссии, появлялись течения, оказывавшие влияние на целые народы.

Сегодня, в связи с возрождением духовной жизни и культуры в странах бывшего СССР, история религии приобрела новый импульс, став предметом дискуссий учёных и интереса широких масс. Её философские системы и нормы нравственности, волнуют всех. Известно, что культовые обряды, помимо теологического письменного кодекса, сохранили материальные следы своего функционирования — результат творчества человеческих рук, воплотившего их как душу. Это остатки прекрасных храмов, скромных погребений, памятных сооружений, произведения монументального и малого культового искусства, монеты и медали.

Коллектив авторов — историки, археологи, нумизматы и искусствоведы в нескольких небольших популярных очерках рассказывают о сохранившихся материальных следах деятельности адептов одной из этих религий — христианства в Средней Азии.

Статьи различны по стилю, объёму и объектам описания. Это и общие материалы о продвижении христианства в Среднюю Азию, в её оазисы и кочевую среду, описание древней и средневековой архитектуры, символики, памятников искусства, монетной системы во владениях с христианским влиянием. Все они вносят новый материал в этот малоизвестный раздел истории среднеазиатской культуры.

Данный сборник, в котором освещены вопросы истории христианства в Средней Азии в первом тысячелетии н.э., отвечает постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан "Об организации деятельности общественного центра "Духовность и просветительство" ("Маънавият ва Маърифат")", где сказано: "В целях освоения общемировых, общечеловеческих богатств изучать в стране и мире различные идеологии, веры, идеи".

Г. И. БОГОМОЛОВ, Ю. Ф. БУРЯКОВ,
Л. И. ЖУКОВА, А. А. МУСАКАЕВА,
Г. В. ШИШКИНА

ХРИСТИАНСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Родившееся в восточных провинциях громадной и разноэтнической Римской империи христианство в первые же столетия, благодаря своей притягательной силе, стало идеологией многих угнетённых народов, а затем и государственной религией державы. И сразу же в христианстве появились различные течения, толки. Несогласные с основными канонами уходили или изгонялись за пределы империи, главным образом на Восток — в Иран, Среднюю Азию, Восточный Туркестан вплоть до Китая. Особенности распространения христианства на Востоке изучали многие исследователи. Одна из первых работ о христианах Средней Азии написана крупнейшим востоковедом В. В.Бартольдом в связи с находками сирийских несторианских намогильных надписей в Семиречье. В дальнейшем В.В.Бартольд несколько раз возвращался к этому вопросу в связи с домонгольским этапом истории Мавераннахра (6, с.256 — 302).

Из недавних работ интересна статья А. Б. Никитина, в которой не только подведены итоги исследований с учётом различных источников, но и представлен обзор литературы по истории христианства на Востоке (97), рассматриваются проблемы христианства в регионах Средней Азии на основе археологических, нумизматических и исторических материалов.

История распространения христианских общин на Востоке более понятна в контексте становления самого христианства, его учений, взаимоотношений, зачастую очень сложных, с доминирующими в Иране, Средней Азии и Китае местными религиозными системами и политической ситуацией.

Возникновение христианства было подобно первому освежающему порыву приближающейся бури, разразившейся первоначально в раздираемой внутренней борьбой иудейской диаспоре. Иоанн Креститель и Иисус Христос (в историчности которых вряд ли следует сомневаться) являлись своего рода посредниками между учением, доступным только избранным, и проповедями, призывы которых были адресованы широким массам, из которых затем выросло христианство (119, с.67). Но поистине родиной

христианства, где это учение получило оформление и новые социальные корни, можно назвать Сирию и Малую Азию. Даже само слово "христиане", согласно традиции, родилось в Антиохии от греческого слова "христос" — "мессия". Показателен в этом отношении и тот факт, что одно из самых ранних произведений Нового Завета — Апокалипсис, был адресован христианским общинам семи городов Малой Азии. Проповедники нового религиозного учения, безусловно, первоначально обращались к иудеям, живущим в городах восточных провинций, т.е. к иудеям диаспоры, где расселение началось давно и связано было с множеством причин: насильственным переселением жителей Палестины, внутренней борьбой за власть различных группировок и уходом в результате этого части населения в поисках лучшей доли из-за бедственного состояния палестинской экономики. Конечно, переселявшиеся иудеи стремились сохранить свои обычаи. Они образовывали землячества, ревностно придерживались своей веры, однако постоянное общение с коренным населением тех мест, куда их забрасывала судьба, влияло на их психологию, язык и мировоззрение. Именно в этой пёстрой, разноязычной общине переднеазиатских городов довольно рано появились христианские проповедники, где им легче было проповедовать и укрываться от возможных преследований.

В дальнейшем, охватывая всё новые и новые группы населения, христианство за несколько веков развилось в одну из крупнейших религиозных систем мира. Бесспорно, притягательность и причина быстрого распространения христианства, заключалась в зажигательности его проповедей, в их доступности острой социальной направленности. Поистине достойна восхищения убеждённость его проповедников, несших свет своего учения не ради славы, а ради любви к людям, смело обращавшихся к ним, преодолевая языковой барьер. Так, в Деяниях Апостолов рассказывается, как Павел и Варнава, осуществляя миссионерскую деятельность в Малой Азии, пришли в область Ликаонию, где обратились с проповедью о христианском учении перед воротами небольшого городка. Местные жители говорили по-ликаонски и, видимо, плохо их понимали. Однако темперамент проповедников произвел на них столь сильное впечатление, что они решили, будто сами боги явились к ним. Причём Варнаву они приняли за Зевса, а Павла за Гермеса, возможно, потому что Варнава был более представителен и молчалив, а Павел много говорил ("больше начальствовал в слове"), что соответствовало их представлению о поведении младшего. Жрец святилища Зевса даже привёл быков и принёс венки, собираясь

совершить жертвоприношение в их честь. Поняв в чём дело, Павел и Варнава разорвали на себе одежды, показывая, что они такие же люди, как и слушатели. По-видимому, разубедить ликаонцев им стоило большого труда. Этот эпизод рисует ту обстановку, в которой действовали христианские проповедники, доказывая силу духа и убеждённости.

Миссионерская деятельность по распространению христианского учения сыграла огромную роль, особенно при движении христианских общин на Восток. Результаты её можно оценивать по-разному, но любопытен пример из современности — включение "библейской" или "вифлеемской звезды" в герб и флаг таких государств, как Экваториальная Гвинея, Бурунди и Тонга, что приписывается длительному влиянию миссионеров на местную элиту.

С позиций нашего времени кажется маловероятным преодоление больших расстояний людьми глубокой древности, и мы часто недооцениваем возможности дальних путешествий. В неизведанные страны мужественных людей нередко провоцировала корысть. Купец, как правило, шел впереди дипломата, опережал просветителя. Но вот прозвучала проповедь Иисуса Христа, и ученики его услышали: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие". Это "по всему миру" не было формальными словами для пылких последователей Христа. И уже одно это позволяет доверительно относиться к преданию о дальнем и нелёгком пути апостола Фомы в "страны Индийские". В Индии христианами апостола Фомы называют себя приверженцы христианского учения.

Проникновению христианства в Среднюю Азию способствовало не только апостольская проповедь, но и жесточайшие гонения на христиан в Римской империи. Сирийский источник 3-го в. упоминает христиан в стране кушан, в пределы которой входила часть Среднеазиатского Междуречья. Они познакомили с христианством жителей Ирана, Средней Азии, проникли в степи Монголии и даже Китай.

Распространение христианства в Средней Азии традиционно связывают лишь с гонениями на христиан, первоначально византийскими, а затем сасанидскими правителями (6, с.270, 87). Однако, скорее всего, гонения лишь подпитывали семена, уже брошенные ранее в благодатную почву. Движение христиан на Восток, видимо, тесно связано с становлением торговых трасс Великого шёлкового пути, формированием ориентированных на его обслуживание определённых групп ремесленников и торговцев. На

первом этапе это было связано с расселением в крупных восточных городах иудейских общин, куда, как в привычную среду, и устремились носители нового учения. Больше того, показателен в этом плане анализ профессионального состава ранних христианских групп, который выявляет преобладание в них ремесленно-торговых кругов. Павел, а также Акина в Коринфе, согласно Деяниям Апостолов, были изготовителями палаток. Упоминается женщина, торговавшая тканью — багряницей. "Пряхой" называют критики христианства деву Марию, мать Иисуса Христа. В конце 2-го в. критики христианства упрекали его миссионеров в том, что они проповедуют среди грубых мужланов, шерстобитчиков, валяльщиков, кожевников, ткачей, т.е. наиболее бедных и малопрестижных ремёсленных профессий в античных городах.

Распространившись в странах Востока в первое же столетие христианство пережило несколько периодов расцвета и упадка, связанных в первую очередь с политическими событиями.

Традиционно сведения о первых христианских общинах в Иране относят ко 2-у веку. При этом часто ссылаются на реформу жреца Картира, организовавшего в сасанидском государстве гонения на иноверцев, в частности на христиан. Однако это событие восходит ко второй половине 3-го века. Известно, что большое число христиан было в составе римских пленных солдат, расселённых Шапуром I в основанных им городах на землях Ближнего Востока, захваченных во время западных военных колоний в середине 3-го века. Христианская традиция, сообщающая о первых христианских общинах в городах Ирана Шад-Шапуре, Вех-Шапуре и Антиох-Шапуре, имеет в виду именно эти события. К этому же столетию относятся и христианские катакомбы на острове Харк. Поэтому данные об общинах христиан Ирана 2-го в. пока гипотетичны, хотя и небезосновательны.

Исследователи считают, что общины, располагавшиеся на землях близ южных границ Средней Азии, сыграли основную роль в становлении здесь христианства. Переселившиеся из Византии, Сирии, Палестины и Ирана в Среднюю Азию они несли свою культуру, искусство, распространяя их вместе с новым религиозным учением.

Наиболее ранним считается сообщение о христианах Мерва. В научной литературе бытует ошибочное мнение о том, что христиане, по свидетельству Беруни, появились в Мерве через 200 лет после рождения Христа, поэтому события эти относятся ко 2-у в.н.э. (97, с.123). Между тем Беруни сообщает о привнесении христианства в Мерв священником Барахием приблизительно через 200 лет после

смерти мессии (18). Наиболее раннюю дату, пока относительную, дают археологические материалы, свидетельствующие о функционировании в пригороде Мерва христианского храма под погребальными сооружениями 3-4 вв. (45).

Во второй половине 3-го в. усилившееся зороастрийское жречество пытается искоренить всё религиозное инакомыслие в пределах сасанидского Ирана, особенно при наставнике Варахране II (276 — 293 гг.) верховном жреце Картире (74, с.76). Однако на примере буддизма в Мерве, религиозная политика Сасанидов на востоке, видимо, не всегда следовала этим требованиям терпимости (125, с.76), в том числе и с христианами. А с конца 3-го в. при наследнике Варахрана Нарсе (293 — 302 гг.) зороастрийский фанатизм сменился веротерпимостью. Поэтому в Мерве в начале 4 в. создаётся епископство, упоминаемое в источниках с 334 г., а в начале 5-го в. — митрополия, функционируют храмы и монастыри различных толков, в ближней и дальней зоне митрополии.

По мере того, как христианство набирало силы, различные его направления конкурировали между собой и в столкновениях одни из них признавались правильными, другие объявлялись еретическими и изгонялись. Однако именно они (арианство на Западе и несторианство на Востоке) сыграли огромную роль в пропаганде общих идей христианства.

В середине 5-го в. после Эфесского, а затем Халкедонского соборов происходит сначала осуждение за ересь, а затем окончательное отделение восточной Сирийской церкви (несторианской) от Константинопольской православной. Для этого времени многие исследователи фиксируют связи с Византией.

Несториане активно хлынули на восток, в Иран, в Среднюю Азию, где они утверждают своё влияние, хотя здесь селятся христиане и других толков — яковиты, мелькиты и утверждается мелькитская (православная) митрополичья кафедра. В Мерве обнаружен христианский некрополь, захоронения в котором велись с 3-го по 6-й век. Предполагается, что небольшой монастырь, раскопанный там же, построен в конце 4-го в., принадлежал мелькитам, покинувшим его в середине 6-го в., возможно, под напором несториан.

В 6-м в. большая часть Средней Азии входила в состав Западно-Тюркского каганата. Археолого-нумизматические данные и сведения письменных источников говорят о наиболее интенсивном распространении христианских верований 6-м в. Феолофилакт Симокатта сообщает, что тюрки, захваченные в плен в 561 г. византийцами, имели на лбах татуировки в виде креста. Предметы с

христианской символикой для этого времени имеют как правило изображение несторианского креста, что, возможно, свидетельствует о значительной роли этого течения в Средней Азии в 6-м в. и в последующий период.

Сюжеты росписей Пенджикента, покрывавших стены не только храмовых и дворцовых сооружений, но и парадных залов в домах горожан, дают представление о религиозной жизни согдийского города 6 — 8-го вв. н. э. Здесь взаимодействовали самые разнообразные верования, среди которых можно различить признаки буддизма и индуизма, зороастризма или маздеизма. На один из библейских сюжетов на стене зала в городском доме, обращает внимание А. Наймарк: Иосиф в Египте раздает зерно. До мельчайших деталей использованы известные христианские традиции, что не оставляет сомнений в принадлежности их к христианскому кругу, несмотря на присутствие в этом же зале образов других конфессий.

Ученые, занимающиеся вопросами религии в Средней Азии, основное внимание уделяют зороастризму — религии персов, одним из выражений которого был запрет погребения умерших в землю и связанный с этим обряд очищения костей. Однако тот обряд, который приписывается исключительно среднеазиатским зороастрийцам, отличается от принятого в Иране. Для Средней Азии характерны небольшие гробики-оссуарии, чаще всего из обожженной глины, размеры которых позволяли уложить кости одного индивидуума. В Средней Азии отмечена массовость оссуариев, тогда как в Иране известны лишь единичные находки. Из источников известно, что при Сасанидах (3 — 7-й вв.) активно утверждалась религия Зороастра. Если существовал запрет погребения в землю, который иноверцы, безусловно, старались обойти (примеры известны), то значительная часть христиан вынуждена была перейти к обряду захоронения очищенных костей. Думается, именно этим объясняется появление знаков креста на многих оссуариях в разных областях Средней Азии.

В 6 — 10-м вв. увеличивается количество христиан и в согдийских диаспорах на западных границах Китая в Восточном Туркестане. В то же время отмечается расцвет согдийской диаспоры Центральной Азии, когда в Таримском бассейне вокруг Лобнора и Ганьсу появляются владения согдийцев. В Семиречье, Ордосе и Монголии формируются поселения, перерастающие в федерацию согдийских городов.

Миссионерская деятельность согдийцев-христиан в этот период сыграла большую роль в распространении этой религии, ставшей уже одной из мировых, вплоть до Китая. Найденные здесь документы

показывают, что согдийско-христианские тексты переводятся с сирийских оригиналов, литургия совершается на согдийском языке. Открывается митрополия христиан в Китае. Христианская община, наравне с буддийской, пользовалась в Турфане официальной поддержкой уйгурского правительства (62, с.9 — 12).

Вероятно, мелькитские общины были не многочислены и не достаточно устойчивы в вере, поскольку довольно скоро стали вытесняться волной несторианской ереси, хлынувшей на Восток после осуждения её на Эфесском соборе 431 года. Только в Хорезме мелькиты оберегали чистоту своей веры ещё долгое время, и как полагают исследователи, Беруни потому не упоминает несториан, что он их там не встречал.

В сасанидском Иране, несмотря на периодические гонения, несториане часто занимали высокие государственные должности, были чиновниками, известными врачами, специалистами в различных областях техники. По большим караванным путям шла широкая и настойчивая миссионерская деятельность несториан. Великим шёлковым путём пошли они в Согд и Бактрию, бассейн Сырдарьи и Семиречье.

Распространение христианства здесь не было результатом одной только миссионерской деятельности, это был большой стихийный процесс, связанный и с переселением христиан из Ирана в периоды гонений и с образованием торговых колоний на путях в Китай. Прибытие миссионеров часто только завершало оформление церковной организации там, куда христианство проникло задолго до них (97, с.123). Поэтому, можно считать, что к 3-у в. христиане продвинулись в Согд и в Бактрию. В 4-м в. при Шапуре II христиане вновь бегут на восток и упоминаются и у кушан и хуннов (6, с.65). Новая волна христиан появляется здесь в 5-м в.

Христианство несторианского толка исповедовали эфталиты, завоевавшие значительную часть Средней Азии. В 549 г. они просили несторианского патриарха назначить им епископа. Несторианство распространяется и среди тюркского населения. Многие из тюрок в войске бухарского правителя были отмечены знаком креста на лбу (97, с.124).

В начале 5-го в. (в некоторых источниках позднее) утверждается митрополия в столице Согда Самарканде. Согдийцы и ранее были активными проповедниками христианства за пределами своей страны. Христианские тексты на согдийском языке найдены в Восточном Туркестане, но, вероятно, их роль была не менее интенсивной в Чаче, Семиречье, на оживлённых торговых путях, где

согдийцы основывали многочисленные колонии. Поскольку языком несторианских литургий был сирийский, он распространился и в Согде. О том, что сирийский язык изучался местными жителями, связанными с исполнением христианских обрядов, подтверждается найденными в согдийском городе Пенджикенте обломок керамического сосуда с библейским текстом, написанным, вероятно, под диктовку местным жителем — согдийцем. Неслучайна эта надпись на учебном остроконе одного из отрывков сирийской Библии (99, с.34).

Со 2-й половины 6-го в. устанавливаются тесные торгово-дипломатические связи с Византией. Византийские купцы-христиане были, естественно, заинтересованы во встречах единоверцев в дальних странах, что способствовало государственной политике распространения христианства во владениях Средней Азии и тюркской кочевой среде. Активизируются и местные несториане. Мервскому митрополиту Илии приписывается обращение в христианство большого количества тюрок из ряда племён и самого тюркского кагана со всем его войском.

В последние столетия существования сасанидского государства в Иране с ростом манихейства усилилось распространение христианства. Несторианская церковь имеет епископства по всей стране. Многочисленные источники упоминают о персах-христианах, нередко занимавших видное положение. Исследователи полагают, что христианство в Иране усилилось настолько, что могло бы прийти на смену зороастризму, и лишь арабское завоевание помешало этому (138, с.325).

Роль христианства в позднесасанидском Иране косвенно описывается Ат Табари в истории погребения по христианскому *образцу последнего правителя Ирана Иездигерда III в 651 г. н.э.* Когда митрополит Мерва Илия узнал об убийстве Иездигерда и о том, что все боялись его хоронить, он собрал бывших у него христиан и сказал им: "Вот убит царь персов, сын Шахрийяра, сын Кисры. А Шахрийяр — дитя благоверной Ширин, справедливость которой и благодеяния по отношению к людям её веры без лицеприятия нам известны. У этого царя христианское происхождение, не говоря о том почёте, который приобрели христиане в царствование его деда Кисры, и благоденствии, которым они пользовались прежде в царствование царей из его предшественников, когда для них было построено несколько церквей и их вера укреплялась... И вот я решил построить для него наус и перенести его тело с почестями, чтобы предать погребению в нём..." Митрополит отдал распоряжение и построил среди митрополичьего сада наус. Он отправился сам и с ним

мервские христиане и извлекли тело Иездигерда из реки, завернул его в саван и положил в гроб, а бывшие с ним христиане понесли его на своих плечах и принесли в наус, который митрополит повелел построить для него, погребли в нём тело и замуровали вход в него" (129, с.30).

С 7-го века христианские общины возрастают в центральных и восточных районах Средней Азии при патриархе Иешуябе II (628 — 643 гг.). Функционирует митрополия в Самарканде.

Вероятно, на это время приходился расцвет христианского селения Вазкерд в горной местности Шавдар в районе современного Ургута под Самаркандом, славившегося, по Ибн-Хаукалю, своим прекрасным климатом и здоровым населением, занимавшимся хлебопашеством, охотой (19, с.18). Археологические исследования на обширной территории от Туркмении до Киргизии показали, что постепенно вырастают определённые планировочные стандарты церквей, монастырей, связанные с особенностями христианских обрядов.

В государствах и княжествах Среднеазиатского Междуречья — Согде, Уструшане, Чаче, Хорезме некоторое время в период античности и раннего средневековья (4 — 8 вв.) выпускались монеты с изображением равноконечного (несторианского) креста в сопровождении согдийской надписи и без них, с изображением священных животных. Во всём этом обширном регионе пока единичны находки нательных крестов.

С паломниками и христианами-переселенцами в Согд могли попасть вещи, имевшие отношение к обрядам и обычаям. Так, в Самарканде оказалась "ампула святого Мины" — маленькая керамическая фляжка с двумя ручками для подвешивания её к поясу. С двух сторон на уплощённых стенках оттиснут круглый медальон с изображением стоящего с распростёртыми руками святого, над плечами которого помещены два равноконечных креста, а у ног по сторонам две фигурки лежащих верблюдов. Изготовлялись такие фляжки в монастыре святого Мины в Египте в 6 — 7 вв. В них держали целебную воду из монастырского источника.

Такие небольшие сосуды для освящённого масла или воды изготовлялись для паломников при церквях и монастырях, связанных, как отмечают исследователи, по местонахождению с событиями "Нового Завета", а также при мартириях популярных святых (51, с.182). Находка ампулы-эвлогии может свидетельствовать о том, что Самарканд или его окрестности входили в число мест, посещавшихся христианами и считавшихся

священными. Одним из таких мест, где отмечены находки намогильных галек с несторианскими крестами, мог быть Ургут в Самаркандской области, его жители считали, что в их селениях некогда обитали христиане. Последних, якобы, было так много, что принадлежавшие им дома встречались вдоль главной дороги до Самарканда. Обследовав эту местность, М. Е. Массон пришёл к выводу, что здесь могло располагаться поселение, возможно, монастырского типа. Среди находок, кроме кайраков (намогильных галек), он отмечает христианское кадило с изображением праздников "Девы Марии" (87, с.53 — 55).

В Джизакской области (одна из частей Уструшаны) располагалось, по данным письменных источников, христианское селение Винкерд (6, с.279). Сюда доставлялись употреблявшиеся в богослужении культовые предметы, по образцам и отливкам с которых по мере потребности могли изготовляться на месте новые литургические предметы. Так, к примеру, могло быть изготовлено бронзовое литое кадило, найденное в селении Вазкерд. На стенках кадила в высоком рельефе, но со сглаженной поверхностью грубо выполнены сцены: Благовещение, Встреча Сарии и Елизаветы, Рождество Христово, Распятие, Жены-мироносицы у гроба Господня.

Завоевание Средней Азии арабами привело к значительным изменениям в области идеологии. На смену нескольким идеологическим системам различных владений, господствующая роль которых менялась в государстве, приходит новая государственная идеология, для которой представители всех других верований стали иноверцами.

На первых порах арабы активно разрушают храмы иноверцев, убивают жрецов, уничтожают культовую литературу. В первую очередь это касалось зороастризма и манихейства как идолопоклонничества.

Мусульманство в завоёванных арабами странах внедрялось настойчиво. Из письменных свидетельств известно, что обычным было превращение храмов, в том числе и христианских церквей, в мечети. Например, в Бухаре мечетью племени бенуханзала стала церковь близ ворот Аттаран, на месте которой, по преданию, впоследствии была сооружена мечеть Калян.

В то же время ислам в период арабских завоеваний представлял собой ещё формирующуюся идеологию, которая впитала в себя определённые элементы более древних мировых религий. И в формировании его, наряду с коренными землями арабов,

определённую роль сыграли культурные центры Ирана и Средней Азии.

Общины других идеологий, хотя и платили специальный "выкуп" — налог за веру, оставались в составе халифата, имели своего духовного главу, выбиравшегося общиной и утверждавшегося халифом, который вершил законы в религиозной и светской жизни адептов своей религии.

Христиане в странах халифата ценились как прекрасные врачи. Они широко использовались на высоких административных должностях, как высшие чиновники, секретари, грамотные писцы. Среди них были государственные деятели, учёные, философы, теологи, дипломаты, была прослойка купцов, тесно связанная с западными христианскими странами.

В трудах арабоязычных историков есть сведения о диспутах, теологических спорах, среди участников которых упоминаются христиане. Христиане в халифате имели своего главу, представлявшего их интересы в правительстве и решавшего религиозные и юридические вопросы. Есть упоминания о христианах, находившихся на службе у халифа, наместников, крупных владельцев, пользовавшиеся большим влиянием в халифате (90, с.38 — 58).

Одним из важнейших политических культурных центров Востока после завоевания его арабами был Мерв, который в 8-м в. являлся центром Хорасанского наместничества. В начале 9-го в. в период борьбы халифа Харун ар-Рашида со своим братом Мамуном за халифский престол Мерв являлся определённое время столицей халифата, затем он вновь стал центром крупного наместничества, а в 12-м в. — столицей государства Сельджукидов.

Всё это создавало возможности для развития науки и культуры. В качестве примера можно назвать крупного врача-христианина Али ибн Сахла Раббаи, родившегося в 808 г., рассказывающего о своём отце, также христианине, который был сыном одного из секретарей правителя Мерва. Арабский географ 12-го в. Ибн ал-Кинди пишет, что он был философом, врачом, знатоком геометрии и других областей математики, переводил книги на различные языки, в частности, с греческого "Альмагест" Птолемея. Поэтому, как сообщает его сын, он и получил прозвище "раббаи" — учитель. Сам Али был крупным знатоком среднеазиатской, ближневосточной, древнегреческой и византийской медицины, автором многих научных и философских трудов. Известным врачом-практиком, фармокопистом и ботаником, на опыт которого ссылался Беруни, был

христианин из Мерва Ибн-Маса. Он работал в Мервской городской больнице и написал ряд трудов по режиму питания, влияния на организм отдельных видов пищи. Ибн Маса интересовали лекарственные растительные средства, он описал признаки и места произрастания лекарственных растений, интересовался грибами (22, с.44 — 47).

При патриархе Тимофее (780 — 819 гг.) в Среднюю Азию направляется христианский миссионер Субхальешу. Тимофей активно переписывается с тюркским каганом и другими правителями, обращёнными им в христианство (6, с.275).

В эпоху Саманидов (9 — 10 вв.) положение христианства меняется. Ислам, как государственная религия, активно завоёвывает ведущее место в идеологии, теснит иноверцев. Как отмечалось выше, Наршахи сообщает, что в Бухаре на месте христианской церкви возводится мечеть одного из арабских племён.

Такая же картина отмечается, например, в восточных пределах государства, когда после взятия Тараза, строится мечеть на месте христианского храма, мечеть на месте соборной церкви возводится в Мерве. В то же время христианские общины ещё функционируют как в областях самой Средней Азии, так и в её восточных колониях. Об этом говорит процветание упоминавшегося выше христианского селения в Шавдаре под Самаркандом, община которого в 10-м в. имела свой храм. Описывается христианское селение Вазкерд на берегу Сырдарьи, вероятно, не прерывалась деятельность самаркандской и мервской митрополии.

Упадок саманидского государства и приход к власти кочевников — Караханидов способствовали активизации различных религий, в том числе и христианства.

В Центральной Азии в 841 — 847 гг. гибнет манихейское государство уйгуров, но после этого большая часть кочевников принимает христианство. В 1009 г. принимают крещение от несторианских проповедников Караиты, самый крупный и самый культурный из монголоязычных народов Центральной Азии. Караитскому хану, заблудившемуся в пустыне, якобы, явился святой Сергий и указал путь домой. Хан принял крещение со всем своим народом и получил имя Маргуз (Марк). Примерно в это же время принял христианство народ онгутов — потомков воинственных тюрок (последнего осколка хуннов). Тогда же были крещены гузы и отчасти чигили, входившие в состав племён, покоривших Мавераннахр и создавших в 10 — 11 вв. империю Караханидов. Несторианство

распространялось и к началу 12-го в. (6, с.182 344; 35, с.106, 111, 113).

В 11 — 12 вв. в Самарканде продолжает существовать несторианская митрополия. В это время несторианство было широко распространено среди тюркских народностей, приток которых в Согд усилился с приходом к власти тюркской династии Караханидов.

Ещё более терпимы к различным верованиям были Каракитаи, разгромившие в 1141 году и Караханидов и их союзников Сельджукидов. Они покровительствовали в равной мере всем основным религиям — и христианству, и манихейству, и исламу. Благодаря этой свободе христианство вновь получает широкое распространение. Если при Каракитаях отправляются священники в Монголию, то при Киданях в одной из их столиц — Кашгаре основывается митрополия "Кашгара и Навакета".

От этого времени в Семиречье сохранилась серия надгробных камней с сирийскими надписями, принадлежавшими, по мнению В. В. Бартольда, тюркским племенам Канглы.

О разных вероисповеданиях имеются сведения о монгольских правителях, нашествие которых привело несторианскую церковь к упадку. Часть их была язычниками, часть несторианами и сторонниками иных верований. Известно, что Чингисхан женил некоторых из своих сыновей на христианках, в ханской ставке были воздвигнуты несторианские церкви, несториане получили доступ к государственным должностям (6, с.182, 344; 35, с.134, 145). Такие действия правителя были связаны, вероятно, с политическими событиями, которые изменялись и заставляли принимать или отвергать, карать те или иные верования, являвшиеся во все времена "опорой трона". Так, уже в 1257 г. взошедший на престол в Золотой Орде хан Берке, устроил в Самарканде резню несториан. Вместе с тем, по сведениям Рубрука, большинство цариц и придворных Мунке-хана открыто исповедовали несторианство, хотя те, кто исповедовал христианство (Сартак, Ариг-буга), в этом официально не признавались (6, с.182 — 344).

В начале 13-го в. Средняя Азия была завоёвана монголами, что привело к разрушению многих городов. Тем не менее с их приходом в Среднюю Азию наблюдается новый приток несториан. Марко Поло упоминает церковь Св. Иоанна Крестителя в Самарканде, построенную во второй четверти 13-го в.

Однако в последующие столетия ислам как государственная религия вытесняет все остальные, в том числе и христианство.

ХРИСТИАНСТВО НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Первую сводку о христианстве в древнем и средневековом Туркестане подготовил востоковед академик В. В. Бартольд. Он подробно анализирует трассы торговых путей, пересекающих в средние века страны Среднеазиатского Междуречья (6, с.280 — 283). И это не случайно. Культовые и культурные взаимоотношения народов не менее древние и важные, чем торгово-экономические. Кроме того, они шли по тем же направлениям, ибо и те и другие преследовали мирные, добрососедские цели. В. В. Бартольд так подробно останавливается на торговых путях потому, что ими пользовалась и религиозная пропаганда, что подтверждается письменными источниками (6, с.284 — 286).

Исследователи отмечают, что многие мировые религии достигли гуманитарно-цивилизирующей силы, лишь выйдя за пределы своего места возникновения, став притягательной и для могучих умов и для широчайших масс народов, различавшихся и по рассово-этническому составу и по образу жизни.

В полной мере это относится к христианству, которое, сформировавшись в покорённых восточных провинциях Римской империи, в силу духовной широты воззрений привлекает к своему вероучению разные социальные группы народов, говоривших на разных языках и связанных с самыми различными способами хозяйственной жизни. Причём с первых столетий своего появления христианство распространяется на Восток и Северо-Восток. Прослеживая пути и этапы переселения христиан из Римской империи на восток — в Сирию, Палестину, Иран и на северо-восток — в Среднюю Азию, легко заметить их тесную связь с важнейшими трансконтинентальными трассами торгово-дипломатических путей.

Формирование сухопутных линий хронологически традиционно связывается с дипломатической миссией посла Ханьского Китая Чжан Цаня (138 — 126 гг. до н.э.) в поисках союзников на западе против воинственных кочевых соседей, стоявших на границах Китая, — гуннов. С военной точки зрения, его миссия оказалась неудачной. Пробыв в плену у гуннов более 10 лет, а затем попав в земли их потенциальных противников юечжей на берегах Амударьи, Чжан Цань нашёл здесь процветающие страны, народы которых с давних

пор вели торговлю с соседями, Индией и даже отдельными городами Китая и отнюдь не желали войны.

Так неожиданно для ханьского императора были "открыты" Западные страны и уходящие в глубь тысячелетий связи. После дипломатической миссии Чжан Цаня официально оформляются Ханьским Китаем торгово-дипломатические пути в "Западные страны", получившие в науке название по одному из основных предметов торговли — Великий шелковый путь.

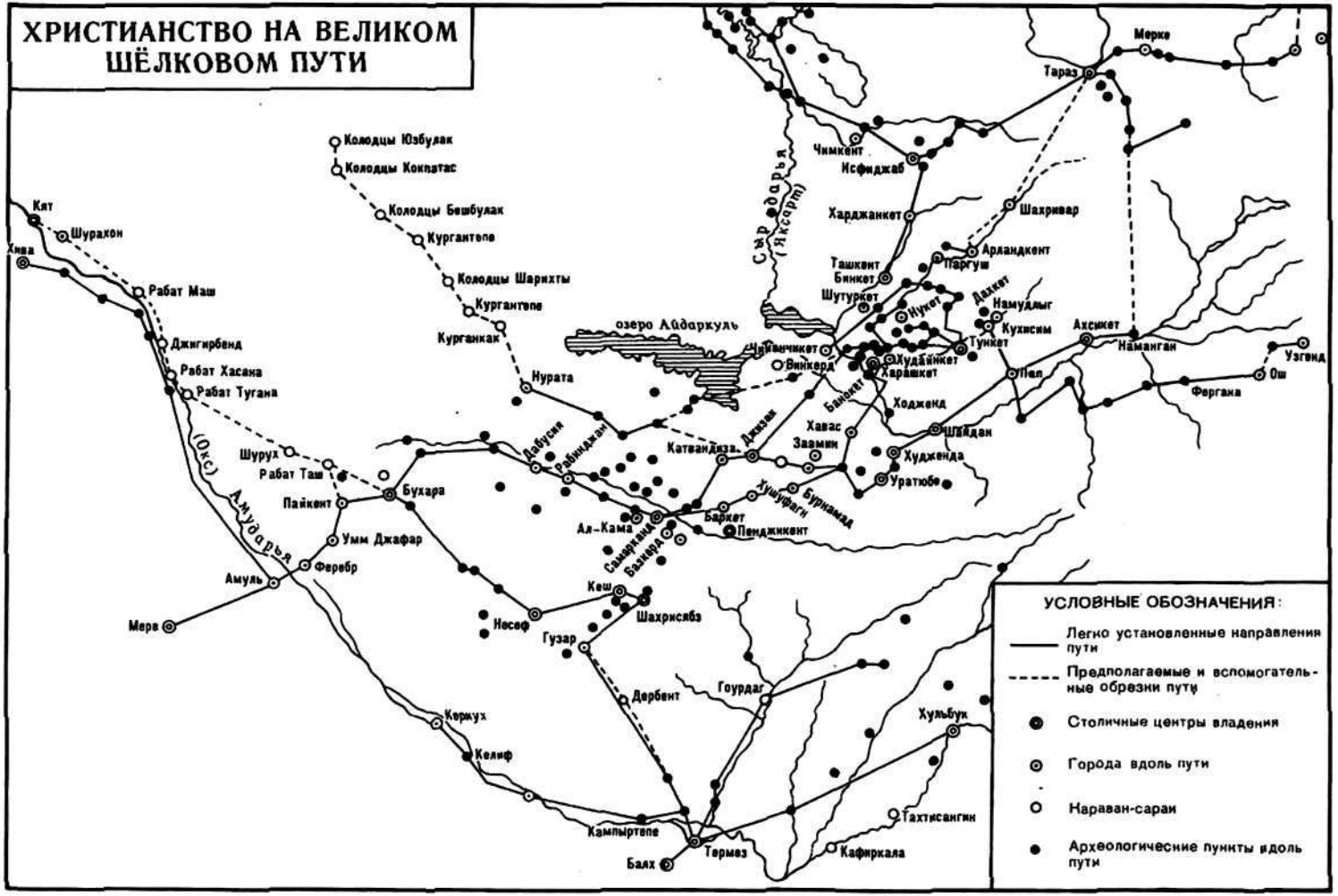
Вслед за этими событиями в первых веках н.э. возникает благоприятная политическая система, охватившая почти все передовые страны Европы — создаётся квартет из четырёх империй — Рим, Парфия, Кушанское царство и Ханьский Китай, вступившие в регулярные политические, экономические и культурные взаимоотношения (124, с.19).

Основными предметами торговли были шелк и ткани из хлопка и конопли, золото, серебро, медь и сплавы цветных металлов, оружие, защитные доспехи, благовония, лекарственные травы, меха, коврово-ткацкие изделия, одежда, изделия из керамики, стекло и фарфор, украшения и самоцветы, зеркала, лаковая посуда и многое другое. Вместе с тем передавались лучшие достижения техники и науки и, конечно, идеологии. Ведь в составе караванов, наряду с купцами и дипломатами, шли ремесленники и учёные, художники и музыканты, миссионеры и адепты различных культов, как в составе дипломатических миссий (официально), так и из числа гонимых сект и течений. Всё это способствовало взаимному обмену достижениями в области экономики и техники, науки и культуры. Пункты на торговых путях становятся местом встреч миссионеров и адептов различных религий. Жаркие философско-теологические споры разгорались и при дворах правителей в странах, где останавливались караваны. И бывали случаи, когда провозвестники духовных идей, безвестные недавно миссионеры, неожиданно становились приближёнными при каком-нибудь дворе, а их сторонники расселялись в дружественном государстве.

Духовные сторонники были важны и для купцов, чтобы было на кого опереться в далёкой стране.

Сухопутные трассы этого пути проходили через Индию и Иран, страны Средней Азии, постепенно смещаясь с юга из Бактрии, в центральные районы — Фергану, Согд, а затем и в более северные регионы через Чач (Ташкентский оазис) в степные кочевые районы южного Казахстана, Семиречья и Сибири.

Следы деятельности миссионеров вдоль трасс сохранились и в

ХРИСТИАНСТВО НА ВЕЛИКОМ ШЁЛКОВОМ ПУТИ
Колодцы Юзбулак
Колодцы Кокпатас
Колодцы Бешбулак
Колодцы Шарихты
Кургантепе
Кургантепе
Кургантепе
Курганкак
Нурата
Кят
Шурахон
Хива
Рабат Маш
Джигирбенд
Рабат Хасана
Рабат Тугана
Шурух
Рабат Таш
Пайкент
Бухара
Умм Джафар
Амуль
Феребр
Мерв
Несеф
Кеш
Шахрисябз
Гузар
Дербент
Керкух
Келиф
Кампыртепе
Термез
Балх
Гаурдак
Хульбук
Тахтисангин
Кафиркала
озеро Айдаркуль
Сыр-дарья (Яксарт)
Чимкент
Исфиджаб
Харджанкет
Ташкент
Бинкет
Шутуркет
Паргуш
Шахривар
Арханджент
Дахкет
Намуджлыг
Кухисим
Нукет
Тункет
Ахсикет
Намангган
Узгенд
Ош
Фергана
Пенд
Ходжент
Шахдан
Худжента
Уратюбе
Чимбинкет
Винкерд
Худайнкет
Харашкет
Бинкет
Хавас
Заамин
Катвандиза
Джизак
Дабусия
Рабинджан
Самарканд
Бухара
Ал-Кама
Баркет
Пенджикент
Хушуфаги
Бурнамад
Тараз
Мерке
Амударья (Окс)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Легко установленные направления пути
Предполагаемые и вспомогательные обрезни пути
Столичные центры владения
Города вдоль пути
Караван-сараи
Археологические пункты вдоль пути

отрывочных сведениях письменных источников и в материальной культуре городов и селений Средней Азии.

Среди мировых религий активную роль сыграло здесь на ранних этапах истории и христианство, проповеди миссионеров которого звучали в крупных городах, в отдельных селениях и среди скотоводов степей.

Наиболее ранние стационарные торговые пути прошли через Парфию и сасанидский Иран, включив лишь южные районы Средней Азии. Решающую роль в этом сыграли два обстоятельства — направление торговых путей и преследования, которым подвергались в своих коренных землях верующие сект и толков, отвергнутых церковными соборами (6).

Полагают, что для Средней Азии в первую очередь должны были приобрести особое значение те общины христиан, которые оседали в местностях, непосредственно граничащих с нею (10, с.36 — 37). И неслучайно в числе первых городов, в которых появляются христианские общины, упоминается Мерв, Самарканд и, возможно, Термез, через которые прошли наиболее ранние линии караванных путей. Как показывают материалы из Мерва, здесь возможно уже со 2-го в.н.э. в его западном пригороде, за пределами городских стен появляются церковные постройки. С 4-го в., когда в Мерве появился епископ, не исключено перенесение храма в город, т.к. в пригороде на его территории располагается христианское кладбище, что свидетельствует о большом количестве христиан.

Рост христианской общины отмечается в 5 — 6-м вв., когда маздакитское движение в Иране поколебало в целом роль официальной религии зороастризма. Успешная пропаганда в этот период христианства в северных районах Хорасана завершается открытием около 420 г. в Мерве митрополии. Здесь функционирует монастырская община, возникают мастерские, изготовляющие церковную утварь, отливающие нательные крестики, подвески. Мерв стал центром крупной северо-хорасанской митрополии. На караванном пути из него на запад, в районе Геокдепе были найдены раннехристианские золотые бляшки и медальоны.

Ближе к Мерву на северном торговом пути в Хорезм в двух фарсахах от города в 5 — 6-м вв. вырастает христианское селение с крупной церковью, выстроенной в традициях ранних малоазиатских церквей типа Эфеса, Ктесифона, Сард. Её вытянутый зал членится пристройками с системой купольно-сводчатых перекрытий, из которых, вероятно, центральный возвышался над боковыми (111, с.86 — 87).

Следы христианского влияния отмечаются в селениях и замках к востоку от Мерва на пути в Амуль. Причём наряду с несторианами, которые занимали ведущее положение в этой провинции, здесь живут яковиты и мелькиты, т.е. представители различных течений, изгнанные из Византии. Последним принадлежал монастырь в Мерве. О большой роли мервской митрополии говорит тот факт, что в период борьбы арабов с сасанидами, когда в округе города был убит сасанидский шах Иездигерд III, митрополит Мерва Илия с общиной похоронил его с почётом во дворе митрополии.

Вторым крупным центром христиан, в первую очередь несторианского толка, становится Согд.

Уже на ранних этапах сюда потянулась ветвь караванного пути, и в Согде обосновываются христиане-несториане. Роль Согда особенно возрастает в раннем средневековье, когда ведущие трассы торговых путей постепенно перемещаются на север. Их трассы из Китая проходят через Давань — Фергану, Ходжент, города Уструшаны, Самарканд, Бухару, откуда веером расходятся на юго-запад к Оксу — переправам через Келиф, Керкух на Нишапур, на запад к Феребру в Амуль и Мерв и на север в Хорезм. Крупнейшим торговым центром Среднеазиатского Междуречья являлся Самарканд, который арабские географы средневековья называли торговой гаванью Мавераннахра, куда собираются с товарами купцы со всех сторон, чтобы, обменявшись с ними, разойтись.

Торговые пути отсюда шли на запад через Рабинджан и Дабусию в Бухару, на юг в горные районы Согда через Пенджикент. Другая южная ветвь вела в Несеф и Кеш и далее через Железные ворота в Термез и Чаганиан. На восток в Китай шло несколько трасс: через Заамин, в города Ферганы — Баб, Ахсикет, Ош, Узгенд, Кашгар, Яркенд или через Джизак на Чинанчикет и Семиречье и далее в Восточный Туркестан или Сибирь. Были пути, соединявшие эти трассы, например, южная Бенакетская дорога, которая соединяла Заамин, Хаваст, Бенакет, Харашкет и далее выводила на торговую ветвь к Бинкету. Были отрезки путей к столице Уструшаны — Бунджикату и в горы Буттем.

Все эти пути начинают играть важную роль в период раннего средневековья, особенно с эпохи тюркского каганата, когда после тюрко-сасанидского конфликта для контроля над сухопутными трассами Шёлкового пути, каганом было направлено посольство в Византию во главе с согдийцем Маниахом, которое прошло через Хорезм, севернее Каспийского моря, через Кавказ, полностью минуя Иран. И даже, когда при арабах возобновились связи с Ближним

Востоком по южным трассам, эти северные пути активно функционируют для связей с Волжской Булгарией и Русью.

Прямые торгово-дипломатические контакты с Византией способствовали активному продвижению христиан, которые оседали в городах и селениях Согда, восточных владениях и проникали в кочевую среду, способствуя переходу в христианство части тюрок.

В Самарканде, как сообщают источники, была основана митрополия, распространявшая свою власть вплоть до Восточного Туркестана. Христиане жили в согдийском городе купцов Пенджикенте, где влияние их прослежено в культовой иконографии монументального искусства, христианских документах сирийского письма — остроконе с отрывком текста из Сирийской Библии с изображением несторианского креста (99, с.34). Как полагают, сирийский язык, как язык несторианской церкви, был в Согде предметом специального изучения, образцом учебного письма которого и был пенджикентский остракон (97).

Крупное селение христиан Вазкерд, располагалось в благодатной пригородной зоне к югу от Самарканда, в Ургуте, на средневековой горе Шавдор. Ещё в 10-м в., как сообщает Ибн Хаукаль, здесь располагалась несторианская церковь (19, с.18). В ущелье Гульбог были открыты сирийские наскальные надписи, сопровождаемые изображением креста. Скопировано около 25 надписей (7, с.125).

В самом Самарканде и в его южном рабаде были отмечены погребальные сооружения и, возможно, руины храма, разрушенные современными строительными работами (24, с.209 — 210).

Из других центров Согда следует отметить в первую очередь христианскую церковь в Бухаре, на месте которой уже, по сообщению Наршахи, была возведена мечеть.

На востоке влияние согдийцев простиралось вплоть до Восточного Туркестана. Здесь можно упомянуть христианское селение Винкерд на западных границах Чача вдоль торгового пути близ переправы через Сырдарью у Чинанчикета (19), описанные в настоящем сборнике христианские памятники на территории Киргизии.

Широкое распространение религии христианства в тюркской кочевой среде именно с поры раннего средневековья было тесно связано с активными контактами тюркских каганов с Византией и новыми трассами взаимосвязей с ними по Великому шёлковому пути, по которому двигались на запад караваны, груженные шёлком, полученным как в качестве дани с Китая, так и награбленным во время войн. По этому пути шли на Восток миссионеры и целые

общины христиан, особенно выселявшиеся с Переднего Востока и Ирана в период активных гонений верховными жрецами господствующей религии. Они несли свою культуру, письменность, учение, обычаи, проникавшие в кочевую среду. Об этой эпохе современники говорят как о массовом переходе в христианство целых тюркских племён.

Неслучайно пик миссионерской деятельности несторианской церкви относят как к стабилизации политической обстановки и расцвету торговли по северным трассам, так и к восстановлению связей через Иран при патриаршестве Иешубы II, относящихся ко 2-ой четверти 7-го столетия и ознаменовавшемся движением несторианской миссии в Китай и открытием там митрополии.

Этому предшествовало создание на Западных границах Китая большого количества согдийских колоний в Турфанском оазисе, где преобладали согдийский язык и согдийская письменность, использовавшаяся в международной торговле и культурных взаимосвязях в поселениях и городах восточного Туркестана. Здесь упоминаются многочисленные миссионеры и адепты, распространители христианства. Интересен факт перевода с сирийского оригинала на согдийский язык несторианских текстов церковных литургий (62, с.11 — 13). Всё это свидетельствует о широком распространении христианства в Центральной Азии от её западных и до восточных пределов по трассам Шёлкового пути.

ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТУРКМЕНИИ

Туркмения в древности входила в состав могучих восточных держав — Парфянского государства (3 в. до н.э. — 3 в.н.э.), Сасанидского Ирана (3 — 7 вв. н.э.). После завоевания арабами началось интенсивное внедрение ислама, который, однако, не мог сразу вытеснить существовавшие здесь религии, в том числе и христианство.

Начало распространения христианства на Ближнем и Среднем Востоке тесно связано с политической и культурной историей народов этих регионов. Появление здесь христиан связано с переселением их из восточных провинций Римской империи, где христианство ещё не стало официальной религией и последователи этого учения подвергались гонениям. В Сасанидском Иране гонения христиан продолжались в связи с утверждением ортодоксального зороастризма в качестве официальной религии Ирана (97, с.121). В результате раскола церкви еретики — несториане, получившие название по имени константинопольского патриарха Нестория, вынуждены были бежать от преследователей за пределы страны. Они утвердили своё влияние среди христиан Ирана и в 484 году персидская церковь приняла на своём соборе несторианское вероисповедание и окончательно отделилась от западной.

По данным письменных источников, христиане появились в Мерве через 200 лет после смерти Христа, а к 334 году относится первое упоминание о Мервском епископстве, преобразованном в 420 г. в митрополию (18, с.330).

В Мерве сохранились остатки христианских памятников, изучавшихся Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона. Это прежде всего небольшой монастырь, руины которого в виде овального дома находятся в северо-восточном углу Гяур-калы (античный Мерв, носивший название Антиохии Маргианской) (46, с.155 — 179). Здание построено из сырца 40х40х10 — 12см на руинах парфянского дома, послужившего для него платформой высотой более 3 м и площадью 58х42 м.

В основе планировки здания прямоугольный двор (16х20 м), вокруг которого расположены 43 помещения, одинаковой ширины 2,5 м со

сводчатыми перекрытиями, образующими внешний овальный контур. В комнатах несколько уровней полов, а на стенах несколько слоёв глино-саманной штукатурки, иногда окрашенной — свидетельства неоднократных ремонтов. В стенах почти каждого помещения есть ниши, очаги, камины, изредка лежанки — суфы. В плане овального дома выделяется шесть групп помещений. С южной стороны здания находится пандус, по которому через внешние помещения попадали во двор и в центральную группу комнат, построенных позднее. Они представляли собой совершенно одинаковые крупные прямоугольные, изолированные друг от друга помещения с выходом на юг в открытый коридор, отделяющий центральную группу помещений от южной.

В юго-восточной группе одно из помещений имеет на стенах три слоя штукатурки, окрашенных последовательно в чёрный, белый и розовый цвета, в другом помещении на стенах остатки чёрной штукатурки, а на южной стене глубоким рельефом по сырой глине нанесено изображение креста и стилизованного дерева. После ремонтных работ в некоторых комнатах стены были покрашены в розовый цвет и покрыты штукатуркой из голубовато-серой глины.

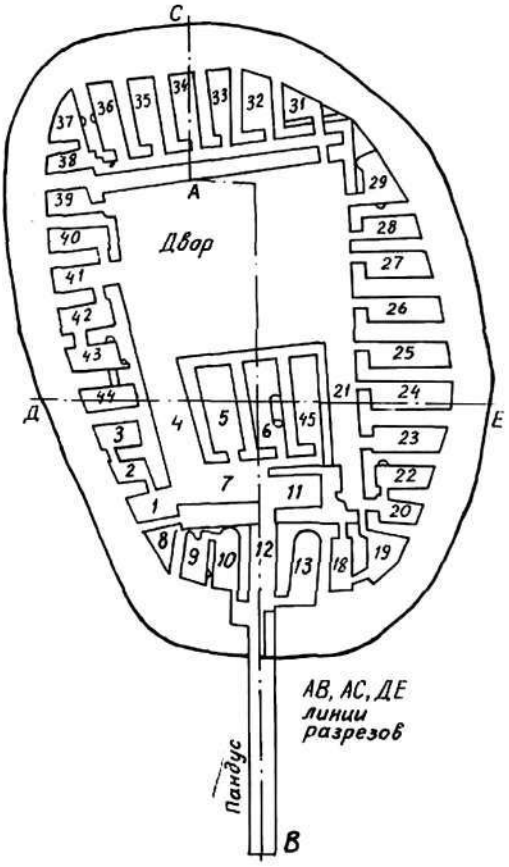

Рис. 1
Мерв. План "Овального дома".

Восточные помещения отделены от двора глухой стеной и многие из них сообщались между собой через дверные проёмы. В некоторых на стенах были прочерчены треугольники и видны следы чёрной и голубоватой штукатурки. Северные помещения отделены от двора длинным коридором, они так же, как и весь комплекс, имеют несколько ремонтных этапов. В западной группе помещения сообщались между собой проходами и выход во двор был только из двух, стены и ниши в некоторых комнатах здесь окрашены в чёрный

цвет. Чётко прослеживаются следы ремонтных работ и несколько уровней полов.

Найденная в помещениях бытовая посуда датируется 5 — 6-м вв., на одном целом сосуде заметна пехлевийская иранская надпись. Помимо керамики, найдены глиняные усечённые конусы — фишки с насечками на верхнем основании буквы "Х" шестиконечного креста, костяной амулет с изображением льва, цилиндрическая печать из халцедона с выгравированным крестом, костяные и керамические пуговицы, медные монеты, одна из которых найдена в платформе здания и принадлежит чекану Бахрама IV (388 — 399 гг.), что даёт основание датировать начало строительства овального дома кон. 4-го нач. 5-го вв. Этой дате не противоречит и изображение креста, которому христиане стали поклоняться в 4 — 5-м вв. как знаку, заменяющему образ Христа. По археологическим данным, прямой удлинённый крест на штукатурке помещения №22 не мог появиться ранее 5-го в., да и печать с изображением креста, производного от

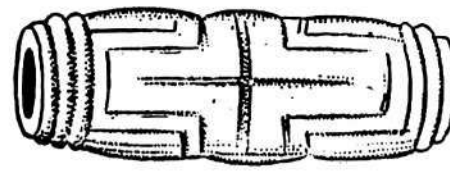

Рис. 2
Мерв. Христианский монастырь. Печать из халцедона.

четырёхконечного, также можно отнести к 5 — 6-му вв. Не случайно изображение льва на костяном амулете, ибо лев, как агнец, голубь, рыба являлся одним из символов христианства.

Таким образом, учитывая изолированность овального дома в заброшенной части города, внутреннюю планировку, изображение христианских символов, отсутствие женской и детской утвари можно считать его христианским монастырём, служившим постоянным местожительством людям, отказавшимся от мирских соблазнов или посещавшим братьев в поисках праведного пути, места исполнения обета поста, очищения от грехов. В кельях монастыря могли проживать 50 — 60 человек. Помимо жилых келий были места для общих трапез и молитв, а также хозяйственные помещения. Считается, что это здание принадлежало христианской общине мелькитского (православного) направления и просуществовало до кон. 6 — нач. 7-го вв.

Мерв и после арабского завоевания в 651 г. оставался резиденцией христианских митрополитов. В сирийской литературе известны мервские несторианские иерархии: епископы Фёдор (6-й в.), Илия (7-й в.), митрополит Иосиф (8-й в.), что указывает на длительное

пребывание христиан в Мерве и его округе, даже в первые века уже господствовавшего ислама. Известно, что несторианская община находилась на канале Маджан в местности Пои Бабан севернее городища Султан-кала, в саду которого похоронен последний сасанидский царь Иездигерд III (130, с.96 — 97).

Вторым памятником христианства в Мерве является некрополь поодаль от Гяур-калы. Он занимал площадь около 3 га и ко времени его исследования состоял из 7 бугров, составлявших северную (3) и южную (4) группы всхолмлений. В настоящее время вся территория памятника застроена жилыми домами.

Памятник изучался в

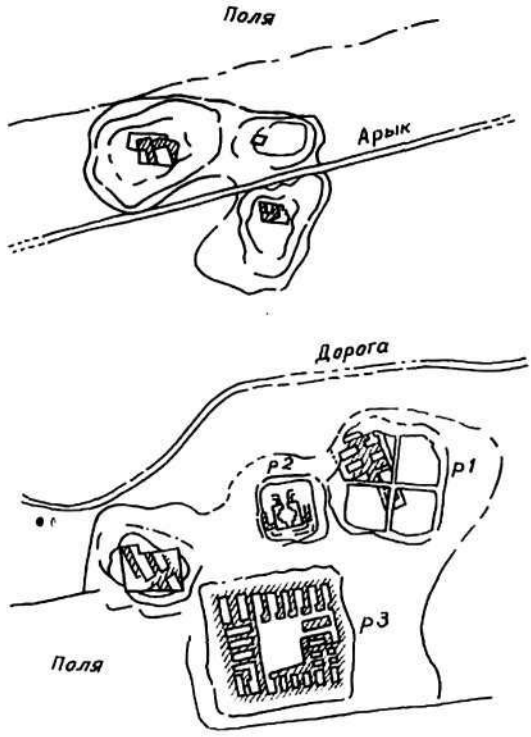

Рис. 3
Мерв. План некрополя.

50 — 60-е годы археологами ЮТАКЭ и сектора археологии Академии наук Туркменистана. Здесь был вскрыт самый южный холм, где выявлено здание — наус и в нём захоронения нескольких видов в три горизонта. Наличие оссуарных захоронений позволило С. А. Ершову связать этот некрополь с маздакитами (49, с.160 — 204).

К северо-западу от этого раскопа в 1956 г. был изучен ещё один холм (98, с96 — 99; 127, с.199 — 108). Здесь отмечены погребения, обложенные кирпичом, завалы костей, захоронения в кобурах, в могилах, облицованные кирпичом с намогильной выкладкой в виде прямого креста и захоронения по зороастрийскому обряду. К христианским авторы работ отнесли захоронения в грунтовых могилах, обложенных жжёным кирпичом и в керамических кобурах.

При обработке археологических находок из некрополя на некоторых оссуариях были прочтены еврейские надписи, что вызвало с одной стороны недоумение, потому что оссуарные захоронения обычно связаны с зороастризмом, а с другой — интерес к необычному

явлению. Поэтому в 1963 г. работы на некрополе были продолжены на холме к северу от первого раскопа (66, с.74). Было вскрыто здание науса (9,4х9,2 м) на искусственной платформе. Внутреннее помещение его имело размеры 5,2х5,2 м, позже к нему были пристроены другие. Вскрыты могилы в прорубленном полу, сложенные из жжёного кирпича, сверху, а иногда и изнутри могила обмазана алебастром. Были захоронения в нишах — подбоях или просто на полу одно подле другого, с грудой черепков и разрозненных костей, а также погребения в сосудах. Дана следующая периодизация на этом раскопе: I период — парфянский, захоронения по зороастрийскому обряду в оссуариях; II период (3-й в.) — оссуарии перенесены в соседний наус, а помещения первоначального науса использовались христианами для погребений; III период (4 — 5 вв.) — наус разрушен, но продолжаются захоронения христиан; IV период (6-й в.) — возврат к зороастрийскому обряду захоронений.

В 1965 г. были обследованы еще три всхолмления, один в южной и два в северной группе (раскопы 4,5,6), где в прямоугольных камерах осуществлялись захоронения в сосудах костехранилищах, оссуариях и путём трупоположения (67, с.174 — 181).

Работы ЮТАКЭ на некрополе были продолжены в 1966 — 67 гг. Изучалась стратиграфия захоронений на раскопе I и проведены раскопки нескольких камер с погребениями также на раскопе 3. Здесь были вскрыты захоронения в кувшинах, хумах, цилиндрических кобурах. Выяснено, что предварительно очищенные на дахме кости были плотно загерметизированы в костехранилищах, закрыты специальными мисками или жжёным кирпичом и замазаны глиной (45, с.153). Таким образом, некрополь был вскрыт и изучен полностью, что позволило обобщить полученные данные всех раскопов и дать общую картину сложения некрополя с интерпретацией его захоронений.

Первый период для всех зданий — время функционирования их по первоначальному назначению. Допускается, что это были церкви, построенные в разное время. Самые ранние погребения, по монетным данным, датируются 2 — 3-м вв. н.э. На всех трёх раскопах в следующем периоде на полу отмечено сплошное трупоположение, оно предшествовало оссуарным захоронениям и может быть отнесено к 4 в., погребения же в сосудах-костехранилищах и оссуариях — к 5 — 6 вв. Следующий период связан с групповыми захоронениями трупов, после чего вновь возвращаются к одиночным трупоположениям, обложенным кирпичом, причём к этому периоду относится крестовидный намогильник и кирпич с крестом. Таких

погребений не очень много. К последнему же периоду, но только на раскопе 3, относятся и захоронения предварительно очищенных костей.

Таким образом, погребения, обложенные жжёным кирпичом и обмазанные алебастром, а также могила с надгробной выкладкой в виде прямого креста, погребение, где над головой, закрывая могилу, лежал кирпич с изображением прямого креста, захоронения в керамических цилиндрах — все они относятся к христианским погребениям (45, с.159).

Что касается захоронений по зороастрийскому обряду, то надо иметь в виду оссуарии с еврейскими письменами, которые не оставляют сомнений в том, что принадлежали именно евреям. Науке известны иерусалимские оссуарии с изображениями, связанными с христианской символикой, что даёт исследователям основание считать их прототипом христианских ящиков для мощей.

На сосудах оссуарного типа из Тик Турмаса в Казахстане отмечены орнаменты в виде розетки — символа солнца в комбинациях с крестом, символом христианства, воспринимающимся как религиозный язык (104, с.101 — 104). Из этого следует, что оссуарный способ хранения костей — принадлежность не только зороастрийского, но и иудейского культов и, возможно, даже христианского, хотя для христиан он и не был характерным; так могли хоронить лишь в период резкой антихристианской реакции, что имело место в Сасанидском Иране (45, с.158 — 160). Поэтому захоронения по зороастрийскому обряду могут быть также христианскими, манихейскими и иудейскими. Но обряд трупоположения не даёт определения религиозной принадлежности погребенных, т.к. при них не было никакого сопровождающего инвентаря, нательный же крест в это время не был обязательной принадлежностью.

Таким образом, мервский некрополь можно считать комплексом не зороастрийских наусов, где в течение пяти веков неоднократно сменялся погребальный обряд в связи с изменениями в религиозной политике государства и в частности отношением к христианам. Характерно, что на этом же кладбище в какой-то период хоронили представителей иудейской общины.

О времени появления в Маргиане евреев можно судить по надписи на культовом сосуде из Эрк-калы в Старом Мерве, прочитанной В. А. Лившицем как "собственность Пакора, сына Йисы" из чего следует, что Пакор по отцу был евреем. Этот факт интересен сам по себе, т.к. свидетельствует о проживании евреев в Маргиане — Мерве еще во 2

— 3 вв. н.э. и что они вступали в брак с представительницами местной знати, о чём говорит парфянское имя Пакур — Пакор (137, с.30 — 31).

К северо-западу от некрополя располагался плоский холм Варрык-депе, огороженный стеной и без всяких захоронений, но непосредственно связанный с некрополем, о чём свидетельствуют одновременные с наусами остатки строений, куски керамических шлаков и др. Исследователи считают, что здесь жили люди, объединённые в "братства", занимавшиеся погребением мёртвых и поддержанием порядка на кладбище, заодно они же изготовляли по мере необходимости кирпич, керамику, кобуры, оссуарии.

Кроме Мерва, на территории Туркмении отмечены и другие памятники христианства. Несторианам принадлежало культовое сооружение Хароба-Кошук, расположенное в 15 км к северу от Мерва вдоль древней дороги на Хорезм, близ феодального кешка Дуе-Чакын. Здание прямоугольное в плане (51х13 м), ориентированное главной осью с северо-запада на юго-восток, и представляет один сильно вытянутый неф, расчленённый на несколько секций, расположенных анфиладно с использованием системы сводчато-купольных перекрытий. Напротив входа на оси

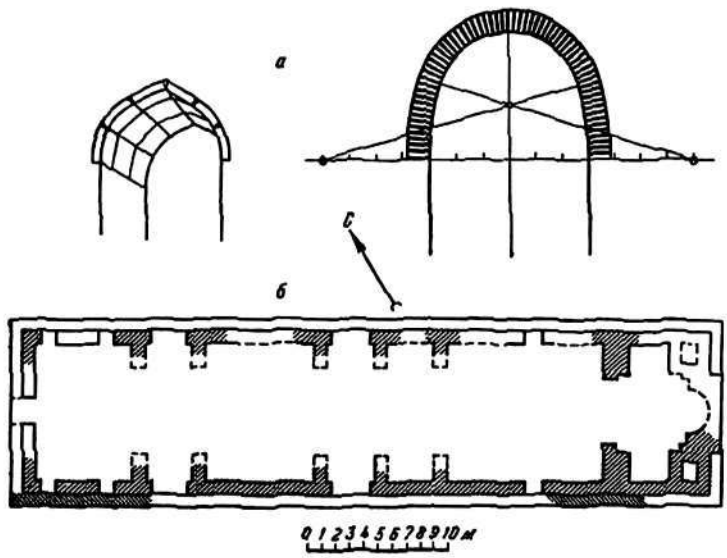

Рис. 4 Марыйская область. Хароба-Кошук. Христианская церковь.: а — типы арок, б — план.

абсида, в углах небольшие потайные комнаты, на поперечной оси — глубокие ниши. Основным строительным материалом служил сырец, в стенах сводчатые ниши, наружные стены без следов архитектурного декора (112, с.15,23,126 — 128; 47; 44, с.354; 30, с.90 — 96).

Хароба-Кошук принадлежала, видимо, одной из несторианских общин, которых в мервском оазисе, при наличии митрополии, было немалое число. Пока это единственный христианский архитектурный памятник такого рода, выявленный в Туркмении. Но следы христианства обнаружены были и в других районах республики: это клад раннехристианских золотых медальонов и бляшек из Геок-депе (84), оттиск печатей с изображением равностороннего несторианского креста на буллах с Ак-депе 6 — 7 вв. (34, с.48; 33, с.67 — 69). Резные камни сасанидского времени с изображением равностороннего несторианского креста говорят об определённых юридических правах христиан в Сасанидском Иране (21, с.235 — 242).

В 1993 г. в Эрк-кале Старого Мерва работала совместно с ЮТАКЭ экспедиция сотрудников Колледжа Лондонского Университета "Международный Мервский проект". Английскими археологами в слое позднесасанидского времени была найдена керамическая литейная форма для отливки несторианских нательных крестов и подвесок (73, с.51). Это первая находка такого рода в Мерве и, надо надеяться, не последняя, связанная с распространением здесь христианского учения.

При арабах и позднее до монгольского завоевания Мерв оставался христианским научным центром Хорасана, Средней Азии и всего мусульманского Востока. Среди выдающихся учёных уроженцев Мерва средневековые письменные источники упоминают для конца 8 — 9-го вв. христианина-врача, философа и математика Сахл Раббана и его сына Али ибн Сахл Раббана, а также врача христианина Ибн Мацы, оставившего после себя ценные труды по медицине и лекарственным растениям (22, с.45 — 47). Это яркий пример того, что в Мерве и его округе ещё в средние века в мусульманской среде продолжали проживать христиане.

ХРИСТИАНСКИЙ ХРАМ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

В ходе рекогносцировочных обследований на городище Старого Термеза на одном из всхломлений была выявлена часть стены со следами настенных росписей. В 1979 — 1980 гг. здесь велись раскопки. На открытом до того фрагменте стены был изображён квадрат, оконтуренный рамкой, с крестом в середине, в центре которого — круг и следы арабской надписи. От круга расходятся, слегка расширяясь, концы креста, в которые вписаны орнаментальные круги. По этой находке можно предположить, что под холмом скрываются остатки христианского храма.

В 1980 г. были произведены раскопки, которые дали довольно полное представление о памятнике.

Раскапываемый объект оказался прямоугольным в плане сооружением 40 х 20 м, состоящим из шестнадцати помещений, ориентированных с юго-запада на северо-восток (рис. 6). Стены сложены из пахсовых блоков высотой 0,5 м, чередующихся в некоторых местах с кладкой из сырца 33 х 33 х 10 см. Толщина внешних стен 1,5 м, внутренних до 1 м. Перекрытия, судя по остаткам, в основном были сводчатыми и купольными. Полы глинобитные, но местами с выкладкой жжёным кирпичом. Здание имело четыре входа: три с юго-восточной стороны и один — с северо-западной. Стены внутри помещений были оштукатурены глино-саманной штукатуркой и побелены, а в ряде комнат покрыты росписями. В отдельных помещениях использовалась и ганчевая штукатурка.

Центральной частью всего сооружения является крестообразное в плане помещение 1. Вероятно, это церковь. Вход находится с юго-западной стороны, сразу же за ним — поперечный неф длиной 16 м и шириной 3,5 м, идущий до противоположной внешней стороны здания. Примерно в 5 м от входа его пересекает центральный неф, той же ширины, что и поперечный, длиной 20,5 м. Особый интерес представляет место их пересечения, образуя квадратное помещение 4,5 х 4,5 м с купольным перекрытием, фрагменты которого найдены в завалах. Каждый из восьми образованных таким образом выступающих углов укреплён полукруглыми колонками, окрашенными в красный и синий цвета. На всех стенах поперечного нефа панели с довольно хорошо сохранившимся орнаментом. Над

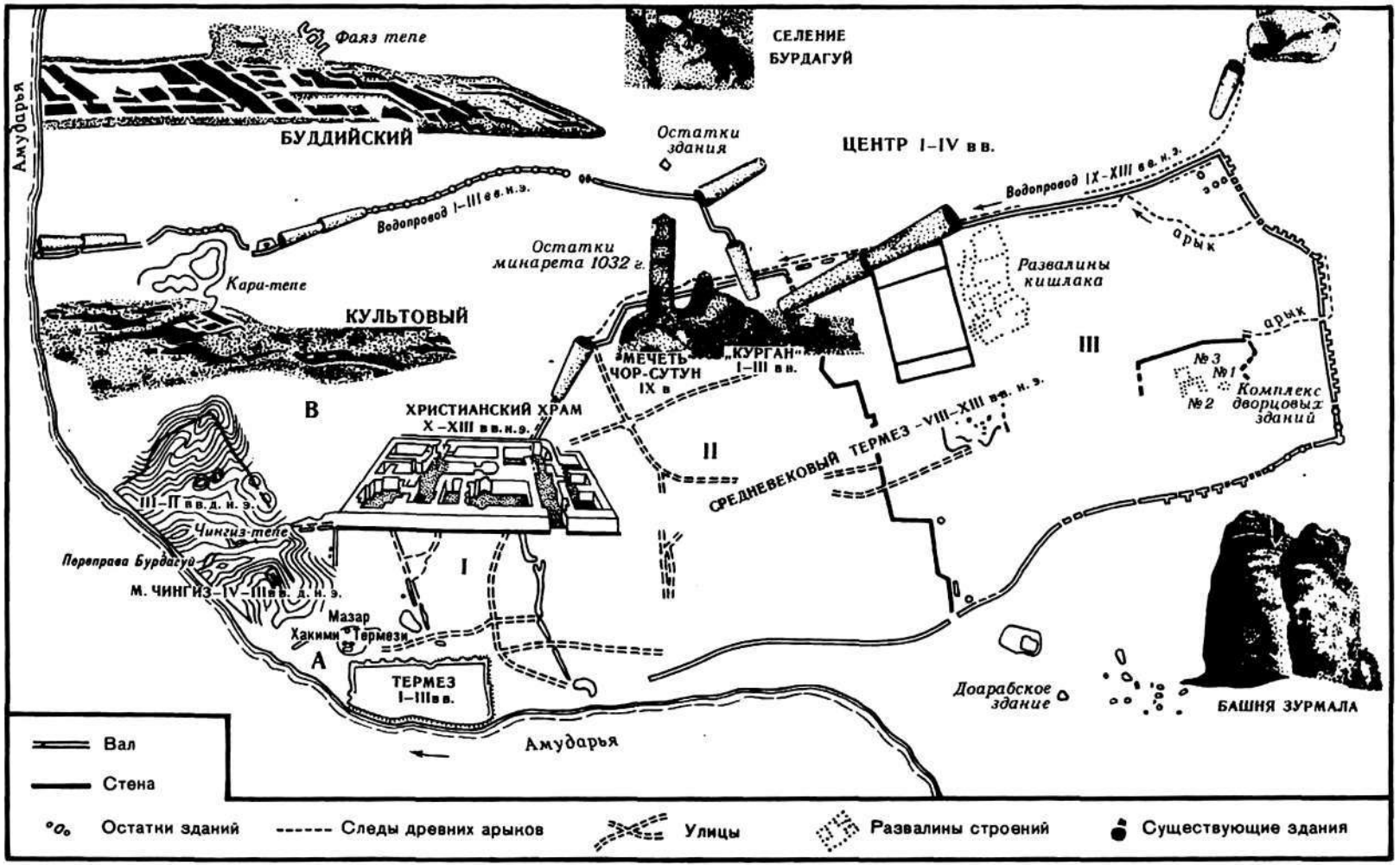

Рис. 5 Схематический план Старого Термеза.

ними — кайма, а выше белая поверхность стен украшена растительным орнаментом, выполненным чёрной краской.

С юго-западной стороны центрального нефа находится помещение 2 (3,5 м х 2 м). В нём сохранился колодец диаметром 0,8 м, стены которого сложены из отдельных сегментов бочкообразной формы, покрытых толстым слоем глино-саманной штукатурки. За пределами юго-западной стены этой комнаты на расстоянии 10 м находится второй колодец аналогичного устройства. Можно лишь предположить, что в нижней части колодцы соединены между собой. Воду во внешний колодец подавали по трубам водопровода, уложенным в землю, а из него она по закону сообщающихся сосудов поступала по трубам в колодец помещения 2. Последнее, очевидно, предназначалось для омовений. Такие помещения обычно делались отдельно от церкви и трапезной.

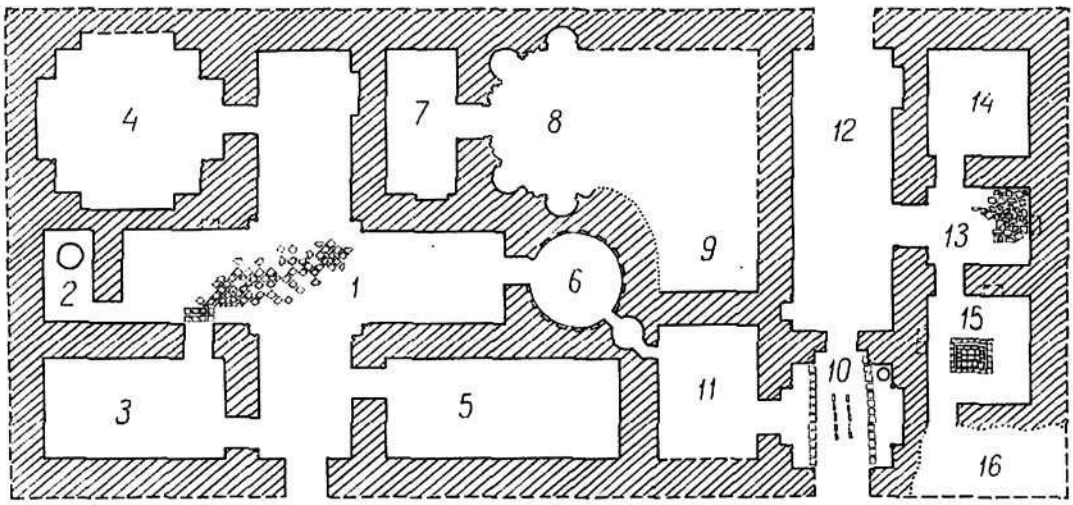

Рис. 6 Христианский храм в Старом Термезе. План.

В помещении 3, в южном углу храма находилась, как мы полагаем, трапезная термезской церкви. Она имеет два входа — один из центрального, другой — из поперечного нефа. Перед входом в трапезную из центрального нефа выкладка из двух рядов жжёного кирпича. Выйдя из центрального нефа и совершив трапезу, можно было войти в поперечный неф.

Помещение 4 находится в западном углу здания, вход в него расположен со стороны поперечного нефа. Первоначально помещение было квадратным, но затем с двух сторон в нём были сделаны прямоугольные ниши. Стены этого помещения неоднократно штукатурились толстым слоем гипса по глино-саманной штукатурке, вдоль стен тянутся суфы с такой же гипсовой штукатуркой. В

результате всех перестроек помещение получило крестообразную планировку и скорее всего было перекрыто куполом.

Помещение 4 было или приделом, или крещальней — вскрытие его не завершено.

Помещение 5. Вход в него справа от внешнего входа в храм и поперечный неф. На сохранившейся лучше других его северо-западной стене — рисунки интересного содержания. Верхняя часть её разделена на пять орнаментированных квадратов, каждый из которых имел свой рисунок. Насколько удалось рассмотреть, он состоял из пяти кругов, пересекающихся с центральным кругом. В середине образовавшейся фигуры изображён крест с расширяющимися концами, в каждый из которых вписано по одному орнаментальному кругу. В центре креста надпись арабского письма. Изображённый на стене этого помещения крест очень напоминает византийские несторианские кресты. В целом весь орнамент, видимо, изображает щитки складней иконостаса. Само помещение возможно служило безалтарной часовней.

Помещение 6 является как бы продолжением северо-восточной части центрального нефа. Оно круглое в плане, с купольным перекрытием. Поверхность стен разбита на два ряда квадратных нишек, расположенных в шахматном порядке. Над нишками гладкая поверхность стены, а выше проходят выступающие пяты свода. Между ними бордюр, украшенный рядом рельефных четырёхступенчатых зубцов — мерлонов, выполненных из сырцового кирпича. Бордюр и верхняя пята расположены уже на нижней части свода. Поверхность его была покрыта слоем глино-саманной штукатурки и побелена. Таким же способом покрыты и стены с нишами. В помещении имеются два дверных прохода. Один из них вёл в центральный неф, другой — в малое купольное помещение 6а и через него в помещение 11.

Помещение 6а небольшое по размеру, круглое в плане (диаметром 1,15 м), перекрытое куполом вытянутой яйцевидной формы, в замковой части которого оставлен квадратный световой люк. Со стороны комнаты 11 — дверной проём.

Помещения 7, 8 составляют особую замкнутую группу, связанную между собой дверным проходом. Стены побелены и покрыты росписью, в юго-восточной стене его неглубокая нишка.

Помещение 8 является одним из самых интересных как по форме интерьера, так и по его украшению. Раскопана его юго-западная часть, представляющая большую абсиду диаметром 5 м. В центре абсиды проход в комнату 7, оформленный так же, как и две малые

абсиды, которые расположены по обе стороны от него (рис. 7). Эти малые абсиды отделены друг от друга овальными участками и каждый из таких промежутков украшен тягами — нервюрами. На выступающих углах прохода строенные пучки колонок нервюр, которые тянутся от полуметрового плинта. Всего в большой абсиде сохранилось 34 колонки — нервюры, они, подобно трубам большого органа, тянутся ввысь к куполу. Колонки покрыты глино-саманной штукатуркой и окрашены. Ввиду того, что помещение погибло от пожара, стены его сильно обожжены и установить характер окраски невозможно.

Рис. 7 Малая абсида с нервюрами. Помещение 8.

Помещение 10, которое находится на стороне внешнего входа в храм, имеет крестообразную планировку. В интерьере все выступающие углы украшены колонками типа нервюр. Слева от центра комнаты — дверной проход в комнату 11 и ещё один дверной проём ведет в следующее помещение 12. Между этой дверью и центральным входом — дорожка, выложенная жжёным кирпичом, в северном углу большой очаг.

Помещение 12 можно назвать коридорообразным по форме (10,5 х 4 м). Оно оформлено нишами и пристенными колонками. Местами сохранились их квадратные капители.

Помещения 13, 14, 15, смежные друг с другом и связанные проходами, имеют внешний, независимый от других помещений комплекса, вход в храм. Перед ним, видимо, было какое-то привходное помещение. В помещении 15 интересны две арочные ниши, где профиль арки вписан в прямоугольник, причём — арка стрельчатая. В центре этого помещения была вырыта прямоугольная яма, края которой обложены до уровня пола прямоугольным сырцовым кирпичом, а посередине устроено возвышение.

В раскопанном объекте шестнадцать помещений, частью изолированных друг от друга. Подобного рода комплексы, где имеются несколько изолированных церквей, приделов, часовен и других культовых помещений, известны во многих монастырских культовых сооружениях Армении. Остановимся на двух монастырских комплексах Макараванк и Хоранашат, находящихся в Северной Армении (139). Древнейшей частью этого комплекса является крестовокупольная церковь 10 в. с приделами в углах зданий. В Макараванке рядом с ней расположена церковь Аставацацин, имеющая алтарную абсиду, украшенную целым рядом небольших ниш. Эта абсида имеет много общего с большой абсидой помещения 8 термезского здания. В главном здании монастыря Хоранашат абсида того же типа. В северо-восточном углу комплекса Макараванк мы видим церковь, круглую с наружной стороны и крестообразным планом внутри. Подобную планировку имеют помещения 4 и 10 термезского комплекса.

С западной стороны от крестокупольной церкви монастыря Макараванк расположена часовня — небольшое здание с иконами и без алтаря. Подобная часовня в термезском комплексе могла находиться в помещении 4, расположенном в западном углу комплекса рядом с центральным нефом.

В целом термезский комплекс, предположительно, можно считать большим храмовым ансамблем с различными сооружениями, главной частью которого является крестокупольная церковь, состоящая из центрального и поперечного нефов и купольной церкви.

При раскопках Ак-Бешим в долине р. Чу в 8 км к юго-западу от г. Токмак в Киргизии в 1954 г. Л. Р. Кызласовым была обнаружена христианская церковь. Она, как и христианский комплекс Термеза, также находится за пределами городских стен.

Церковь Ак-Бешима имеет в центре большой двор, окружённый стенами. Она также сложена из пахсовых блоков и сырца и в плане представляет собой помещение "с обнажённым крестом". Л.Р.Кызласов считал, что открытая им церковь является древнейшей

в Средней Азии и несёт в себе элементы архитектуры сирийской крестообразной церкви и среднеазиатского открытого двора с айваном (69, с.233). Подытоживая сравнение двух комплексов Термеза и Ак-Бешима, можно сказать, что на Ак-Бешиме крестообразная планировка относилась к самой церкви, а в термезской это были помещения 4, 10. Происхождение этой планировки надо искать среди крестообразных церквей Малой Азии и Армении 7 — 8 вв., которые своими корнями восходили к планам сирийских церквей ещё 4 — 6 вв. (69, с.231 233).

Как бы продолжением северо-восточной части центрального нефа в термезском комплексе является помещение 6, круглое в плане с купольным перекрытием. В нём, по нашему предположению, находилась ризница, в которой хранились ризы и церковная утварь, а в нишах могли стоять иконы. В соседнем с ним маленьком купольном помещении 6а могло находиться кадило. На месте перехода стен к куполу в помещении 6а находится фриз, состоящий из ряда выступающих зубцов — мерлонов, которые здесь несут чисто декоративную функцию.

Одним из самых интересных в христианском храме Термеза являются помещение 8 и связанное с ним помещение 7. Можно предположить, что здесь большой зал с абсидой предназначался для хора, располагавшегося в ней, верующие же сидели в северо-восточной части. Проход в комнату 7 был перекрыт тканью, из этой комнаты люди выходили в большую абсиду для песнопений. Нечто подобное мы видим в храме Святой Софии в Константинополе, где центральный неф заканчивается абсидой с тремя малыми абсидами — одна по центру и две по бокам. Здание как бы разделено на две части, неф и алтарь отделены друг от друга иконостасом, а в боковых абсидах находилось по одному столу, на которых лежали священные книги и предметы. Перед иконостасом — солея, обнесённая балюстрадой, в которой находились певчие, а под куполом располагался амвон, на котором читались священные писания (142, с.59). Подобную планировку можно видеть в термезском зале 8.

Можно предположить и другую реконструкцию этого зала, данные для которой мы находим в армянской архитектуре. Так, например, в одной из ранних армянских церквей Рипсиме, расположенной к юго-западу от Еревана, датируемой 618 г., сохранилась очень интересная планировка. В основе её лежит квадрат с четырьмя большими абсидами, ориентированными по странам света и четырьмя малыми абсидами по углам средокрестия, из которых имеются ходы и

приделы. В результате включения абсид в квадратные контуры, церковь получила округлую форму, центральная часть которой перекрыта шестнадцатигранным коническим куполом. Эта церковь принадлежит к числу выдающихся произведений армянской архитектуры, а её тип неоднократно воспроизводился в христианских храмах Закавказья и в последующем развитии армянского зодчества (139, с.110).

Разрушение термезского христианского храма может быть отнесено к концу 13-го в., когда монгольский хан Газанхан в 1295 г. принял мусульманство. О насильственной гибели храма говорят обгоревшие стены зала с абсидами и железная монгольская стрела на его полу.

О НЕСТОРИАНАХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ
(по нумизматическим данным)

Одним из уникальных источников по истории древних верований и обрядов являются монеты. Данные письменных источников по проблеме проникновения несториан в Трансоксиану и археологические находки были исследованы востоковедами и археологами. Однако многие нумизматические находки, подтверждающие проникновение несториан в Трансоксиану (122, с.25, 32, 58), не известны и впервые вводятся в научный оборот в предлагаемой статье. Не исследовались в связи с их выпуском в разных пунктах Среднеазиатского Междуречья вопросы локализации тех или иных чеканов и расселения несториан, с действиями которых связаны определенные изменения в иконографии нумизматического материала. Исследования нумизматических и археологических находок, вводимых в научный оборот, а также данные письменных источников могут выявить пункты расселения несториан в Средней Азии и сопредельных областях, определить роль и значение несторианских верований в идеологии исследуемого региона, в его политико-экономической жизни.

Монеты с изображением несторианского креста зарегистрированы в Согде, Уструшане, Хорезме. Однако не для всех этих регионов они связываются с распространением христианских верований, и не всегда символы на них трактуются как христианские.

Наиболее ранними, на наш взгляд, являются монеты Бухарского оазиса, т. е. Западного Согда. Однако пока отмечены не все типы, группы, варианты этой серии, отсутствуют данные по их датировке и их локализации, иконографическому анализу, идеологической стороне публикуемых материалов. Всего зафиксировано 12 экземпляров монет этого круга с несторианскими символами, хранящихся в Музее истории АН РУз. Локализуются они по находкам в районе городища Варахша (Западный Согд). Часть из них составляет варахшинскую коллекцию, собранную в процессе многолетних исследований В.А.Шишкина на городище Варахша и его окрестностях, другие — из частной коллекции жителя г.Бухары А. Е. Ивкова, который собрал их в окрестностях Варахши.

По общему иконографическому типу нами выделена серия монет с изображением животного на одной стороне и несторианского креста

на оборотной. По видам животных внутри серии выделяются три группы, а внутри последних — типы и варианты, которые возможно определяют хронологические изменения.

Таблица 1

Монеты: 1 — 12-Западного Согда. 4 — 6 вв.; 13 — 14, 17 — Уструшаны. 6 в.; 15 — Восточного Согда. 6 в.; 16 — из Отрара. 7 — 8 вв.; 19 — 20 — из Хорезма. 8 в.; 21 — монета с озера Челкар. 6 в.

Группа первая. Выпуск-1. Тип-1.

Вариант первый. Лицевая сторона: в мелкоточечном ободке изображение льва, идущего влево с величаво поднятой головой и выдвинутой вперед правой лапой. Хвост поднят и слегка изогнут. Оборотная сторона: изображение несторианского креста в виде составленных в одно целое треугольников вершинами к центру со скругленными углами. Вес целых экземпляров 1,3 г.

Вариант второй. Лицевая сторона: изображение льва в

мелкоточечном ободке, поза животного несколько статична, передняя лапа слегка отставлена в сторону, хвост поднят. Оборотная сторона та же. В. — 1,25 г. Д. — 14,9 мм. Инв. 1377,7/303, Варахша.

Тип-2. Лицевая сторона: изображение животного вправо, но более крупного, чем на монетах первого типа, детали несколько стилизованы, морда животного больше похожа на голову коня, чем льва, хвост крупнее и толще. Ободок крупноточечный, штемпель крупнее. Оборотная сторона: изображение несторианского креста, но несколько иного типа — ближе к центру лепестки сужены до штришков, ободок крупноточечный. В. — 1,30 г. Коллекция А.Е.Ивкова, №971, Варахша.

Тип-3. Лицевая сторона: изображение льва еще более стилизованное, морда передана двумя штришками — верхний более толстый с закраиной книзу и нижний более тонкий и более короткий.

Оборотная сторона: несторианский крест, лепестки с более четкими острыми углами, крест несколько укрупнен. В. — 0,45 г., фрагмент, МИ №57, Варахша.

Тип-4. Лицевая сторона: изображение животного еще более стилизованное, голова не просматривается ввиду плохой сохранности, лапы переданы по-иному — все выставлены вперед, будто животное падает. Ободок мелкоточечный. Оборотная сторона: несторианский крест иного типа — это уже не лепестки, а тонкие штришки с несколько расширенными концами, ободок мелкоточечный, но не густой. В. — 1,23 г. Коллекция А.Е.Ивкова, Варахша (имеются следы обреза литника).

Выпуск-2. Тип-1. Лицевая сторона: изображение, вероятно, того же животного, но вправо. Поза статична, лапы расположены близко друг от друга. Морда несколько напоминает клюв — она заострена. Ободок густой, мелкоточечный. Оборотная сторона: несторианский крест того же типа, как тип-4, выпуска-1. В. — 0,86 г. Коллекция А.Е.Ивкова, №242.

Тип-2. Лицевая сторона: стилизованное изображение льва вправо. Ободок едва заметен. Оборотная сторона: изображение несторианского креста, штрихи которого гораздо толще, ободок мелкоточечный и густой. В. — 0,56 г. МИ №59, Варахша.

Тип-3. Лицевая сторона: изображение, вероятно, того же животного вправо, еще более стилизованное, скорее напоминает волка, чем льва. Оборотная сторона стерта, виден лишь ободок из толстых точек. В. — 0,90 г. Коллекция А.Е.Ивкова, №243.

Группа вторая. Тип-1. Лицевая сторона: изображение оленя,

идущего влево в толстоточечном ободке, рога непропорционально крупные, несколько свисают за головой. В. — 1,29 г. Варахша, МИ №80.

Другой экземпляр монеты с изображением оленя ввиду плохой сохранности не приводится.

Группа третья. Тип-1.

Вариант первый. Лицевая сторона: изображение животного, напоминающего слона или хвостатого барана, идущего вправо, над ним по кругу следы легенды. Оборотная сторона: в толстоточечном ободке полустертый крест, видна лишь нижняя его часть и несколько деталей от боковых лепестков. В. — 1,07 г. Инв. 1473, 7/400.

Вариант второй. Лицевая сторона: полустертое изображение животного вправо. Над ним остатки легенды, ободок не просматривается. Оборотная сторона: в точечном ободке изображение лепестков несторианского креста, отличающегося от предыдущих изображений тем, что к центру они сужены в меньшей степени. В. — 0,54 г. ИА. Инв. 1460, 7/387.

Тип-2. Лицевая сторона: стилизованное изображение животного, идущего вправо, хвост поднят вверх, ухо длинное, по кругу курсивная согдийская легенда. Оборотная сторона: в толстоточечном ободке полустертый крест. Коллекция А.Е.Ивкова, № 229, Варахша.

Таким образом, на монетах первой группы изображен лев, на второй олень, на третьей или слон или еще какое-то животное. Все монеты медные, вес их колеблется от 0,5 до 1 г и более. Техника изготовления отличается от раннебухарских медных монет, имеющих скифатность — выпукло-вогнутую форму, что является признаком не центрального чекана, а локального внутри Бухарского Согда.

Наличие трех групп, а также признаки стилизации изображений в первой и третьей группах свидетельствуют о долговременности серии.

Рассматривая описываемые монеты на фоне чеканов Западного Согда, нужно отметить, что изображение животных на них встречается здесь в 4 — 7 вв., курсивные легенды на них в 6-м в. Монеты, не имеющие курсивных легенд, но с реалистическим изображением животных, вероятно, можно датировать 4 — нач. 6-го в., монеты с курсивными легендами — 6-м в. Серия в целом чеканилась с 4 — до конца 6-го в.

Образ льва в христианстве священный, он отождествлялся со святыми, символизировал Христа. В Византии в 5-м в., в Армении в 6 — 7 вв. изображение льва символизировало власть, несокрушимое могущество. Гербовые эмблемы львов присутствуют на тронах, вещах, монетах правителей.

Второе священное животное — олень. Его изображения также украшали гербы с христианскими символами. В третьей группе монет непонятное животное, вероятнее всего, — это хвостатый баран, образ которого, как и льва, был наиболее распространен в христианстве. На гербах городов Чердынь и Шадринск он изображен с книгой и равноконечным крестом на спине. Образ барана присутствует на *золотых бляшках — брактеатах из клада, найденного в Туркмении* близ Геок-депе и впервые описанного гидрогеологом, краеведом И.А. Анбоевым, который считал, что это образ агнца (ягненка, первенца в стаде). Это жертвенное животное, передававшее образ Иисуса Христа, принесшего себя в жертву и тем искупившего грехи людей. Во всех трех вариантах животные переданы в геральдической позе, царственно ступающие с гордо поднятой головой.

Таблица 2

1 — 5, 8 — 9 — кайраки (Фонд Музея истории Узбекистана); 6 — 7 — знаки и сирийская надпись на скале близ Ургута (Самаркандская обл.).

Таким образом, на монетах Западного Согда на одной стороне изображение Иисуса Христа (в образе животного, считавшегося священным), а на другой — крест. Такой иконографический тип был *самым распространенным у монет Византийской империи.*

Иконографический анализ монет Западного Согда и Чача показал, что изображения льва на бухарских и ташкентских монетах близки. Некоторые экземпляры указывают на работу одного и того же резчика штемпелей. Определенные изменения прослеживаются в *изображениях несторианских крестов. Наиболее реалистичные* изображения животных имеются на монетах с изображением крестов в виде четырех лепестков со скругленными углами — это самые ранние типы — 4 — нач. 5 вв. Переходными типами являются монеты с изображением животного влево и новым типом креста, с

утоньшением к центру, приближающимся к штриховидному. Эти типы можно, вероятно, датировать 5-м в. Остальные — с изображением крестов иных видов, сочетающихся с курсивными легендами, — 6 в.

Помимо Западного Согда, монеты с изображением несторианских крестов были отмечены в Восточном Согде и Уструшане, т.е. в районах Средней Азии, более близких к Восточному Туркестану, являвшемуся оплотом манихейских верований, которые просуществовали там дольше, чем в Согде. В 1968 г. на Афрасиабе (городище древнего Самарканда) в одном горизонте с монетами согдийского царя Шишпира (1 — 2-я четверть 7-го в.) найдена монета, на которой, в отличие от остальных монет этой серии, по обеим сторонам головы персонажа в качестве дополнительного элемента нанесены два креста. Этот признак исследователи считают следствием влияния византийской монетной иконографии (177, с.232 — 234; 122, с.25).

Несторианский символ в виде небольшого равноконечного креста

Рис. 8
Золотой медальон из Ахангарана (Ташкентская обл.)

имеется на другой серии монет Восточного Согда. На лицевой стороне их изображен персонаж с едва заметным поворотом в три четверти влево и в необычном головном уборе — двойном, обручеобразном полусферическом, свободно охватывающем голову, закрывая уши (122, с.353). На оборотной стороне лирообразный знак — тамга, а рядом с ним несторианский крест и знаки курсивной согдийской легенды. Знаки, на наш взгляд, представляют более ранний по времени курсив, чем на других монетах этой серии и возможно данный тип монет датируется 6-м в.

Не менее интересны и монеты соседней с Самаркандским Согдом области — Уструшаны. На лицевой стороне их погрудное изображение правителя в крылатом венце, восходящем к короне сасанидского царя Хосрова Парвиза (7

в.). От венцов с двух сторон спускаются две развевающиеся ленты, перекрученные в верхней части. На оборотной стороне тамга и легенда: "Господин Раханч". Слева от тамги несторианский крест. По характеру легенд и стилю оформления лицевой стороны их можно датировать 6 — 7 вв.

На общем фоне среднеазиатских чеканов монеты Уструшаны стоят несколько особняком, на них выделяются парадные головные уборы и облик правителя. Головной убор выполнен в чисто сасанидской традиции — это пышная, парадная тиара — корона и такие детали, как крылья с двух сторон, полумесяц с диадемой над лбом. Да и сам облик правителя передает черты лица, близкие лицам сасанидских правителей: красивый, несколько удлиненный овал лица, правильный прямой нос, крупные широко открытые глаза миндалевидного разреза, свойственные ираноязычным правителям.

Устойчивое своеобразие головного убора на фоне среднеазиатских головных уборов на монетах других княжеств свидетельствует об иранском происхождении династии, что подтверждают и письменные источники и исследователи о движении несториан иранцев.

Рис. 9
Фляга 9 — 11 вв. (Фонд музея *истории Узбекистана)*

Например, высказывание Наршахи о династии Варданхудатов, в период правления которых был основан город Шапуркан (современный Шафиркан) в пределах Западного Согда. Это было самостоятельное княжество, неподвластное бухархудатам, имевшее собственные земли. Вполне вероятно, в местности Варданзи *проживали несториане, пришедшие вместе с изгнанными* сасанидским царевичем в Согд. Этот факт не мог бы иметь места в истории Западного Согда, если бы бухарский правитель не покровительствовал христианским верованиям и не был близок по происхождению сасанидскому царевичу.

Находки монет с несторианскими символами в Варахшинском оазисе — косвенное подтверждение приверженности бежавшего от гнева отца из Ирана царевича христианскому вероисповеданию. Событие это могло произойти в 5-м в. (или в 5 — 6 вв.), ибо так датируются сасанидские монеты с надчеканом бухарской тамгой, основные находки которых, в том числе клад, локализуются в районе современного Шафрикана.

С влиянием Сасанидов связан выпуск монет с лирообразным знаком. В надписях на монетах этой серии слова: " Хранитель огня Фарнбага" или "Огонь Фарнбага" (на некоторых третье слово не ясно). Предполагается, что это имя божества или название храма его огня, что монеты были храмовыми и выпускались в честь божества — покровителя города. Образ этого божества, вероятно, представлен на лицевой стороне. Кроме Средней Азии, имя Фарнбага соотносилось с одним из четырех главных священных огней зороастрийцев, посвященным жрецам. Он находился, согласно зороастрийской традиции, в пределах современного Афганистана — в Кабулистане (122, с.25), составлявшем часть Сасанидской империи.

Вновь, как для районов Западного Согда и Уструшаны, монеты, судя по иконографическому анализу, помогают выявить направление связей между Ираном и исследуемым регионом распространения несторианских верований. Известно, что в Иране, где основной религией являлся зороастризм, христианские верования получали поддержку при дворе. В 6-м в. Хосров II приказал строить новые храмы огня и приставлял к ним жрецов-магов, но в то же время посылал дары в христианскую церковь Сергия Русафского, а несторианский епископ благословлял трапезу царя. Про отца Хосрова II говорили, что одной из опор своего престола он признавал христианство (106, с.235). Христианин мог занимать официальную должность и нести военную службу в войске царя. Несторианская церковь имела мощную экономическую организацию, пользовалась правом продавать и приобретать крупные земельные участки. Возможно, в окрестностях Варахши, в Уструшане, в Восточном Согде были земли, принадлежавшие несторианам.

Судя по монетным данным, для Согда и Уструшаны появление на отдельных экземплярах или целых сериях несторианских символов явление не случайное, с ним связывают влияние византийского чекана (122, с.32), но не исключено их возникновение и в результате движения несториан из Ирана в 5 — 6 вв. или манихеев в 3 — 4 вв. В 227 г. принял мученический венец Мани, объявивший себя "наследником Христа и паракоетом". Его последователи бежали из

Персии в Трансоксиану (35, 1970, с.46 — 47). Следы этой первой волны манихеев фиксируют монеты Бухарского оазиса из окрестностей Варахши с изображением зверей и несторианских крестов.

После Эфесского собора несториане переселяются, последователи Нестора бегут в Персию. Несторианство становится господствующим исповеданием персидских христиан. Часть христиан проникает в Согд и Уструшану. Так, в Бухарском Согде продолжает чеканиться серия монет с изображением животных, крест приобретает новую форму, сходную с равноконечным крестом несторианского типа. В 6-м в. в Уструшане на монетах правителя Раханча появляется в качестве дополнительного элемента несторианский крест.

В 489 г. император Зенон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Персию, и в 499 г. в Ктесифоне возникла несторианская патриархия, расцветшая в 6-м в. (35, с. 47). В конце 5-го в. была учреждена

Рис. 10
Бронзовый бокальчик 6 в. из несторианского клада, найденного в Ташкенте.

епископская кафедра в Самарканде, в 8-м в. преобразованная в несторианскую метрополию. Известно, что среди несториан был особый класс "молельщиков", которые не употребляли в пищу мясо. С их появлением в Западном Согде можно связать чеканку монет с несторианским крестом и такими животными, как олень, хвостатый баран, которые считались священными. Монеты эти датируются 5 — 6 вв.

В 561 г. между Ираном и Византией был заключен мирный договор, в котором, по свидетельству Менандра, устанавливалась свобода вероисповедания для персов, живущих в Византии, и для византийцев, живущих в Персии (136, с.266). 6 в. был наиболее благоприятным для несториан, проповедовавших свое учение в Согде, Уструшане и среди тюрок. Не случайно поэтому именно с 6-го в. на монетах в восточной части Трансоксианы несторианские

символы и часть этих чеканов исследователи связывают с правлением тюрок.

В 6-м в. между Западно-Тюркским каганатом и Сасанидским Ираном возникают напряженные отношения, вызванные разногласиями сторон в вопросах контроля торговых путей. Результатом таких действий явился поиск согдийцами вместе с тюрками путей переговоров с Византией.

Об интенсивности распространения несторианства непосредственно через Византию свидетельствуют византийские монеты. В коллекции Ташкентского музея, которая складывалась в основном из местных находок (76), более всего монет 6-го в. в основном чекана Юстиниана (527 — 565 гг.). Это связано с притоком несториан не только из Ирана, но и из Византии, особенно после договора 561 г.

С влиянием византийской иконографии связывается, вероятно, появление на среднеазиатских чеканах 6 — 7 вв. фронтального изображения правителей. Это характерно для восточного и западного Согда, Чача, Уструшаны, но отсутствует в Хорезме и Южном Согде. На монетах Византии персонажи на лицевой стороне представлены впрямь. Интересны две уникальные монеты Западного Согда, хранящиеся в Музее истории (Н — 135/32, Н — 135/34). На их лицевой стороне изображен правитель впрямь, на оборотной неясный знак в виде перекрестия. Техника изготовления отличается от чеканов этого времени: толстый массивный кружок, рельеф изображения высокий, монеты литые. Качество монет вызывает некоторые сомнения в подлинности описываемых экземпляров, но, даже если это копии, то с подлинных монет. Они более всех западносогдийских монет говорят о византийском влиянии.

Исследователями отмечалось византийское влияние на чеканы Отрара, в частности на передачу образа льва. Его изображение отличается от львов на чачских монетах и передает иную традицию. Однако Чач, как и Согд, имеет монеты с фронтальным изображением и в этой области также отмечены находки, свидетельствующие о существовании несториан. Это золотой медальон по типу монет Юстиниана, несторианский клад, найденный в Ташкенте (83, с.29 35; 1, с. 39 — 40).

С влиянием Византии, вероятно, связано также и появление несторианских символов на общегосударственном серебряном чекане Хорезма. В 1991 г. здесь был найден клад серебряных хорезмийских монет в Шаватском районе, первоначальный состав которого состоял из 100 — 120 экземпляров, 38 из них в Музей истории Узбекистана поступило от Н.И.Жуманиязова. По его сведениям, клад находился в

небольшом красноангобированом кувшинчике, завернутом в материю. Монеты оказались принадлежащими чекану хорезмийского царя Суавашфарна. Этот правитель упоминается в списке хорезмийских царей у Беруни, а в китайских источниках как Шаошифень, считают, что он правил во второй четверти — начале 60-х годов 8-го в. в Хорезме. Имя его хорезмийское и переводится как "обладающий славой (фарном) Сиявуша".

37 экземпляров монет клада представляют обычный тип монет этого правителя: на лицевой стороне портрет усатого царя вправо в короне-тиаре с зубцами. В неё впереди над лбом вмонтирован полумесяц с тремя точками внутри, имеются наушник, назатыльник, концы диадемы развеваются за головой. Перед лицом надпись хорезмийским курсивным письмом. Все это заключено в ободок из перлов. Оборотная сторона: изображение всадника (царя) в тиаре того же типа, что и на лицевой стороне. За головой его хорезмийская тамга. По кругу знаки хорезмийской легенды: титулы и имя: "Правителя Царя Суавашфарна". Интересующие нас монеты этого правителя представляют новый тип, отличающийся от остальных наличием за тиарой значка в виде несторианского крестика, который имеется и на оборотной стороне за головой персонажа. Чуть ниже, за спиной значок в виде петли, напоминающей одну из букв пехлевийского алфавита, встречающейся в качестве дополнительного элемента на сасанидских монетах.

Те же символы, кроме петли, и на монетах другого хорезмийского правителя Азкацвара. Здесь несколько типов монет этого правителя, в том числе два типа с интересующими нас значками (25, тип ГУI а, б). На самом позднем типе этих монет, когда появляется мусульманская легенда, передающая его имя в мусульманском варианте — Абдаллах, интересующий нас значок отсутствует. Эти детали иконографического анализа свидетельствуют о времени наибольшего влияния христианства в Хорезме, когда на централизованном, государственном чекане, имевшем, кроме основного значения денег, и политическое, пропагандистское значение власти, религиозных верований, появляются символы несторианства — несторианский крестик. Так, при правлении Суавашфарна и Азкацваре, до завоевания Хорезма арабами, христианские верования, возможно несторианского толка, были здесь распространены. Указанные правители могли исповедовать христианство или покровительствовать ему наряду с местными верованиями до прихода ислама. Появление значка следует датировать, судя по времени правления названных царей, третьей четвертью 8-го в. — 762 г.

Одна из уникальных монетных находок была сделана в 1935 г. в районе озера Челкар (Казахстан), области, близкой по культурно-историческим традициям с Хорезмом. На лицевой стороне изображение идущей вправо лошади и надпись плохой сохранности. На оборотной стороне 4 или 5 крестообразных знаков. По предположению нашедшего монеты, эти знаки передают письмо. Аналога описываемый экземпляр не имеет. Монеты с изображением животных нередки для иконографии среднеазиатских чеканов 4 — 5 вв. Однако, оборотная сторона имеет уникальное изображение, которое, вероятно, передает не письмо, а христианские алтари, аналогичные изображениям на ампулах-эвлогиях (51, с.185).

Изображение лошади — четвертого священного животного на монетах с христианскими символами могло быть связано с митраистским культом, который до появления христианства являлся здесь одним из самых популярных.

На монетах западного Согда животные изображены в геральдической позе, на описываемом же экземпляре конь передан статичным и более реалистичным. Датировать по этим признакам ее можно несколько более поздним временем, чем серию варахшинских монет — 6 — 8 вв. В целом же образ коня еще задолго до христианства являлся священным для районов Приаралья, Хорезма, Казахстана, где более всего обитало кочевое население.

Письменные источники упоминают о языческих храмах со скульптурами коней на площадях. Один из таких храмов располагался на берегу Окса (Амударьи). Местные традиционные верования переплетались с новыми, что нашло свое отражение в нумизматическом материале, отображающем те или иные верования.

Как известно, с самого начала своего появления несторианское течение, которое возглавил антиохийский монах Несторий, подвергалось гонениям. Целый период в истории (5 — 6 вв.) отмечен напряженными противоречиями между римским и константинопольским, александрийским и антиохийским епископствами (7, с.301). После смерти Нестория несторианство распространяется из Аравии в Иран и дальше в Среднюю Азию, что подтверждено археолого-нумизматическими находками.

В 6-м в. поток несториан усилился в связи с политикой Юстиниана, стремившегося достигнуть единства империи, и потому проповедавшего единство церкви. Ему принадлежит фраза: "одно государство, один закон, одна церковь".

Для 7 — 8 вв. известны нумизматические находки не только в Согде, Уструшане, как было в более ранний период, но и на север от

Согда в Чаче, Хорезме. Это, вероятно, указывает направление движения учения, хотя, возможно, в Хорезм несторианство проникло из Парфии.

Интересными экспонатами, хранящимися в фондах Музея истории Узбекистана АН РУз, являются два намогильных камня-кайрака с сирийскими надписями, имеющие непосредственное отношение к христианским верованиям. Находка была сделана в Ташкенте. Камни определены, как относящиеся к 13-14 вв.

В Чаче, где отмечены находки, связанные с христианскими верованиями для более раннего времени 6 — 8 вв., наличие христианских намогильных галек столь позднего времени, очевидно, также не случайно.

В районе Западного Согда выявлена целая серия монет с несторианскими символами, существование христианских верований на протяжении длительного времени в этой области подтверждают письменные источники. По свидетельству ас-Сама ани, в Бухаре находилась мечеть аш-Шам (Сирийская), отождествляемая с мечетью Бану Ханзала. Она была построена на месте христианской церкви, упоминаемой в 10в. (60, с.62).

Уникальные письменные источники периода господства мусульманства обнаружены в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан). Согдийско-христианские тексты на них (хранятся в Берлинском музее) написаны сирийским алфавитом, они, как отмечает В. А. Лившиц, "заметно отличаются от буддийских и манихейских памятников и по орфографическим нормам и, очевидно, более близки к разговорному языку согдийцев 7 — 10 вв.". Исследователь считает также, что обнаруженная в Ладаке (на границе Кашмира и Тибета) наскальная надпись согдийским письмом была начертана христианином Ношфарном, эта надпись датируется 841 — 842 гг. Наиболее же ранние относятся к последней четверти 6 в. (72, с.361 — 362).

Археологам известны согдийские колонии вплоть до Восточного Туркестана, через которые, вероятно, и попадали проповедники в эти далекие от родных мест области. Несторианские купцы контролировали торговлю Средней Азии с Китаем, не случайно поэтому на протяжении торгового пути из Византии через Согд в Китай встречаются предметы, связанные с исповеданием несторианства и поселения несториан расположены на всем пути. Проникновение новых масс несториан проходило по известным торговым путям, вероятно, они шли с торговыми караванами. Через посредство согдийских колоний по этим путям несторианство

проникает в Китай в 7-м в. И хотя в 8-м в. оно изгоняется оттуда, несторианство получает широкое распространение среди уйгуров (35, с.46 — 47).

Исследователи отмечают для Восточного Туркестана манихейское течение. В росписях Турфана видят манихеев и считают их произведениями манихейской культуры, в живописи Хара-Хото изображения манихейских божеств в буддийском облике (56, с.471 — 502). Присутствие христиан, придерживающихся этого течения, отмечено и для Средней Азии (Мерв, Бухарский Согд) для его ранней волны. Роль в распространении этих верований принадлежала, как отмечали исследователи, согдийским купцам или представителям христианских общин (83, с.29 — 35).

Несторианство в Иране и Средней Азии сохранялось на протяжении более десяти столетий. Но после 1319 г., когда *несторианская община подняла восстание, оно было жестоко* подавлено и христиан осталось немного.

В целом христианские верования определенным образом влияли на идеологию средне- и центральноазиатского региона, на памятники материальной культуры, предметы искусства, денежное обращение, свидетельством чему являются публикуемые материалы. Исследования и регистрация отдельных предметов археологии, нумизматики, письменных источников дополняют сведения о роли и месте христианских верований в идеологии, политической жизни Среднеазиатского Междуречья и помогают глубже исследовать вопросы древних верований, культов, обрядов в крае, обогатив представления о древней культуре населения государств Средней Азии.

НЕСТОРИАНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В СОГДЕ САМАРКАНДСКОМ

В 1986 году экспедиция Музея Востока (Россия) вела археологические работы на левом берегу Заравшана в двадцати километрах от Самарканда, в местности, называемой ныне Дурмен. Объектами исследования были обособленный холм в системе древних городских укреплений, занятый в средние века усадьбой (раскоп 1) и пригородный холм (раскоп 12), значительно разрушенный. Несмотря на удаленность друг от друга две обнаруженные группы погребений в восточном пригороде древнего города и на западном фасе древних городских стен принадлежали либо соплеменникам, либо этнически близким новым насельникам окрестностей Дурмена.

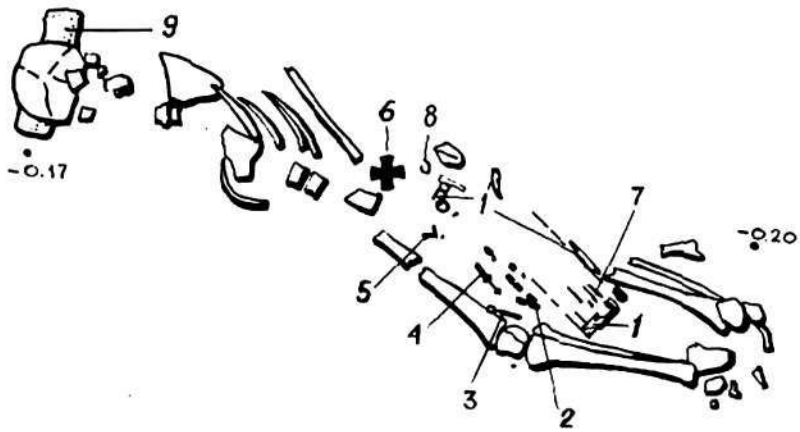

Рис. 11 Дурмен. Раскоп 12. Погребение 1. 1 — пластины обкладки колчана (костяные); 2 — звенья поясного набора; 3 — пряжка-наконечник поясного набора (серебряная); 5 — части поясного набора; 6 — золотой нашивной крест; 7 — наконечники стрел (железные); пряжка железная; кирпич полуобожженный.

Восточный некрополь служил долгое время. Наиболее поздними оказались три погребения. Два из них были разрушены и ограблены еще в древности, вскоре после захоронения, что позволяет предположить наличие среди погребального инвентаря ценных предметов, скорее всего, золотых. Погребение, позволившее судить о вероисповедании погребенных, удалось спасти из-под ножа бульдозеров. Из весенней липкой грязи сотрудники экспедиции собрали обломки орнаментированных костяных обкладок парадного колчана. Часть его осталась в могильной яме непотревоженной. Кости

погребенного лежали на месте, часть была смещена. Захоронение произведено в деревянном гробу, доски которого были скреплены большими железными гвоздями, под голову, обращенную на запад, был положен удлиненный (25х8х4 см) полуобожженный кирпич, явно изготовленный специально для погребального обряда. Умершего сопровождали предметы вооружения. В ногах был положен пояс с несколькими серебряными накладками, в прорези которых входили Т-образные крючки с ремешками и пряжками для подвески колчана и других предметов. Это могли быть кошелек, футляр с чашей (пиалой); набор инструментов, включавший шило, копоушку, нож типа перочинного, напильник и т.п. К поясу должен быть подвешен и серебряный пинцет, оказавшийся под днищем лежащего неподалеку колчана. В колчан было вложено несколько стрел.

Рис. 12 Дурмен. Раскоп 1. Погребение 5. Части бараньей туши на зеркале.

В области живота найден нашивной равноконечный крест из тонкого золотого листа. Крест из драгоценного металла, нашитый на одежду, по всей видимости, указывает на священнический сан погребенного, что не мешало ему одновременно быть воином.

Два других погребения восточного некрополя этого же периода были ограблены в древности, вскоре после захоронения, поскольку какая-то часть смешанных и перемешанных костей сохранила анатомический порядок. В одной из этих погребальных камер (погребение 2) череп и кости рук оказались заброшенными в нишу, вырытую в торцевой восточной стенке камеры. В погребении 3

грабители не заметили или обронили обломок золотой монеты (динара), две серебряные пряжки и обломки костяных орнаментированных пластин, быть может, как и в первом захоронении, украшавших колчан.

Рис. 13 Дурмен. Раскоп 1. Погребение 2. Угол подбоя, врезанный в заполнение помещения. Над черепом и масштабной стрелкой нависает край стены.

Общие признаки для трех дошедших до нас захоронений (сбитые из досок гробы, специальный кирпич в изголовье, одинаковая ориентация погребальных камер) позволяют считать их единоверцами, погребенными на протяжении относительно небольшого промежутка времени и занимавшими в общественной иерархии достаточно высокое положение, судя по сопровождаемому богатому погребальному инвентарю, иначе не были бы так безжалостно нарушены могилы грабителями.

О конфессиональной принадлежности погребенных в западном некрополе Дурмена (раскоп 1) можно только догадываться. Из семи открытых здесь погребений только одно ориентировано так же, (запад — восток), как и три синхронных ему погребения восточного некрополя. Тело положено головой на запад, лицом на восток, руки вытянуты вдоль тела. Остальные шесть могил ориентированы центральной осью северо-восток — юго-запад, а все костяки, не

считая потревоженного, лежали на спине головой на северо-восток с руками, вытянутыми вдоль тела.

Там, где это удалось установить, все западные захоронения произведены в могилах с узкой прямоугольной или овальной ямой и заглублённым относительно её дна продольным подбоем — конструкция, обычная для современных им среднеазиатских мусульманских погребений. Наличие подбоя предохраняло погребения от засыпки землёй. Узкая щель между дном впускной ямы и лежащим ниже подбоем только-только позволяла протиснуть тело или же гроб и перекрывалась наклонно уложенными кирпичами и даже оштукатуривалась.

Один из погребённых, положенный так же, как и христианин восточного некрополя, головой на запад (погребение 3), был перепоясан поясом с многочисленными железными заклёпками и пряжками подвесных ремешков. На правое бедро был положен берестяной колчан, а поверх колчана и ног — семь стрел с большими железными наконечниками.

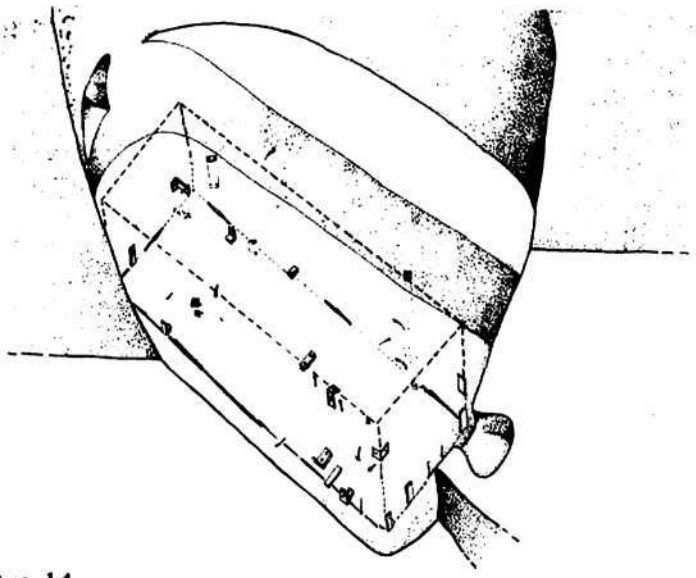

Рис. 14
Дурмен. Раскоп 1. Погребение 2.
Могильная яма. Аксонометрия.

Из погребений, ориентированных на северо-восток — юго-запад, три (погребения 1, 7, 8) оказались без каких-либо следов инвентаря. Руки ещё одного из костяков (погребение 4) согнуты так, как если бы они держали на груди какой-то предмет, опиравшийся на левую ладонь и придерживаемый сверху правой рукой. Возможно, это была деревянная икона.

О том, что умерших хоронили в повседневной или парадной одежде, можно судить, помимо захоронения с нашивным крестом, ещё по двум погребённым в западном некрополе. От одежды одного из них (погребение 5) сохранилось только украшение головного убора — эгрет — в виде бронзового ячеистого треугольника со вставками из стеклянных бус, возможно, завершавшегося пучком перьев. Этого погребённого сопровождало положенное в ногах деревянное седло, от которого сохранились тлен и железные обкладки со стременами. Возле правого плеча его было положено бронзовое зеркало, а поверх него пучок жертвенного мяса — часть бараньей туши (т.н. баранье седло).

Погребение с массивным гробом и обильным погребальным инвентарём (раскоп 1, погребение 2) разграблено в древности. И здесь грабители действовали торопливо и безжалостно, разрывая полуистлевшее тело и разбрасывая неинтересующие их предметы. Голова при этом была отброшена в юго-западный угол камеры. Но на этот раз гроб всё же остался на месте. По следам деревянного тлена и расположению большого количества гвоздей, крепёжных пластин и скоб восстанавливаются его размеры — это был ящик 195x70 см с вертикальными стенками высотой, немногим более 50.

Поскольку могильное сооружение оказалось врытым в стену более древней постройки, а не в рыхлое заполнение помещений, как в других случаях на западном некрополе, устройство его оказалось возможным проследить во всех деталях. Это обычного типа могила с подбоем, свод которого, вероятно, был разрушен грабителями из-за невозможности развернуться в слишком узком пространстве. В полу подбоя, лежащего на 40 см ниже пола овальной впускной ямы, было сделано небольшое углубление — тайник, в котором ничего не оказалось, а по двум торцовым сторонам подбоя вырыты нишки, в каждой из которых стоял керамический сосуд — чаша и кувшин с отбитым верхом, предназначенные для обеспечения покойного пищей.

Оба сосуда дают возможность датировать погребение более точно, чем остальные предметы, в нём найденные. Чаша так небрежно изготовлена, что не могла быть использована в быту, — глазурь, покрывающая её, пузырится и осыпается. Другой сосуд — кувшин поставлен в нишу уже разбитым, но способным удерживать налитую в него жидкость. Форма чаши и технологические признаки определяют дату её изготовления — не позднее конца 11-го в. Простая красная роспись фестонами по плечикам кувшина наиболее характерна для 12-го в., но могла появиться и несколько раньше, что

допускает датировку погребения второй половиной 11-го в. Возможно, в гроб с покойным были положены предметы, но могло случиться, что грабители обманулись в своих ожиданиях.

Несколько пластин панцыря были железными, но со следами позолоты. Даже один такой предмет, выглядевший золотым, был достаточным соблазном для совершения грабежа. В числе предметов вооружения скорее всего был и подхвачен грабителями колчан, из которого у самого устья впускной ямы высыпались стрелы. Серебряная тонкостенная полусферическая чашка — необходимый в походе предмет, подвешиваемый к поясу в специальном футляре, была разломана и часть её сброшена обратно в гроб.

Даже то немногое из погребального инвентаря, что дошло до нас, свидетельствует о воинском достоинстве погребённого. Причём, судя по тяжёлому панцирному доспеху, он был из числа всадников. Но, по всей видимости, высокое воинское звание умершего (иначе он не имел бы права на хотя бы золочёные доспехи) было не единственным его отличием. В жизнь загробную его отправили в богатом пурпурно-золотом облачении, надетом поверх белой одежды. Золотая парча вызывает ассоциации со священническим саном.

Не был ли погребённый здесь широколицый приземистый воин-всадник, обременённый годами и болезнями (судя по состоянию костей), так же, как и покоившийся в одеждах с нашивным крестом в восточном некрополе, — священнослужителем высокого сана? Этому не должна противоречить иная ориентировка могилы и тела. Так, в христианских погребениях Мерва в разные периоды его функционирования наблюдалась разная ориентация — головой на восток, юг, запад.

На вершине холма западного некрополя (раскоп 1) было совершено захоронение коня, которое нельзя непосредственно связать ни с одним из погребений. Создаётся впечатление, что ритуал погребения жертвенного коня относился ко всем погребениям на холме. Для него была вырыта яма обычной для прочих могил глубины, на дно которой была положена уздечка (сохранились железные детали), после чего яма почти до верха была заполнена перемежающимися тонкими пластинами глины и земли, а сверху была положена часть туши коня без ног.

Обряд захоронения коня вместе с умершим — древнейший обычай скотоводов и воинов-всадников — здесь представлен в сильно изменённом виде. Обрывок уздечки заменяет упряжь, а часть туши — целого коня. Задняя часть животного и передние ноги были употреблены, вероятно, в поминальной тризне, и, судя по всему,

обряд совершался не при каждом новом захоронении, а однажды для нескольких, более или менее близких по времени погребения.

Западный и восточный некрополь, помимо их синхронности (определяемой динаром, наконечниками стрел, типом зеркала, характером орнаментации костяных обкладок колчана, обликом сосудов), сходны с захоронениями в сбитых из досок гробах, ориентацией части погребений головой на запад и, по всей вероятности, сходным устройством могил. В восточном некрополе до нас дошли только самые нижние участки погребальных камер, но при том в одной из них всё же сохранилась такая же нишка, какие мы видим по сторонам подбоя в погребении 2.

Антропологически погребённые в обоих дурменских некрополях не однородны. Один из них, облачённый в парчёвые одежды, был явным монголоидом с массивным

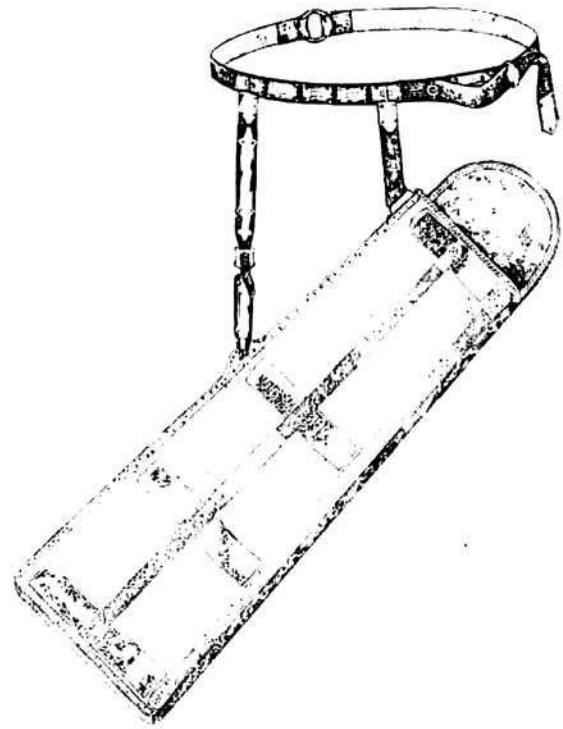

Рис. 15
Дурмен. Раскоп 12. Погребение 1. Реконструция пояса с подвешенным к нему колчаном.

широкоскулым черепом. Другие, как всадник с седлом и зеркалом, были узколицыми европеоидами.

Направление, откуда могли прийти в Согд эти воины-всадники, определяется такими сопровождающими их предметами, как берестяной колчан (погребение 3) и зеркало (погребение 5). Береста, хотя и могла быть использована в долинах Среднеазиатского Междуречья, но более обычна для сибирско-алтайского региона, где известны берестяные колчаны у тюркских скотоводческих племён.

Зеркало из погребения с седлом отлито по слепку с китайского, на тыльной стороне его изображена сцена с двумя фигурками под ветвью цветущего дерева. Такие зеркала изготовлялись в Сибири в 11-м в. Оба предмета указывают на родину пришельцев где-то на

северо-восток — восток от Согда.

Но костяные обкладки колчана из восточного погребения (1) принадлежат к иному культурному кругу. Украшенные резным орнаментом с животными и фантастическими антропоморфными существами в причудливом плетении растительных побегов, картушами с арабскими каллиграфически выполненными надписями (рис. 15) — они по сюжету и по стилю рисунка не отличаются от чеканного декора металлических сосудов 11 — 12-го вв., широко известного во всем мусульманском мире.

Если бы не найденный крест, казалось бы здесь всё противоречит принадлежности могил христианам.

В бесспорно христианском погребении с крестом набор предметов, обычный для воина-язычника: боевой пояс, предметы вооружения (стрелы). Осталось неизвестным, что успел снести бульдозерный нож и что выброшено грабителями. Не исключено, что покойников во всех случаях снабжали пищей, положенной (налитой) в сосуды (погребение 2 раскопа 1) или рядом с телом (погребение 5 раскопа 1). Нет уверенности в христианской принадлежности всех описанных погребений, но такая вероятность не исключается.

Христианские источники сообщают об отклонении восточно-туркестанских, тюркских по этническому составу, общин от норм церковной практики. Раскопанные захоронения ярко демонстрируют смешение обрядов и разных культурных традиций в пределах одной небольшой общины. Насколько позволяют судить материальные знаки духовной жизни, христианизация племени, осевшего в урочище Дурмен, не была глубокой и уживалась с древними языческими представлениями и обрядами.

ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В СОГДЕ

Развитие культуры и искусства любого народа, сохраняя свою самобытность, представляет собой круг взаимодействующих культур. Конкретные проявления тех или иных взаимодействий в сфере материальных памятников, их атрибутирование дают возможность зримо ощутить духовные контакты параллельных во времени культур христианского мира и средневекового Востока.

Раннесредневековое искусство Средней Азии, сложившееся на базе позднеантичного наследия и местной древней традиции, опиравшейся на бактрийско-согдийский культурный пласт, испытало определенное воздействие со стороны восточно-римской империи.

Наиболее ранние контакты с христианским миром, по-видимому, начинаются с проникновения в Среднюю Азию через Иран несторианского учения в середине 1-го тысячелетия н.э. Распространяясь далеко на восток, христианство, в основе своей религии дуалистическая, находила не только сочувствие, но и искренних последователей учения Христова в среде различных слоев общества.

Вместе с христианскими миссионерами в среднеазиатские государства проникали культовые предметы — кресты, образки, кадила и др., изготовленные из цветных и драгоценных металлов, производством которых славилась Сирия. Одновременно с ними шло распространение иконографии и христианской символики. Немаловажное значение в этом процессе, начиная с 5-го в., имели контакты с византийскими императорами по каналам "шелковой дипломатии". В 6-м в. был проложен постоянный торговый путь, связавший Согд и Византию через Северный Кавказ (56, с. 55 — 78).

О прочности и глубине культурных связей с Византией свидетельствуют нумизматические находки на территории Согда и Чача. На городище древнего Самарканда — Афрасиабе были найдены медные монеты тюркских правителей середины 7-го в. с погрудным изображением царя. По обе стороны от головы помещены кресты с расширяющимися концами, причем у одного из крестов нижняя ветвь длиннее и не имеет характерного расширения (117, с.232) (табл. 3 — 1). Сравнительный анализ найденных монет позволяет утверждать, что оригиналом, с которого были взяты изображения крестов для монет тюркского правителя, послужили солиды византийского царя Юстиниана I (527 — 565 гг.). Другой тип монет тюркского чекана с

изображением спаренных бюстов мужчины и женщины копирует современный им чекан медных монет императора Юстиниана II (565 — 578 гг.), на которых император изображен вместе с царицей Софией (122, табл. ХХХI, 1482). (Табл.3 — 2).

По всей вероятности, некоторые тюркские правители, монетные выпуски которых явно подражали солидам византийских царей, придерживались христианского вероисповедания.

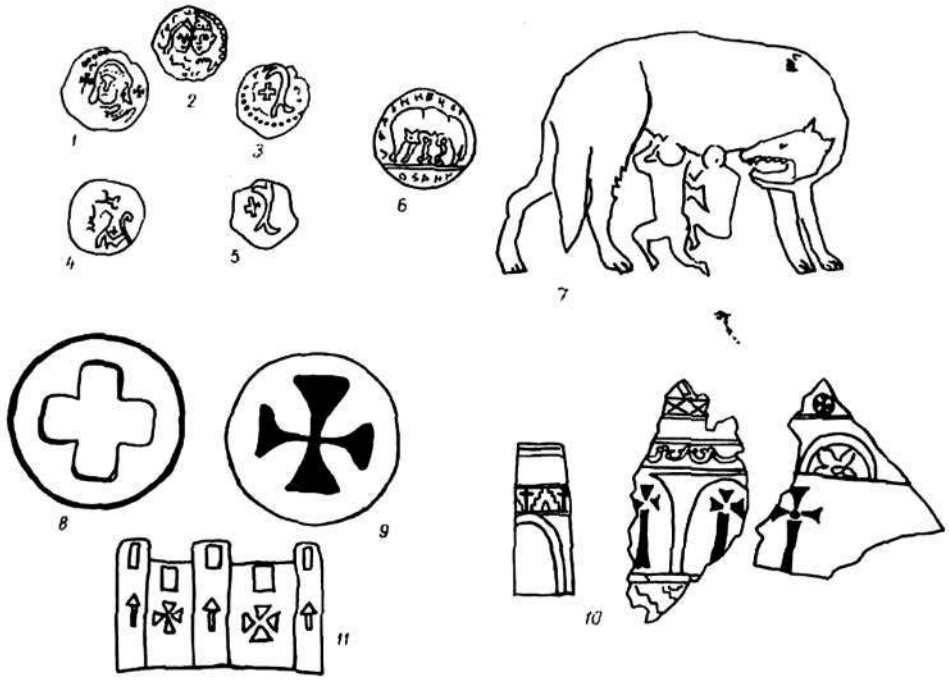

Таблица 3

1 — 5 — монеты из Уструшаны. 6 — нач. 8 вв.; 6 — брактеат из Пенджикента. Капитолийская волчица; 7 — капитолийская волчица. Роспись из Калаи Кахкаха; 8 — 9 — крест, вырезанный на архитектурном диске. Живопись Пенджикента; 10 — изображение креста на фасаде крепостной стены. Живопись Пенджикента; 11 — бойницы.

На территории соседней, с Согдом Уструшаны, найдены монеты конца 6-го — нач. 8-го вв., чеканенные местными правителями — афшинами. На оборотной стороне этих монет помещён знак — нишан с добавленным элементом в виде равностороннего христианского креста (табл.3 — 3,5). Этимология имён, прочитанных на монетах, связывается с санскритом и позволяет считать их владельцев буддистами. По сообщению Сюань Цзяна (629 г.), известно, что в Уструшане, как и в Чаче, правили цари, подчинённые тюркам. Следовательно, считать тюрками представителей первых уструшанских династий не приходится. О том же свидетельствуют имена афшинов (122, с.32 — 35).

Весьма показательно, что будучи, вероятно, буддистами, афшины

Уструшаны намеренно вводят в монетный штемпель христианскую символику, что, надо полагать, было политической акцией со стороны зависимых от тюрок — христиан правителей. В то же время, в изображении креста могла сказаться и его полисемантика: с одной стороны — победительная и охранительная, восходящая в христианской символике к кресту Константина Великого (27, с.194), с другой — удачи и процветания, известный с древнейших времён в символике европейско-азиатского культурного круга (91, с.12 — 13).

Каково бы ни было значение креста на монетах уструшанских правителей, монетный тип был определённо заимствован у Византии.

Тесными связями Уструшаны с западным христианским миром, видимо, следует объяснить происхождение иконографического образа "Капитолийской волчицы" в росписях Калаи Каххаха I (95, с.23 — 24), (табл.3 — 7).

Аналогичный сюжет, изображающий кормящую младенцев волчицу, известен на золотом брактеате местной работы из Пенджикента (12, с.135, рис.33) (табл.3 — 6).

Не касаясь происхождения этого сюжета, аналоги которому широко известны и на Востоке и в римско-византийском искусстве, отметим лишь, что на иконографию образа, запечатлённого на среднеазиатских аналогах, вероятно, оказали влияние многочисленные монеты Рима и Византии с помещённой на них эмблемой вечного города.

Символика и иконографические образы, пришедшие с христианством, органически вплетались в местные изобразительные мотивы, отразившиеся и в архитектурном декоре. Не исключено, что символическое значение придавалось равноконечным крестам, вырезанным на круглых терракотовых дисках, найденных в замке Актепе под Ташкентом (115, рис.25), а также аналогичным изображениям на фасадах зданий в росписях Пенджикента (табл.3 — 8,9).

Архитектурные детали зданий, изображённых на пенджикентских росписях, передают, видимо, современные им реалии в оформлении фасадов замков и городских стен. Примечательно изображение бойниц, выполненных в виде креста с удлинённой нижней ветвью и треугольными завершениями верхних концов. Очень часто подобные кресты изображены под слепыми арками, членящими фасады стен (11, рис.133; табл.3 — 10). Не настаивая на предположении о символическом значении крестообразных бойниц в пенджикентских росписях, отметим, что изображение в виде креста на межбашенных пролётах крепостных стен на фаларе греко-бактрийского периода, могло иметь "определённое символическое значение" (133, с.47) (табл.3 — 11). Имели ли крестообразные бойницы практическое

назначение и применялись ли в реальной фортификации неизвестно. Во всяком случае бойницы такого типа в археологичекой практике до сих пор, как-будто, не зафиксированы.

Значительное сходство бойниц с крестами на монетах Уструшаны, так же с формой креста-посоха в изображении Христа в типе Эммануил на ритуальных краснолаковых блюдах из христианского Египта (59, рис.2(2) (табл.4 — 9), может предполагать их символичность, навеянную христианством.

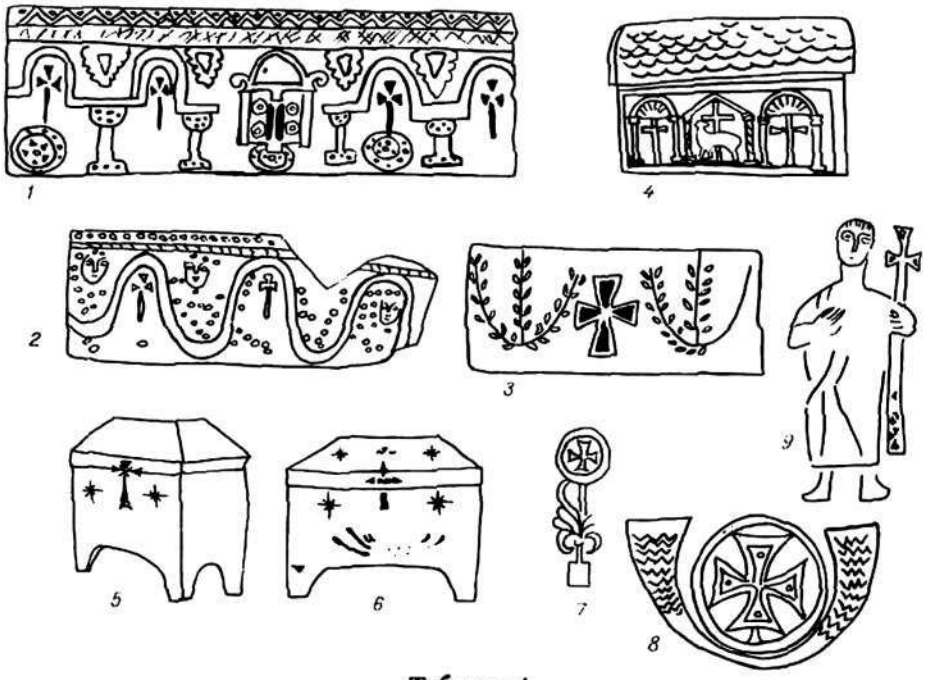

Таблица 4

1 — 3 — кресты на среднеазиатских оссуариях; 4 — саркофаг Галла Плацидии, 2-я четверть 5 в.; 5 — 6 — крест на оссуарии из Хорезма; 7 — 8 — символы на каменных рельефах из Закавказья. 5 — 6 в.; 9 — образ Христа. Блюдо из Египта.

Аналогичный "крест" под арками часто встречается на глиняных гробах-оссуариях, являющихся специфической принадлежностью погребального образа приверженцев среднеазиатского зороастризма — маздеистов (табл.4 — 1). Происхождение аркадной композиции в архитектурной орнаментике и предметах прикладного искусства восходит к эпохе античности и, видимо, связано с римским зодчеством. В монументальной архитектуре Рима, где использовались наружные обводные аркады, под арками часто устанавливались статуи. Для искусства малых форм были характерны так называемые "азиатские саркофаги", которые в 3 — 4-м вв. широко ввозились в Рим из Малой Азии. Отличительной их особенностью было оформление арочными нишами и аркадами с

размещёнными под ними фигурами (108, с.82). Этот тип саркофагов был воспринят и адептами христианства, наиболее ранние из которых датируются 3-м в. (78, с.23).

На саркофаге 4-го в. из Латеранского музея в Риме под арками изображены сцены страстей и как самостоятельный образ монограмма Христа — хризма (78, рис.9). На саркофаге из мавзолея Галлы Плацидии в Равенне, относящегося ко второй четверти 5-го в., под конховыми сводами, стоящими на колоннах, вырезаны изображения крестов с удлинённой нижней ветвью (28, илл.5) (табл 4 — 4).

Поразительное сходство композиций на христианских саркофагах и согдийских оссуариях привлекло внимание исследователей (92, с.87 — 88; 93, с.70 — 72).

Такая деталь оформления оссуариев, как центральный вход, фланкированный колоннами, ещё более усиливает сходство с римскими саркофагами 3-го в. (64, рис.285). Возможно, что эта композиция продвинулась далеко на Восток через посредство Византии (78, с.82).

Не менее популярным и известным мотивом в погребальных росписях и рельефах саркофагов времени античности и раннего христианства был мотив гирлянд и гирляндоносцев. Например, изображение гирлянд на саркофаге Константина, относящегося к 350 г. (64, илл.319). Эти композиции, переданные в условно-графической манере, нашли отражение в целой серии оссуариев Самарканда (табл. 4 — 2). Характерной деталью как саркофагов, так и оссуариев является рельефное (на оссуариях штампованное) изображение мужских и женских головок в разнообразных головных уборах. Пока неизвестно распространение каменных саркофагов у согдийских несториан, но о том, что аналогичные композиции могли быть выполнены на дереве, косвенно указывает рельеф с распятием (41, с.160 — 161).

Не исключено, что становление зороастрийской религиозной иконографии на погребальных урнах-костехранилищах шло под влиянием не только местной изобразительной традиции, но и благодаря культурному римско-византийскому импульсу.

Помимо Согда, крестообразные фигуры на оссуариях известны в Хорезме. На городском некрополе Миздахкана, датированном концом 7 — началом 8-го вв., на керамических астоданах изображены кресты, группирующиеся в определённые композиции: в центре — четырёхконечный крест с расширяющимися концами, из углов креста исходят остроконечные лучи, по обе стороны расположены восьмиконечные звёзды или фигуры, сочетающие в себе элементы звезды и креста. На одном оссуарии по обе стороны

изображены подобия распахнутых крыльев (143, рис.53) (табл.4 — 5). Несомненно, в последней композиции воспринят и адаптирован мотив сасанидских крыльев или лент — символа царской власти, святости, связанный с распространением несторианской формы христианства (143, с.146 — 147).

Особый интерес представляет тип креста с лучами, выходящими из углов. В европейской геральдике появление такого креста принято относить ко времени не ранее 10-го в. (27, с.191). Но если миздахканские кресты действительно имеют отношение к христианству, то появление лучистого креста может быть отнесено к значительно более раннему времени и, возможно, связано с деятельностью православной Хвалисской (Хорезмской)

Таблица 5

1 — 2 — изображения на согдийских тканях. Могильник Северного Кавказа; 3 — бронзовый нательный крест. Афрасиаб, 8 в.; 4 — бронзовое кадило. Ургут, 7 — 9 вв.

епископальной кафедрой, известной в исторических документах 8-го в. (134, с.227 — 229). И хотя христианские символы в оссуарной эмблематике не определяют религиозной принадлежности приверженцев оссуарного погребального обряда, всё же "... существование различных религиозных систем в самой Средней Азии давало широкий простор для синкретизации отдельных культов и их взаимного воздействия" (10, с.62).

О распространении христианских сюжетов в Согде, заимствованных из византийского текстильного орнамента, свидетельствуют шёлковые ткани — занданачи, обнаруженные в могильниках Северного Кавказа, а также хранящиеся в музеях

Европы. Кроме заимствованных отдельных орнаментальных элементов и мотивов (табл.5 — 2), можно отметить несколько согдийских шёлковых тканей, которые прямо копируют византийские образцы (55, с.24). Наиболее выразительная из них ткань с симметричным изображением в медальонах сцены жертвоприношения Авраама (табл.5 — 1). С сиро-египетскими и константинопольскими шелками 7 — 8-го вв. эту ткань связывает не только сюжет и его композиция, но и ряд мотивов и некоторые детали одежды изображённых персонажей, близко связанных с коптским искусством (55, рис.11). Копирование в мастерских Согда тканей с христианскими сюжетами не могло быть случайным и производилось в расчёте на конкретного потребителя, как при экспорте, так и в самом Согде, где ими могли быть представители несторианской общины.

Связи согдийских несториан с западом и, прежде всего, с сиропалестинским культурным миром особенно усиливаются в период понтификата патриарха Тимофея I (780 — 829 гг.), когда особого подъёма достигает миссионерская деятельность несторианского духовенства (27, с.60). Именно этим временем —7 — 9 вв., датируется массивное бронзовое кадило, обнаруженное в Ургуте близ Самарканда (табл. 5 — 4). На кадиле рельефом даны сцены из Нового Завета "Благовещение", "Жены мироносицы у гроба", "Встреча Марии и Елизаветы", "Рождество", "Крещение", "Распятие". На дне снаружи изображён рельефный крест с большими бусинами на концах. К этой же группе привозных сирийских изделий следует отнести бронзовый нательный равноконечный крест, случайно найденный на Афрасиабе. Крест датирован 8-м в. (131, рис.72) (табл.5 — 3).

Большое значение для истории культуры раннесредневековой Средней Азии имеет выявление процессов восприятия и ассимилирования на местной почве мотивов и тем иных верований, переход их то в разряд орнаментально-декоративных элементов, то сохранение изначальной символики с некоторым переосмыслением или упрощением семантики. Не менее важно и то, что проникновение христианства не только не отразилось в иконографических образах и элементах орнамента, но и несомненно проникало в умы, затрагивая строй мыслей и чувств.

Уже Беруни объявлял благородной философию того, кто забирающему платье, отдаёт и рубашку, философию, благославлявшую врагов и возносящую молитву за всех и вся (90, с.63).

О ХРИСТИАНСТВЕ В ЧАЧЕ

Чач — это древнее название Ташкентской области, крупного культурно-экономического региона на северо-востоке Узбекистана. Богатые земли, тучные пастбища, горы, в которых добывали золото, серебро, самоцветы, железо, множество городов и сёл привлекали не только торговцев, но и миссионеров. Они двигались вместе с караванами, останавливались подолгу на одном месте. Кто они, куда шли, опаленные летним зноем, ежась от зимней стужи, что двигало ими — гордое тщеславие или горячая вера? Неумолимое время не сохранило их следов, заброшены и засыпаны песком те города, где они проповедовали.

Конкретных письменных источников, подтверждающих наличие христианских общин в Чаче, не сохранилось. В известной мере это объясняется малочисленностью письменных свидетельств и их крайне слабой информативностью, а также недостаточностью изученности археологических объектов региона. Тем более, что источники точно так же молчат и о формах местных традиционных верований, хотя в настоящее время археологические объекты красноречиво свидетельствуют о существовании здесь зороастризма и буддизма.

При анализе сведений по географии христианских общин Средней Азии получается странный пробел — есть указания на существование этих общин в Самарканде и Ургуте (Согде), в нижнем течении Сырдарьи, о наличии их к северу от Чача в Таласской долине (Ак-Бешим), но нет ничего о самом Чаче. Хотя его значимость в тот период, да и само его географическое положение не позволяли попасть, например, в Таласскую долину, минуя Чач. Логично предположить существование христианских общин в Чаче, тем более, что некоторые факты приоткрывают эту завесу таинственности.

Арабские авторы ибн-Хаукаль и ал-Истахри называют на западной границе Чача христианское селение Винкерд, расположенное вдоль пути из Джизака в Бинкет (Ташкент). В Китаб масалик ал-мамалик ("Книга путей государств") ал-Истахри, говоря о границах Чача, указывает: "... одна граница доходит до реки Чач, в том месте, где она впадает в Хорезмское море, другая граница тянется до железных рудников у пределов Сафиджаба... (другая) распространяется до Винкерда (Винкерта) христиан". Отмечается

также, что Джинанджикет (Чинанчкет) расположен на пути из Винкерда в Бинкет, а между ним и рекой Шаша два фарсаха" (88, с.28).

Местонахождение Винкерда точно до сих пор не установлено, так же как, не ясен его статус. Дело в том, что арабские авторы называют городами лишь те пункты, где имелась соборная мечеть, и что вряд ли могло быть в христианском селении. Ясно, что Винкерт должен был находиться недалеко от Сырдарьи, южнее Чирчика, так как ибн-Хаукаль подчёркивает, что дорога переходит на правый берег Чирчика только после Джинанджикета (5, с.316). М.Е.Массон отождествляет Винкерд с довольно крупным городищем на левом берегу Сырдарьи (81, с.18).

На наличие христиан в Чаче указывают некоторые археологические находки, прежде всего клад христианских вещей из погребения в Ташкенте (1, с.39 — 40). В 1922 г. дети, играя возле реки Салар, в обрыве на правом берегу, напротив Ташкентского медицинского института обнаружили небольшую пустоту, где был найден костяк человека. Сопроводительный материал погребения состоял из дутых серебряных бус, шести золотых и двадцати серебряных монет, небольшой статуэтки Христа, сидящего на ослике, чаши, небольших фрагментов кувшинчиков с розовым черепком, бронзового бокальчика и небольшой серебряной вазочки. Остаётся невыясненным, как было совершено погребение, следует ли под "пустотой" понимать подземную камеру склепа или это часть разрушенного подбоя? Тем более, что в соседнем Таразе (современный Джамбул) христиане хоронили умерших в цистах — сырцовых ящиках и подбоях. Из всего сопроводительного инвентаря, судьба которого неизвестна, И. А. Анбоеву удалось приобрести лишь небольшой бокал из светло-жёлтой бронзы в виде небольшого усечённого конуса высотой 7 — 8 см. Внешняя поверхность его богато украшена поясами вертикальных вдавлений (насечек) листовидной формы. Всю центральную часть тулова занимает пояс из крупных подпрямоугольной формы арочек, отделённых от верхнего пояса линией небольших круглых перлов. Всё пространство под арочкой занимает женская фигура с поднятыми вверх руками, обращёнными ладонями к зрителям, как бы в позе мольбы. На голове у женщины колпак или шапочка, украшенная бусами. Платье узкое приталенное с разрезом или складкой впереди, нижняя часть украшена двумя вертикальными рядами из крупных перлов, вероятнее всего, эта передача медальонов рисунка тканей. В ушах крупные кольцевидные серьги. За спиной — длинный шарф, концы которого свисают до локтей. В целом изображение очень близко к изображениям жриц

или богинь круга Анахиты в сасанидском искусстве. В то же время его иконография находит определённые аналогии в искусстве раннесредневекового Чача. Схожие изображения отштампованы на стенках оссуария из Чанги, только здесь в одной руке у женщины чаша, а другая покоится на бедре (23, с.114). Близко и изображение жрицы на бронзовой пластинке из Тойтепа (81, с.53). Другие элементы орнамента также находят аналогии в чачских комплексах.

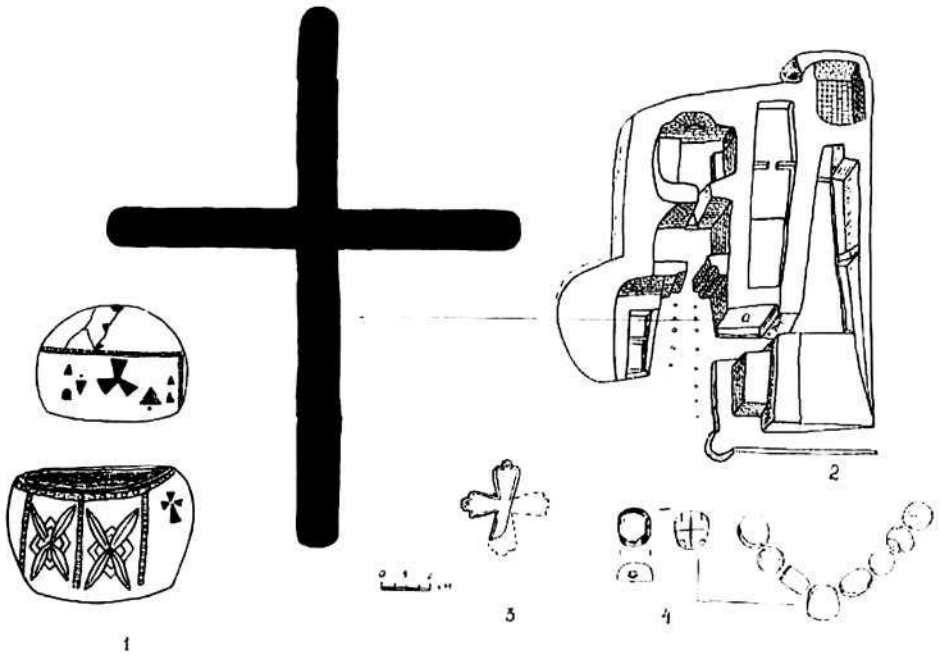

Таблица 6

Канка (Ташкентская область): 1 — оссуарии 6 — 7 вв., в орнамент которых включены крестовидные фигуры; 2 — план здания у юго-восточных ворот шахристана III и изображения на стене; 3 — рабад городища Канка. Бронзовый крест; 4 — рабад городища Канка. Бусы с подвеской, украшенной двойным изображением креста.

В окрестностях городища Канка был собран комплекс посуды (132, с.122). Красноглинянные кружки с усечённоконическим или цилиндрическим туловом на плоском днище и более крупной формы, чем бокальчик. Для них характерны две вертикальные ручки — редкое вертикальное рифление и растительный орнамент. Комплекс явно подражает парадной металлической посуде, видимо, медной, на что указывает красный цвет черепка, штампованная, словно чеканенная на металле, орнаментация. Вместе с тем, всё это очень напоминает отделку постсасанидских чаш и кувшинов. Однако кружек этого типа в бытовых комплексах не обнаружено. Не исключено, что они связаны с культовой практикой и использовались как сосуды для возлияний. В одной из сцен пенджикентской

живописи сосуд, близкий по форме, венчает переносной алтарь. Возможно, бокальчик тоже был частью единого культового комплекса. По мнению И. А. Анбоева, предметы саларского погребения характерны для несторианского круга и относятся к 6 — 7 вв. Однако, на наш взгляд, отдельные элементы орнаментации бокальчика (горизонтальный пояс из листовидных вдавлений и женский персонаж с шарфом) позволяют отнести его к 8-му или началу 9-го в. На это же указывают и параллели с канкинским комплексом красноглиняных кружек 8 — 9-го вв. Схожие элементы украшают серебряный кувшин 8 — 9-го вв. из Средней Азии (в Археологическом музее в Лионе (37, с.172). В пользу более поздней датировки саларских предметов говорит и статуэтка Христа, сидящего на ослике.

Образ Иисуса Христа, который на древнейших христианских памятниках изображался либо в виде агнца, либо пастуха с агнцем на плечах, либо рыбы, известен с 3 — 5-го вв. Изображение его в человеческом облике было узаконено лишь на Трульском соборе в 692 году, изображение же распятого на кресте Христа вообще появилось только с 8 — 9-го вв. Возможно, появление этого комплекса несторианских вещей связано с усилением миссионерской деятельности несторианского духовенства при понтификате патриарха Тимофея I (780 — 823 гг.). Не исключено, что с этим связан приток византийских предметов в регион Чача.

Этим же периодом датируются находки в Ташкентской области золотого брактеата с городища Канка и золотого медальона из Ахангарана, выполненного в подражание золотым византийским солидам. Определённую роль в этом могли сыграть купцы, паломники и члены находившихся здесь христианских общин. Период, с середины 6-го в. и до завоевания арабами в начале 8-го в. Средней Азии, характеризуется заметным оживлением торговых и дипломатических посольств между Константинополем и Тюркским каганатом. В этот период фиксируется тенденция заметного роста проникновения в Среднюю Азию как монет византийского чекана, так и отдельных предметов продукции Восточно-Римской империи (83, с.35).

Видимо, там, где существовали христианские общины на уровне народных верований, происходило взаимопроникновение и смешение элементов языческой и христианской символики. Поэтому нельзя обойти вниманием ещё один аспект — влияние христианской символики на орнаментацию среднеазиатских костехранилищ — оссуариев.

Сами гробики — оссуарии или астоданы — предметы среднеазиатской погребальной обрядности представляли собой ящики различных форм из камня, гипса или терракоты, куда складывались, предварительно очищенные, кости скелета, которые считались священными и необходимыми для будущего воскрешения.

Погребения христианской обрядности резко отличались от римского обряда, наиболее распространённой формой которого было трупосожжение. Погребение умерших занимало важное место в христианском культе, так как христиане верили в воскрешение во плоти. Близкие идеи бытовали и в маздеизме, распространённом в Средней Азии и Иране. Поэтому при движении христианских общин на Восток, они опирались на близкие религиозные тенденции и легко воспринимали некоторые местные обычаи. Поэтому вовсе не следует видеть в появлении оссуариев с христианскими символами — результат гонений на христиан. Какое давление на христиан Хорезма, Чача или Семиречья могли оказать действия иранских шахов Кавада или Хосрова? Если переход от трупосожжения к оссуарному обряду в мервском некрополе ещё можно объяснить непримиримой политикой сасанидского шаха в отношении христиан, то как объяснить это явление в Хорезме, Семиречье или Чаче, никогда не входивших в состав сасанидского государства, но где одинаково представлены оба обряда. Скорее всего, здесь наблюдается то слияние, о котором говорилось выше. Поэтому на ташкентских оссуариях, как и на оссуариях Хорезма и на малоазийских христианских надгробиях, сочетаются языческие и христианские символы. Например, виноградная лоза, выступающая в местных культах, как символ плодородия и возрождения, могла переосмысливаться в аллегорическо-христианском духе. Христианский крест становится священным символом бога, а звёзды заменили изображение богоматери.

Второе обстоятельство — это то, что изображение крестов не всегда означало принадлежность к христианству. Крест издавна у многих народов служил оберегом, символом огня и солнца. Более того, ранние христиане, противопоставляя себя символам и обрядам языческих религий, первоначально считали крест языческим символом и презирали его. Христианский автор 3-го века Феликс Минуций восклицал: "Что касается крестов, то мы их совсем не почитаем: нам не нужны они, нам, христианам, это, вы, язычники, вы, для которых священны деревянные идолы, вы почитаете деревянные кресты, быть может как часть ваших божеств..." (96, с.29). Однако в том же веке позиция христианского духовенства начинает кардинально меняться. Крест признаётся как символ веры,

воспринимается не как позорное орудие казни, а как знак, символ образа Христа, подателя благ и вечной жизни. Христос становится возвестником вечного блаженства, победителем над злом и смертью, поэтому христианский крест воспринимается как знак спасения и вечной жизни. Вот тут и происходит слияние привычной для местного жителя маздеистской традиции и нового образа. Оссуарий, или астодан своей формой или изображёнными на нём сценами символизировал Гародману — "жилище праведников" на мировой горе, где они обитали до окончательной победы сил добра над силами зла.

После включения Ташкентского региона в состав халифата и победы ислама христианские общины ещё сохраняют какое-то время своё влияние. Именно к этому периоду относится сообщение ал-Истахри о христианском селении Винкерт на западной границе Чача. Любопытна этимологическая близость названия этого селения с другим христианским селением Вазкерд в окрестностях Самарканда. По словам побывавшего здесь арабского географа ибн-Хаукаля, в Вазкерде находилась христианская церковь, которая владела недвижимой собственностью и при которой в большом количестве проживали христиане из разных мест. При этом ибн-Хаукаль особо отмечает встреченных здесь иранских христиан (87, с.53). Возможно, под последними следует понимать несториан, так как арабы из политических соображений их широко поддерживали и требовали подчинения других церквей несторианскому патриарху, а в спорах между ними часто принимали сторону несториан. Вместе с тем арабы первоначально относились терпимо к делам веры христиан, так как искренне были убеждены, что они знают её лучше веры христиан, которые впали в заблуждение, исказив то, чему их учил Иса (араб. Иисус). И ещё, что очень важно, они санкционировали среди христиан употребление национальных языков взамен греческого, что с одной стороны стимулировало церковную деятельность, но с другой — вело к разобщению (50, с.82). Поэтому не следует считать, будто все христиане Средней Азии были несторианами. Так, из сообщения Беруни о празднике роз, связанном с культом Богородицы у христиан Хорезма и кочевников — гузов, напрашивается вывод о принадлежности их к иному, не несторианскому направлению, так как одним из краеугольных постулатов несториан был отказ признания девы Марии Богородицей, они называли её лишь Человекородицей, или Христородицей.

По словам Абу-Дулефа у гузов был храм, но без изображений, из чего В.В.Бартольд делал предположение об их принадлежности к яковитам (сиро-православная церковь), потому что яковитский

первоучитель Фелоксен резко выступал против изображения Святого Духа и Христа, требовал вынести все иконы из церквей (6, с.286).

В связи с этим интересны находки на городище Канка, отождествляемого с Харашкетом арабских дорожников, вторым по величине и значимости городом Чача. Здесь при вскрытии общественного здания у юго-восточных ворот шахристана III было обнаружено изображение креста (табл.6 — 2). Он был нарисован красной краской прямо поверх саманной штукатурки в центре небольшой ниши в стене одного из проходов. Крест прямой, с чуть удлинённым основанием (21x16 см, при ширине линии 1,5 см.). Вряд ли это был случайный символ. Хотя назначение самого сооружения остаётся спорным (таможня, дом присутствия государственного чиновника) и отождествлять его с молельным домом нет оснований, изображение креста, видимо, было всё же связано с пребыванием в доме христиан.

Еще одна находка из рабада городища Канка. Это небольшая поделка в виде креста из желтой бронзы. Она найдена на размытом участке распаханного поля близ юго-восточных ворот шахристана Ш, где в древности проходила оживленная торгово-ремесленная улица. Находка деформирована, целиком сохранились две лопасти — верхняя и боковая и почти половина нижней (табл. 6 — 3). Скорее всего, это был равносторонний крест, высотой 4 см. Лопасти креста имели вытянутую трапециевидную форму и заметно расширялись к концам, с фестончатым завершением. Край каждой лопасти оконтурен тонкой процарапанной линией. На концах пробиты маленькие отверстия. Они, при толщине поделки в 1мм, позволяют предположить, что это была часть какого-то крупного предмета — деревянного креста или шкатулки.

В другом случае среди подъемных бус из стеклянной пасты, горного хрусталя и сердолика, собранных в южной части рабада городища Канка, выделяется находка небольшой подтрапециевидной в плане бусины из темного камня (табл.6 — 4) размерами 1,4 x 1,2 x 0,7 см. Сбоку в ней проточено отверстие для подвешивания. По форме бусина близка к так называемым "ложным перстням". Верхняя часть её округлена, нижняя уплощена и в центре уплощённой стороны процарапано изображение двойного равностороннего креста. В отличие от двух первых находок, которые датируются средневековым периодом, эта поделка, видимо, происходит из разрушенного погребального комплекса — многокамерного науса и относится к 4 — 6 вв. н.э.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые выводы о

существовании христианских общин в Чаче в 10 — 12 веках, но появление их, видимо, следует отнести к раннему средневековью. По материалам с городища Канка можно выделить два аспекта. Первый указывает на наличие христиан среди собственно горожан Канки, втором по величине и значимости после Бинкета — Ташкента городе Чача в 10 — 12 веках. Второй позволяет при анализе находок говорить о том, что здесь, на окраине тогдашнего исламского мира, на границе с кочевой степью христианские общины утверждали свое учение и среди кочевников и среди земледельческого населения оазиса.

Христианские общины окончательно исчезают в постмонгольский период. Вот тогда-то христианство Чача, да и всей Средней Азии, можно сравнить с затонувшей Атлантидой, когда на долгие столетия над ним опустилась завеса молчания.

ХРИСТИАНСКИЙ ПАМЯТНИК ИЗ ХОДЖЕНТА

Караванные пути Средней Азии представляются ожерельем с нанизанными медальонами — городами на золотых торговых нитях. Одним из таких блистательных медальонов является Ходжент, торговый путь через который проходил многие века. Ходжент древний город, в средневековый период был одним из крупных центров Мавераннахра. Состоял он из цитадели с кухендизом, обширным шахристаном и рабадом. Население было так многочисленно, "что произведения окрестных полей не могли удовлетворить его и хлеб для города должен был привозиться из Ферганы и Уструшаны" (9, с.220). Базары располагались как в шахристане, так и в рабаде.

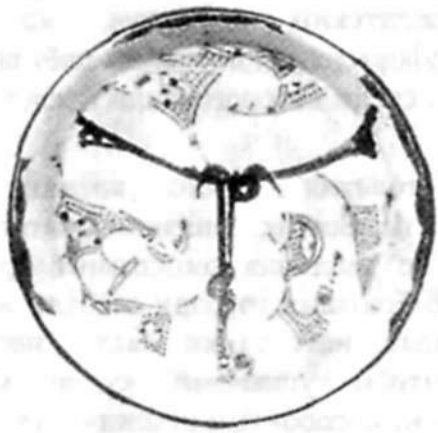

Рис. 16
Блюдо из Ходжента. 11 в.

Если в силу исторических катаклизмов многие города приходили в запустение, другие, оправившись от разрушений, располагались близ прежних территорий, но Ходжент после каждых потрясений возрождался на одном и том же месте. Вот почему спустя тысячелетия, археологические исследования порой не обнаруживают культурных слоев во многих местах города, уничтоженных современными постройками. Только кухендиз не подвергался капитальной перестройке. Возведение новых строений проводили на остатках былой архитектуры. Таким образом, свита культурных слоев составила 27 м, а для истории Ходжента охватила 2500-летний период. Из каждых десяти горизонтов, определяющих этапы жизни, северный участок приходился на крепостную стену с помещениями. Так, в пятом горизонте северная часть занята крепостной стеной из

пахсовых лент, сочетающихся с двумя рядами сырцовых кирпичей. В центре стены находилось помещение, где на полу обнаружено два наконечника стрел, а в яме, опущенной с пола, найдено ещё 6 железных наконечников одинаковой пирамидальной формы. Такая форма наконечников бытовала в 9 — 11 вв. В яме были жжёные кирпичи, фрагменты глазурованной посуды светло-зелёного фона с процарапанным рисунком коричневым тонким орнаментом и фисташковым оттенком. Среди этих фрагментов находилась почти целая глазурованная чаша диаметром по венчику 24 см, дна 8 см, высотой 4 см (14, с.335), станковая, на кольцевом поддоне, с резким перегибом стенок от низа. По белому ангобу, разделяя зеркало на три сектора, коричневой краской очень своеобразно нанесена стилизованным арабским письмом надпись. Горизонтально вытянутые буквы с изгибом в середине, который огибают другие, также вытянутые, но вертикально. Правая и левая буквы равные, а вертикальные длиннее (43, с.311, № 842). Надпись была прочитана востоковедом Н.Кухаренко как "Иса и Марьйям" (68). Чаша выполнена ходжентским мастером, на что указывает её художественное оформление, а надпись даёт возможность распознать состав населения, среди которого были представители христианского вероисповедания.

В первые столетия своего возникновения христианство распространилось на Восток, являясь притягательной силой среди народных масс, не различая социальные группы, говорившие на разных языках. В больших городах оседали миссионеры различных религий. Духовные наставники были необходимы в дальних путешествиях, чтобы уставший купец мог побеседовать на теологические темы, поспорить и отдохнуть от мирских дел.

Ходжент располагался на одном из основных торгово-дипломатических путей между Китаем и Западом. Несторианские церкви и предметы художественных изделий зафиксированы на большой территории Киргизии, куда проникли миссионеры, конечно же, через Ходжент. Несториане изображали художественно распятия. Об этом говорят некоторые путешественники, Вильгельм Рубрук в частности писал, что несториане стыдятся показывать Христа, пригвожденным к кресту. Несторианский крест отличался большим разнообразием. Распространяется группа с равноконечными прямыми или ажурными концами, с расширяющимися слегка верхними концами и удлиненным нижним. Встречается неполное изображение креста, лишь символически напоминающие его как орудие казни (29, с.25 — 26).

На наш взгляд, надпись на ходжентской чаше нанесена так, что она отражает неполный несторианский крест. Два горизонтальных конца имеют расширение, а вертикальная нижняя часть чуть удлиненная. Символически воспроизведено распятие, где место перекрытия выполнено таким образом, что передает поникшую голову, а окончание ног — вязью букв.

Распространение христианства несторианского толка не обошло этот крупный торговый город, расположенный на основном торговом пути с Запада на Восток. В Ходженте явно располагалась община, воздействуя на местное население. Это происходило в период 11 в., совпадающим со временем широкого проникновения различных культов, экспансии согдийцев в северо-восточные территории как через дипломатические миссии, так и из числа гонимых сект и течений. Взаимосвязи способствовали мощному толчку развития и укрепления экономических связей. Ходжент в этот период называли "Жемчужиной Востока".

КРЫШКА СОСУДА ИЗ АНДИЖАНА

В 1959 г. во время строительства в центре Андижана медицинского института экскаваторщики неожиданно на глубине 2 м обнаружили слой с разнообразными керамическими и стеклянными изделиями, как выяснилось позднее, относящимися к 10 — 12 вв. Среди находок были и бракованные предметы, которые представляют особую ценность, так как они являются неопровержимым свидетельством того, что сосуды местного производства.

По всей видимости, в данной местности были развиты разные виды ремесел, в особенности гончарство, кварталы же ремесленников располагались не только в городе, но и в пригороде. Керамисты изготавливали посуду для различных слоев населения: глазурованные, украшенные геометрическим и растительным орнаментом чаши, блюда, кувшины, светильники, тарелки, кубки, горшки, крынки. Найдено много лепной неглазурованной керамики, покрытой росписью. В неглазурованной керамике выделяются сосуды со штампованным орнаментом, по форме и декору подражающие металлическим изделиям: кувшины на высоком поддоне, крынки и другие сосуды. Но особое внимание привлекла крышка сосуда с изображением крестов. Изготовлена она из красноватой глины, с примесью гипса. Форма крышки выпуклая, венчик с отогнутым краем, чтобы плотно прикрывался сосуд. Размеры: диаметр венчика 17 см, высота 5 см. Судя по величине крышки, она изготавливалась для закрывания сосуда с широким устьем. Вся внешняя поверхность по кругу покрыта прямыми равноконечными крестами.

Обращает внимание и сама техника изготовления крышки — она сделана в калыбе. Преимущество этой техники, в сравнении с ручным штампом, состоит, с одной стороны, в том, что в калыбе узоры и знаки можно расположить красиво, в данном случае кресты симметричны, на одинаковом расстоянии друг от друга. Это говорит о том, с какой тщательностью выполнялась такого рода работа. А с другой стороны, что очень важно, калыб давал возможность серийного выпуска изделий. Поскольку был специально изготовлен калыб, значит и был определенный спрос на сосуды с христианской символикой.

Эта уникальная находка, хранящаяся сейчас в Андижанском

краеведческом музее, пока единственный в Фергане экспонат, позволяющий рассматривать вопрос о религиозных верованиях населения данного региона в целом в эпоху Караханидов. Наличие на ней изображений крестов говорит о том, что в Андижане, видимо, существовала христианская община. Возможно, с торговыми караванами сюда прибывали и христианские миссионеры. Судя по месту находки крышки, община эта жила в рабаде. Как известно, в эпоху ислама представители иноземной религии селились не в самом городе, а в окрестностях.

Проникновение сюда христианского вероучения, возможно, относится к более раннему времени, чем 10 — 12 вв., к эпохе раннего средневековья, когда после утверждения в Средней Азии Тюркского каганата и установления дипломатических отношений каганата с Византией усиливается проникновение в Среднюю Азию идей Восточно-Римской империи и Византии. Это подтверждается и появлением на лицевой стороне тюркских монет парных лицевых изображений (княжеской четы или государя и наследника), чеканенных в подражание византийским монетам (83). Известны монеты ферганского царя этого типа, датируемые 6-м в. (122, табл.1 IV).

Однако в письменных источниках конкретных данных о проникновении в Фергану христианства не встречается. Описанная же крышка пока дает дату 11 — 12 вв.

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

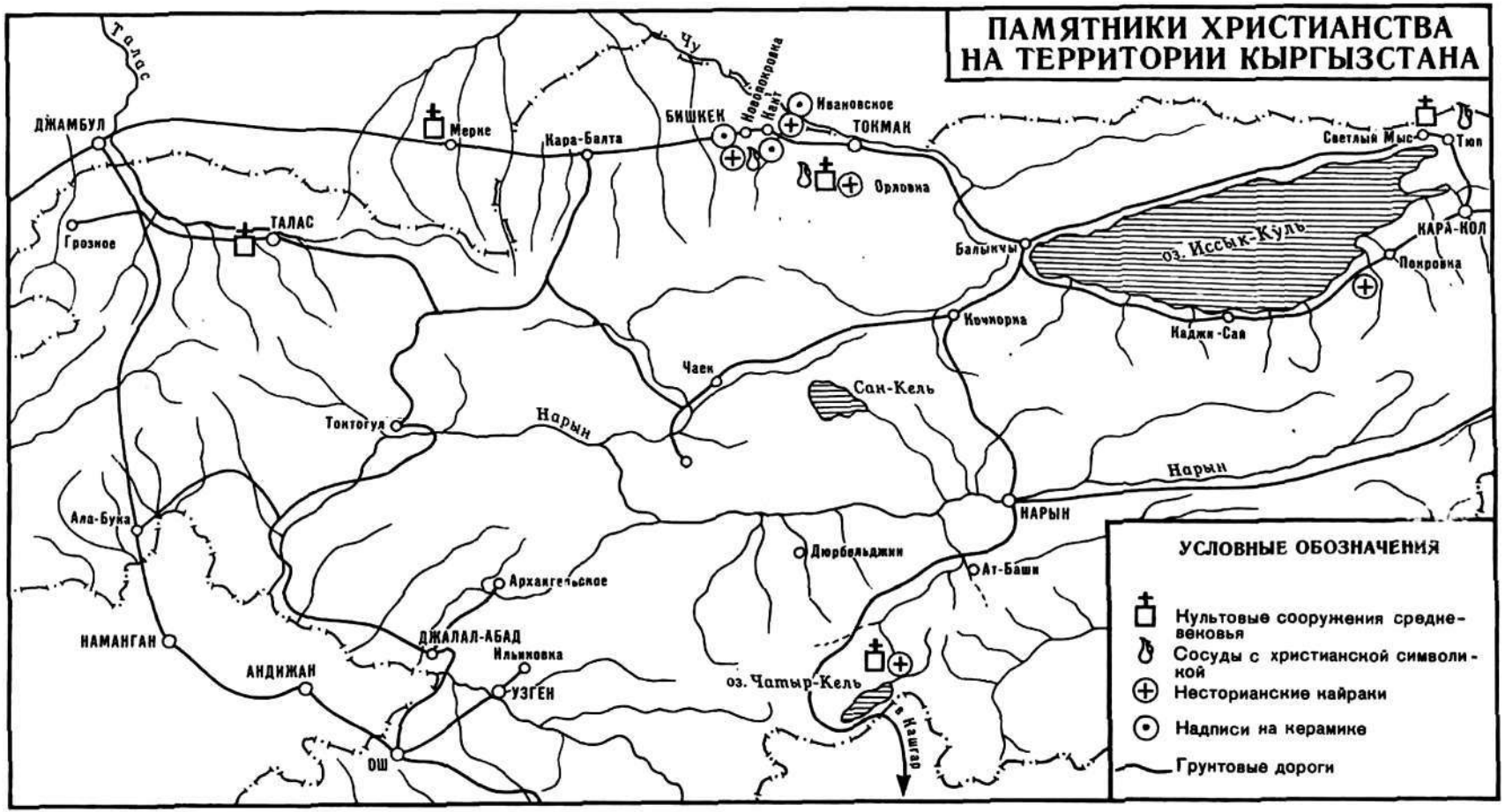
Памятники христианской религии на территории Кыргызстана довольно многочисленны и по времени и по основанию подразделяются как бы на две группы: период раннего и развитого средневековья, являющийся частью истории сирийского несторианства в Центральной Азии, и последняя четверть 19 — нач. 20 вв., которая связана, в основном, с деятельностью русской православной церкви.

Христианство начало проникать на территорию Кыргызстана в середине 1-го тыс. н.э., после заселения согдийцами Таласской и Чуйской долин и освоения торговых линий Великого шелкового пути, проложенных из Средней Азии через Семиречье в Восточный Туркестан, Китай, Монголию и Сибирь. По этим направлениям шло распространение христианского учения и оформление церковной организации.

Кроме письменных источников, многочисленные материалы археологических, искусствоведческих и историко-культурных находок подтверждают наличие памятников христианского происхождения на территории Кыргызстана, в пределах Семиреченского региона. В этих материалах в той или иной мере отражены отдельные стороны жизни христианских общин, история их расселения на Тянь-Шане, дается анализ и датировка находок, погребального обряда и назначение построек.

Сведения о ранних христианских памятниках Семиречья, собранные в результате научного и краеведческого археологического изучения средневековых городищ, стали появляться в научной и периодической литературе с конца 19-го в. Поступление нового материала продолжается по сей день. В настоящее время в распоряжении ученых имеются несколько видов несторианских памятников: намогильные кайраки с крестами и сирийскими эпитафиями, несколько нательных крестов из бронзы, камня и нефрита, керамические сосуды с надписями и остатки архитектурных сооружений.

Наиболее ранним памятником на территории Кыргызстана является небольшая церковь 7 — 8-го вв., открытая раскопками Л. Р. Кызласова в 1953 — 54 гг. на городище Ак-Бешим (69, с. 231 — 233)

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА
Талас
Чу
ДЖАМБУЛ
Мерке
Кара-Балта
БИШКЕК
Новопокровка
Кант
Ивановское
ТОКМАК
Орловка
Светлый Мыс
Тюп
Грозное
ТАЛАС
Балыкчы
оз. Иссык-Куль
КАРА-КОЛ
Покровка
Кочкорка
Каджи-Сай
Чаек
Сан-Кель
Нарын
Токтогул
Нарын
Ала-Бука
НАРЫН
Дюрбельджин
Ат-Баши
Архангельское
НАМАНГАН
ДЖАЛАЛ-АБАД
Ильиновка
АНДИЖАН
УЗГЕН
оз. Чатыр-Кель
ОШ
в Кашгар
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Культовые сооружения средневековья
Сосуды с христианской символикой
Несторианские найраки
Надписи на керамике
Грунтовые дороги

(Чуйская долина), которое отождествляется со столицей тюркских каганов Суябом (позднее переименованного в Ордукент).

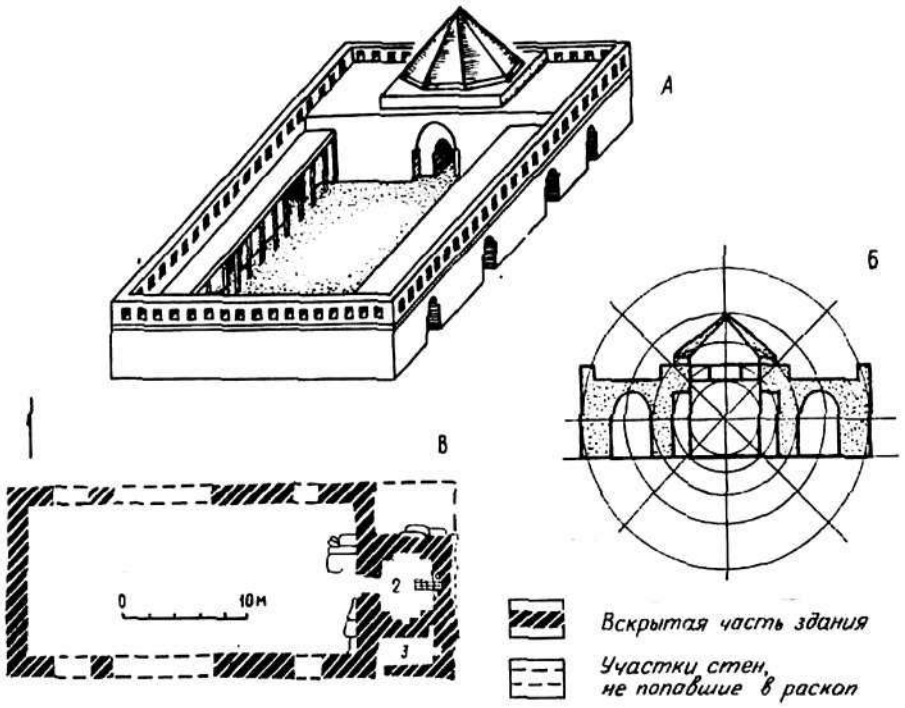

Рис. 18 Городище Ак-Бешим. Христианская церковь: а — общий вид (реконструкция С.Я.Перегудовой); б — анализ пропорций; в — план стен, по Л.Р.Кызласову.

Церковь была построена за пределами центральной части города — квадратного шахристана, в 165 м от его восточной стены на укреплённой территории. Датировка 8 в., принятая автором раскопок, впоследствии была пересмотрена и на основе архитектурного анализа строительных остатков и аналогий строительство и существование церкви отнесены к середине 7 — началу 8-го вв. (29, с.25 — 26).

Здание ориентировано сторонами по странам света и включало на момент раскопок три архитектурно-организованных пространства: основное центрическое помещение, примыкающую к нему комнату с отдельным наружным входом и двор, вытянутый вдоль продольной оси. Вероятно, с другой стороны от алтаря первоначально находилось ещё одно помещение, со временем полностью утраченное. Общие размеры постройки в плане 36 х 15 м. Стены толщиной 1,5 м сложены из пахсы и сырцового кирпича. Алтарное помещение размером 5,3 х 4,8 м с тремя нишами и входом на осях оштукатурено ганчем, на котором сохранились остатки росписи, выполненной яркими

красками. Вход находился в западной стене и открывался во двор, вдоль длинных стен которого могли быть навесы. В боковом помещении, обособленном от двора и алтаря, в торцовой стене была устроена маленькая нишка. Здесь в завале найден брозовый нательный крестик.

Входы во двор церкви не были обнаружены, скорее всего они находились в продольных стенах, как в средневековых христианских памятниках Ирана, стран Закавказья и Сирии, а также в здании Хароба-Кошук в Мерве. Эта постройка 5 — 6 вв. является ближайшей архитектурной аналогией ак-бешимской церкви, которая сопоставляется с длинными церквями Эфеса и Ктесифона. Таким образом, наблюдается преемственность в церковном зодчестве Средней Азии и Семиречья с храмами Ближнего Востока, что можно связать с сирийско-византийской традицией.

По остаткам здания можно предположить следующую реконструкцию ак-бешимской церкви: двор с навесами по трем сторонам и выходами в боковых стенах, прямоугольный объем основной постройки, в которой алтарная часть подчеркнута выведением квадрата стен над крышами боковых помещений. Для центрального квадратного объема наиболее приемлемым кажется покрытие дарбазного типа, для боковых — сводчатые.

Рис. 19
Таш-Рабат. Наружный вход в центральный коридор здания.

Христианские церкви действовали также в Таразе и Мирке (Таласская долина). Из письменных источников известно, что позднее, в 9-м в. они были приспособлены под мечети (6, с.287).

На путях миссионерской деятельности христиан строились монастыри. Наибольшее их количество известно в Китае и Восточном

Туркестане, где они появились в начале 6-го в. На территории Кыргызстана, по имеющимся сведениям, находилось два христианских монастыря. Один из них, не обнаруженный пока, был нанесен в 1375 г. на Каталонскую карту, где на северном берегу озера Иссык-Куль изображено здание, увенчанное крестом и пояснительной надписью: "Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте монастырь братьев армянских, в котором, говорят, пребывает тело Св. Матвея, Апостола и Евагелиста" (121, с.179). Как полагает П. П. Семенов Тянь-Шанский, видевший эту карту в Венеции в 1850 г., монастырь располагался в бухте Курменты (между селениями Светлый Мыс и Тюп) (120, с.202).

Второй монастырь был основан в горах Центрального Тянь-Шаня в 20 км от современной границы с Китаем. Его сохранившиеся руины известны под названием Таш-Рабат. Здание стоит в одноименном ущелье на берегу притока р. Кара-Коюн, вдали от древних и раннесредневековых памятников полукочевого

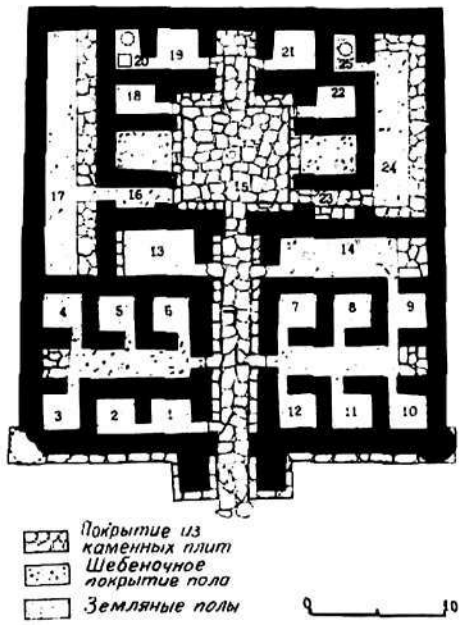

Рис. 20
Таш-Рабат. План.

населения Северного Кыргызстана; от ближайшего города-ставки юркских каганов Атбаша (городище Кошой-Коргон, 7 — 8 вв.) оно удалено на 66 км.

Горные гряды отделяют Таш-Рабат от средневекового караванного пути, проходившего из Ферганы и Семиречья в Кашгар в 18 км к западу от Таш-Рабатского ущелья. Наиболее важное значение этот участок дороги имел в древности и в послемонгольный период. В настоящее время здесь проходит автомобильная дорога.

Таинственный вид одинокой постройки породил в народе множество легенд, которые связывают историю её появления с именами и событиями тимуридского времени. Лишь одно предание сообщает о миссионерской деятельности религиозной общины, прибывшей сюда "из Рима" (101, с.15 — 23).

В 18 — 19 вв. развалины Таш-Рабада привлекали внимание мусульманских путешественников, оставивших на его стенах надписи тушью. Поселившимся здесь шейхам, они заказывали чтение хатми — корана в память об умерших. С середины 19-го в. Таш-Рабад попадает в поле зрения европейских ученых и краеведов. По их наблюдениям, перед зданием приносили в жертву баранов, а вход отмечали рогами животных (26, с. 7192 — 194), соблюдая таким образом среднеазиатский обычай по отношению к почитаемым гробницам.

В публикациях дореволюционного периода высказывалось предположение о размещении в нем древнего монастыря на основе анализа планировочных особенностей здания (54, с.22 — 27) и находке возле него в 1901 г. надгробного несторианского камня (26, с.192 — 194). Позднее Таш-Рабат был отождествлен с рабатом, упомянутым в рукописи 16-го в. Мырзы Мухаммада Хайдера "Тарих-и-Рашиди", датирован 15-м в. и интерпретирован как рабат для стоянки военных отрядов и торговых караванов (54, с.22 — 27) и как караван-сарай. Последнее определение функции здания надолго вошло в научный оборот (110, с.213 — 218).

Однако комплексное исследование памятника, проведенное С.Я.Перегудовой в 1978 — 80 гг., позволило передатировать здание Таш-Рабат 10-м в. и трактовать его как стационарное жилище монастырского типа, для которого функции рабата являлись вторичными (105, с. 49 — 66). Упадок постройки по времени совпадает с монгольским завоеванием Средней Азии в начале 13-го в. и, вероятно, связан с этим событием. В последующие века она стала приютом для случайных путников.

Здание построено из колотого сланцевого камня на горизонтальной площадке, спланированной в склоне холма. Это компактное многокамерное сооружение с квадратным контуром плана (32,4 х 34,8 м), ориентированное сторонами по странам света. Архитектуру фасада отличает суровая простота каменной кладки, отсутствие оконных проёмов и тяжеловесность пропорций. Единственный вход был с востока. Главный фасад выделен угловыми трехчетвертными круглыми башнями монолитной кладки и выступающим на 3 м массивным пештаком со сводчатой нишей входа.

План здания включает 25 помещений, квадратный зал и три коридора. Все помещения разделены на две различные по функции группы, которые сообщались между собой через один проем, расположенный в торце центрального коридора. Переднюю группу составляют два смежных предварительных помещения, девять

небольших келий, размещенных вдоль боковых коридоров, и одна просторная комната, обособленная от них.

В глубине здания находился квадратный зал (площадью 9,4 х 9,1 м) с тремя глубокими нишами на осях и десять различных по назначению помещений. Среди них — четыре жилых комнаты, камера с бадрабной ямой, кладовая с погребом и колодцем (?), два

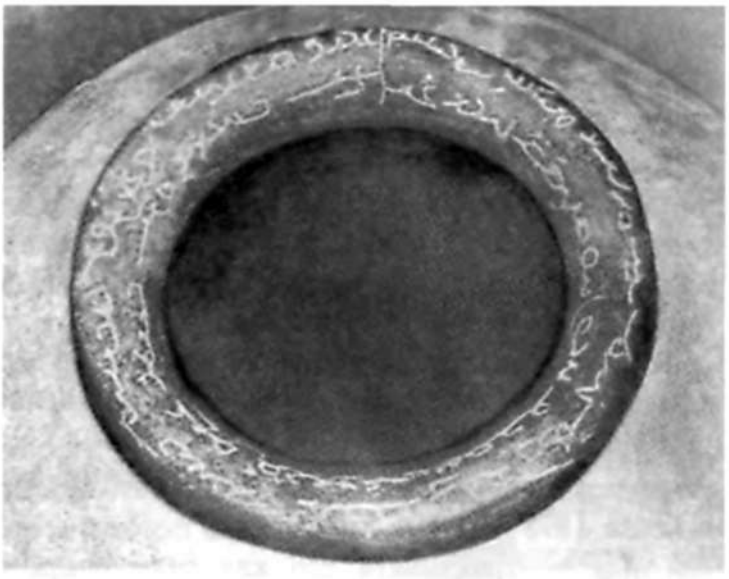

Рис. 21 Надпись на венчике хума из Новопокровского городища.

длинных помещения с суфами вдоль длинных стен, а также коридорчик с лестницей, ведущей на крышу.

В перекрытиях использованы купола и своды, через отверстия которых освещались помещения. Грубую каменную кладку скрывала двухслойная штукатурка с резными линейными узорами. Остатки её в интерьерах свидетельствуют об изысканности форм подкупольных консольных парусов, которые после отделки ганчем представляли собой разнообразные композиции их конховых арочек и сводчатых нишек.

Почти все дверные проемы в здании, кроме двух, расположенных на центральной оси, имели плоские перемычки из больших каменных плит. Наружный вход, перекрытый стрельчатой аркой, запирался деревянными воротами, для крепления которых в кладке стен были оставлены гнезда.

Таш-Рабат построен в традициях среднеазиатского зодчества, сочетая приемы строительного искусства древности и раннего средневековья. Детали его архитектуры имеют аналоги в синхронных

и гораздо более ранних сооружениях Мавераннахра и Хорасана, но в целом композиция здания не повторяет ни один из известных памятников Центральной Азии и не вписывается в типологическую классификацию средневековых построек. Это обстоятельство и стало одной из причин довольно широкого толкования назначения здания.

На территории Северного Кыргызстана имеется также значительное число находок художественных изделий, связанных с христианством средневековой поры. Например, керамическая ваза Иссык-Куля, покрытая синей глазурью и изображением сцены с 12 апостолами (7, с.75 — 76); серебряная посуда, найденная в 1923 г. на Новопокровском городище в Чуйской долине (31). Высказывалось предположение о семиреченском происхождении известных Аниковского и Григорьевского блюда из собраний Эрмитажа. Все эти предметы относились к изделиям согдийских мастеров области Джетысу 9 — 10 вв. (38, с.213 — 233), что, однако, аргументированно отвергается в отношении Аниковского блюда (109, с.26 — 29). Штампы на кувшине из Новопокровского городища, при помощи которых мастер стремился выдать свою работу за изделие византийских мастеров, свидетельствует о большой ценности византийских образцов в Средней Азии (80, с.60).

К культуре несториан Семиречья относится также и оригинальный каменный сосуд ритуального назначения 11 — 12 вв., найденный в Южном Казахстане на городище Торткуль-тобе возле с. Вановка Тюлькубасского района (116, с. 169 — 176).

Кайраки средневекового Кыргызстана — это крупные плоские гальки, на одной или двух сторонах которых высекались кресты и эпитафии классическим сирийским письмом — эстрангелой (рис. 22). Надписи обычно имеют дату по тюркскому календарному животному циклу, имена усопших и их родителей (сирийско-христианские или тюркские). Известно более 700 намогильников. Находки обнаружены в Чуйской долине на городищах Кара-Джигач и Бурана (в краеведческой литературе конца 19 — начала 20-го вв. они именуются соответственно "кладбище близ Пишпека" и "кладбище близ Токмака") и на Краснореченском городище; в ущелье Джууку в Прииссыккулье; в Алмалыке (Илийская долина) и возле здания Таш-Рабат в горах Центрального Тянь-Шаня.

Почти все известные намогильные камни датируются 13 — 14 вв., кроме четырех из Краснореченского городища. Надписи на двух кайраках из цитадели, прочитанные сирологом А. В. Пайковой, датированы 1100 и 1220 гг. по Селевкидской эре (соответственно 789 и 909 гг. н.э.) (70, с. 79 — 81). Это наиболее ранние из имеющихся

ныне надгробных эпитафий семиреченских несториан в ряду христианских древностей Средней Азии. Они следуют после находок из Мерва, Самарканда и Ургута, где эта категория памятников датируется 6 — 7 вв. (87, с. 50 — 55).

Домонгольскими являются и намогильники, найденные на Красной Речке М. Е. Массоном в 1919 г. (87, с.50 — 55) и А. Н. Бернштамом в 1938 г. (15, с.20). Последний представляет собой квадратный кирпич с эпитафией "Георгий-кузнец". Обе находки связаны с восточной частью городища, поэтому можно предположить размещение несторианской общины в черте

Рис. 22
Несторианские кайраки.

города, к востоку от шахристана. Эти кайраки, а также встреченные там же несколько нательных крестов из бронзы, кости и нефрита, датируемые 8 — 9 вв., свидетельствуют в пользу отождествления городища у с. Красная Речка со средневековым городом Навакетом. В нем, согласно письменным источникам, в 12-м в. была учреждена несторианская митрополия, а глава церкви именовал себя "митрополитом Кашгара и Навакета" (6, с.293 — 294).

Другой аспект сирийских культурных связей отражен в памятниках письменности. Сирийская религиозная литература оказывала длительное воздействие на тюркскую письменность и, возможно, на устную речь. Во всяком случае на территории Северного Кыргызстана, судя по памятникам эпиграфики (представленной преимущественно на каменных гальках-кайраках), сирийское письмо употреблялось с 8-го по 14-й вв., со времени принятия христианства тюрками при кагане Арслан Иль Тюргук (766 — 840 гг.) и до гибели семиреченских несториан в середине 14-го в.

Установлено также, что наряду с сирийским языком у семиреченских и восточно-туркестанских христиан в ходу был

согдийский. В этом плане показательны находки согдийских надписей, выполненных на венчиках хумов 9 — 10 вв. из Краснореченского и Новопокровского городищ. Одна из них гласит: "Этот хум предназначен для учителя Ярук-тегина. Мастер Пастун. Пусть будет (хум) наполненным, аминь, аминь". Примечательно, что имя Ярук-тегин сопровождается сирийским титулом "учитель", "наставник" (мальфан), известным по сиро-тюркским эпитафиям несториан области Джетысу 13 — 14 вв. (70, с. 79 — 81). Употребление в конце двоекратного "аминь" указывает на христианскую среду составления текста.

Намогильные гальки-кайраки с сиро-тюркскими эпитафиями являются наиболее изученной и самой многочисленной категорией памятников материальной культуры христиан не только средневекового Кыргызстана, но и всей Средней Азии. Уже со второй половины 8-го и до середины 14-го в. на поселениях Северного Притяньшанья наблюдается обычай восточных (сирийских) христиан отмечать могилу каменным или кирпичным намогильником с

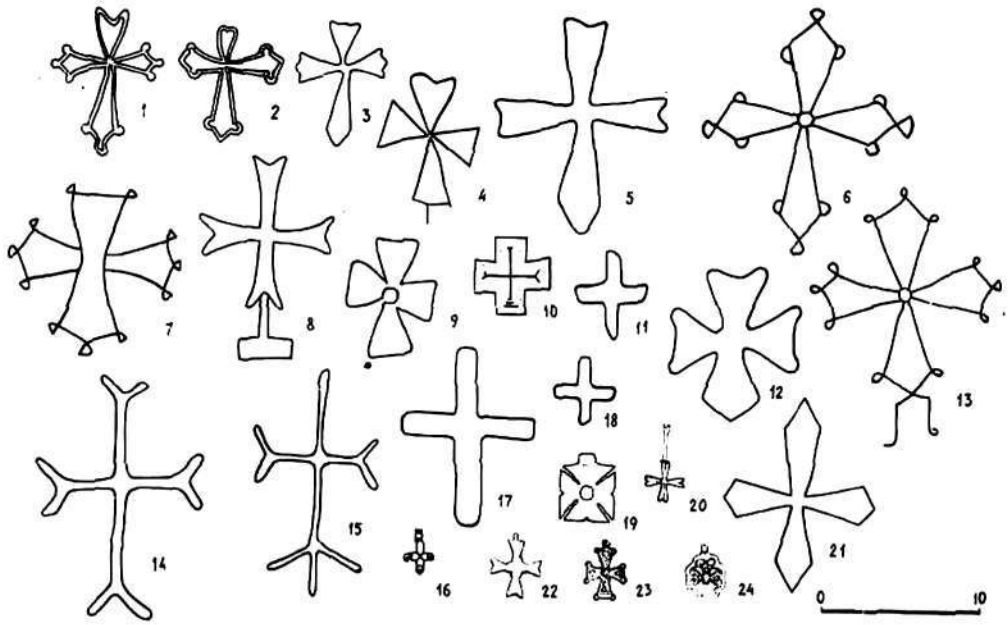

Рис. 23 Образцы несторианских крестов.

выбитым на его лицевой поверхности равноконечным крестом с сирийской надписью. Этот обряд, зарегистрированный как в самой Сирии, так и за её пределами в соседних областях Ближнего Востока ещё до появления христианства (140, с.85 — 90), стойко сохранялся в местах расселения сирийцев и среднеазиатских народов, принявших христианство.

На одном из кайраков, найденных Н. Н. Пантусовым при раскопках христианского кладбища "близ Пишпека", надпись была сиро-армянской. Она гласила, что здесь в 1323 г. был похоронен армянский епископ Иоан. В специальной статье, посвященной этой надписи, академик И.Я.Марр сделал вывод, что памятник указывает на более или менее значительную армянскую колонию, а не на единичную личность, заброшенную судьбой в такую даль от Родины (79, с.347).

Несториане — еретики с точки зрения Византийской церкви — были иконоборцами. Христиане Семиречья и Восточного Туркестана

Рис. 24 Несторианский кайрак из Алмалыка.

не изображали Распятия, на что указывают средневековые путешественники, в частности Плано Карпини и Вильгельм Рубрук. Последний писал: "Несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным к кресту" (118, с.106). С.С.Слуцкий считал необычной форму креста на несторианских кайраках из Семиречья. По его мнению, он в огромном большинстве случаев имеет вид украшения, лишь символически напоминающего о кресте как орудии казни (121, с. 20).

Кресты на семиреченских кайраках отличаются большим разнообразием (рис.23). Наиболее распространенная группа — с расширяющимися концами и удлиненным нижним; нередки также равноконечные кресты с ажурными раструбами; многочисленна группа крестов с прямыми концами (так называемый "греческий крест"). Среди нательных (нагрудных) крестов из Краснореченского и Буранинского городищ, выделяются изделия с раструбами и слегка удлиненным нижним концом, иногда в ажурном обрамлении. Лицевая сторона нательных крестов украшалась врезной линией или налепом по центру, а нередко — и по концам раструбов. Кресты такой иконографии связываются с символикой того креста, который,

по библейской легенде, увидел царь Константин на небе как знамение Божье перед Мальтийской битвой. В описании "отца христианской историографии" Евсея Кесарийского царь Константин представлен как образец истинного христианина, а привидившийся ему крест с круглыми шарами стал символом восточно-христианской церкви (27, с.189).

Таким образом, распространение христианства в Семиречье в пору средневековья совпадает по времени всеобщего проникновения монотеистических религий в Центральную Азию. Оно сопровождалось широкими миграционными волнами, притоком из Ирана, Сирии и западных районов Средней Азии. На примере памятников материальной культуры семиреченских несториан прослеживается не только типологическая общность с христианской символикой Ближнего Востока, но и прямое воздействие сиро-палестинских традиций на оседлую культуру Притяньшанья, при этом явственно определяются связи с Сирией и Византией в области художественного творчества. Имеющиеся находки остатков материальной культуры христиан, проживавших в средневековье на территории Кыргызстана, свидетельствуют, что эта религия бытовала здесь наравне с другими вплоть до середины 14-го в. В последующие столетия оседлые поселения Северного Притяньшанья пришли в упадок, местность надолго оказалась во власти кочевых племен, которые придерживались шаманистских культов. В Ферганской же части Кыргызстана господствовал ислам.

ХРИСТИАНСТВО КАЗАХСТАНА В СРЕДНИЕ ВЕКА

В идеологии народов древнего и средневекового Востока христианство занимало определенное место, сохраняя свои позиции даже после утверждения ислама. Не представляет в этом отношении исключения и Казахстан, в первую очередь его южная часть, известная в историко-географической литературе как регион Южного Казахстана и Семиречья (3).

Распространение христианства в Казахстане, как в Центральной Азии, тесно связано с политической и культурной историей народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Здесь важную роль играл Великий шелковый путь, северное направление которого переместилось в 6 — 7 вв. на территорию Южного Казахстана и Семиречья, где находились центры Западно-Тюркской империи, происходило бурное формирование и развитие городов Отрар, Испиджаб, Тараз, Навакет, Суяб. Причем, распространение его происходило наряду с буддизмом и манихейством (2, с.17 — 27).

В оазисах этой дороги, проходившей по горам и низменностям, обнаружены замечательные памятники культуры. На этом пути нашли покой затерявшиеся в песках памятники обыденной жизни и искусства, предметы культа, принадлежавшие разным религиям и христианству. И на всем протяжении этого пути неизменно встречаются свидетельства сирийской письменности, сирийского христианства, распространение которого началось уже в самый ранний период его истории. Многовековые экономические связи сирийцев обусловили их культурное влияние и на Аравийском полуострове, и в Индии, и в областях Средней Азии, где иранские и тюркские наречия оказались в известной мере под воздействием сирийского языка.

Распространению христианства у согдийцев, как в метрополии, так и в колониях, привело к знакомству согдийцев с сирийским письмом. От согдийцев-христиан сирийское письмо распространилось к древним тюркам; это письмо было заимствовано и уйгурами: "...сирийцы внесли огромный вклад в мировую науку и культуру. Они приобщили Восток к той тенденции развития мировой культуры, которая исходила из достижений античности (106, с.22 — 27).

В 7 — 8 вв. несторианство широко распространилось в городах Южного Казахстана и Семиречья. Во многих городах имелись

христианские церкви. При патриархе Тимофее (780 — 819) христианство было принято царем тюрок, видимо, карлукским джабгу. На рубеже 9 — 10 вв. была образована особая карлукская митрополия (61, с.168), в Таразе и Мирке действовали христианские церкви, христиане проживали и в городах по Сырдарье.

В 12 в. была учреждена митрополия Кашгара и Навакета (6). Сохранились некоторые сведения о том, что в 11-м в. христиане обратили в свою веру монгольское племя кереитов. Рашид-ад-дин в "Истории монголов" писал: "Исповедание Иисуса — мир ему! — проникло к ним (кереитам) и они приняли его" (135). Много христиан было в среде монголов-найманов. И хотя Чингисхан в 1203 г. разорил княжество кереитов, именно его в странах Западной Европы признавали просвитером Иоанном, чьё легендарное царство хронисты 12-го в. помещали на Востоке. Как бы то ни было, несториане играли в империи Чингисхана значительную роль. Племянница разгромленного Чингисханом кереитского Ван-хана несторианка Соргатханибеки была женою младшего сына Чингисхана Тулуя, матерью двух великих ханов Мунке и Хубилая и завоевателя Ирана Хулагу (107, с.10 — 11).

О христианах Илийской долины, которые имели свою церковь в Каялыке (Кайлаке), а также свое селение, сообщает Вильгельм Рубрук. На берегу Иссык-Куля в 14-в. стоял христианский монастырь, в котором хранились мощи святого Матфея (8. с.61). В Кайлаке, по словам Рубрука, имелось три храма, принадлежавших несторианам. Однако, в них не было изображений Христа, по словам опрошенного священника, это было "не в обычае". Однако, за сундуком, служившим алтарем, Рубрук видел "изображение, имевшее крылья, как у святого Михаила и другие изображения, вроде епископов, державших пальцы как бы для благословения" (114, с.111). За Каялыком, в 3 лье Рубрук посетил несторианское селение с церковью, куда он зашел и пропел: "Радуйся, царица" (114).

По мнению исследователей, отсутствие религиозной живописи в несторианских церквях Центральной Азии было связано с соответствующими канонами, сложившимися в результате реформ 12 — 13 вв. (97).

Находки, связанные с несторианством в семиреченских и южно-казахстанских городах, достаточно убедительно подтверждают сведения письменных источников. Таковы остатки христианской церкви, раскопанной на городище Ак-Бешим. Она состояла из квадратной в плане постройки, перекрытой куполом, и прямоугольного двора (69).

При раскопке некрополей городов Джамуката и Навакета были

обнаружены захоронения христиан с серебряными, бронзовыми крестами. Известна и случайная находка нефритового креста на городище Красная Речка (103) (рис.25).

Под влиянием христианства в Средней Азии и Казахстане трансформировался оссуарный образ захоронения. Так, местные христиане хоронили в оссуариях, украшенных изображениями крестов. Обломки именно таких оссуариев найдены в Таразе. В музее г.Чимкента хранится

Рис. 25
Носильный серебряный крест из некрополя городища Костобе (средневековый город Джамукат), 7 — 8 вв.

каменная ступка, найденная на городище Тортколь-тобе, отождествленном с городом Шарабом. На ней изображены символы христианства — крест и голубь (116, с.169 — 176) (рис.26).

При раскопках Тараза в слое 6 — 7 вв. была найдена керамическая кружка с сирийской надписью "Петр и Гавриил" (20). Эту надпись А. Ю. Борисов считал принадлежавшей христианам-яковитам, но вопрос о времени проникновения яковитов в Среднюю Азию и Казахстан остается открытым. Известно, что в 7-м в. яковитские митрополии были созданы в Герате и Сеистане, откуда яковиты пришли в Казахстан. Яковитские же церкви в Восточном Туркестане, о которых сообщают источники, возникли позже — в 13-м в. (97, с.126) (Рис. 27).

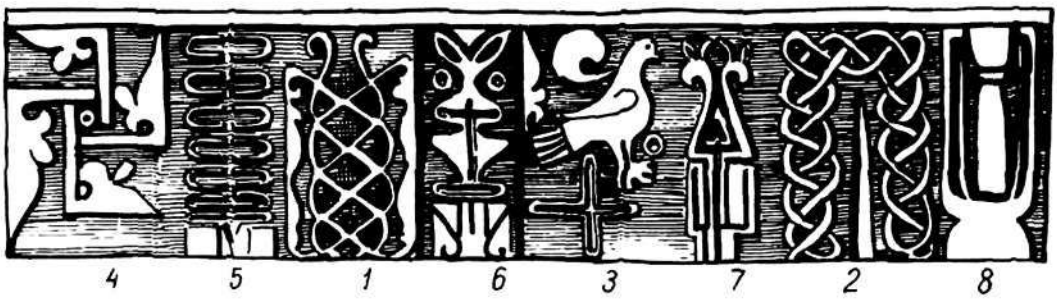

Рис. 26 Прорисовка изображений на каменной ступке. Городище Тортколь-тобе (средневековый город Шараб), 9 — 10в.

К изделиям несторианских ремесленников следует отнести два серебряных блюда, получивших известность как Аниковское и Григорьевское, с сюжетами из раннехристианской иконографии (38,

с.213 — 232). На Григорьевском серебряном блюде-дискосе 9 — 10 вв. изображения были выполнены в технике плоского рельефа с дополнительной гравировкой. Фон и отдельные части блюда позолочены. В трех переплетающихся медальонах представлено "Вознесение", "Жена у гроба" и "Распятие", а в промежутках "Даниил во рту львином", "Отречение Петра" и "Стража гроба господня" (36, с.66 — 68).

Рис. 27
Обломок ручки глиняного сосуда с налепом креста. (Средневековый Тараз), 9 — 10 вв.

К выдающимся произведениям "религиозного искусства и религиозной символики" среднеазиатских христиан, тюрок по национальности, за период появления христианства в этих краях до конца 14-го в. (63, с.428) относятся кайраки — нагробные камни с несторианскими надписями и символикой (40). Основное число их было обнаружено в Семиречье и Восточном Туркестане в кон. 19 — нач. 20-го вв., но находки их случаются и сейчас. Так, при раскопках цитадели Краснореченского городища в фундаменте постройки 11 — 12 вв., были найдены два использованных вторично кайрака с сирийскими надписями. Один из кайраков датируется 789 г., а другой — 909. На первом написано имя "девица Иал-анч" (58, с.369 — 370). Это наиболее ранние сирийские эпитафии на камнях, они составляют как бы промежуточное звено в цепи аналогичных находок, из которых кайраки 5 — 6 вв. были найдены в Сирии, а кайраки 12 — 14 вв. были обнаружены, как отмечалось, в Семиречье и Восточном Туркестане (32, с.62 — 68).

О существовании христианской общины в Навакете свидетельствуют не только надмогильные сирийские надписи, но и согдийские надписи на керамике, на венчиках больших хумов для вина. На одном из них написано: "Этот хум (предназначен) для учителя Йарук-Тегина. Мастер Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!"

Слово "учитель" в этой надписи аналогично терминам тюрко-согдийских эпитафий — "учитель, наставник". Заключительное "аминь" не оставляет сомнений, что Йарук-Тегин был руководителем христианской общины. На другом хуме начертана более короткая надпись: "Мастер этого хума — Пастун". Ещё на одном сосуде, найденном на городище Покровка, расположенном западнее Навакета, имелась большая двухстворчатая согдийская надпись, которая переводится так: "Этот сосуд — дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь... Государь Али-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!" На стенке хума из Тараза была вырезана надпись "Правитель Ильтаг", а на венчике хума, найденного на городище Касмычи, было написано "Епископ Ширфан" (71, с.81 — 83). По характеру палеографии надпись датируется 9 — 10 вв. или даже началом 11-го в.

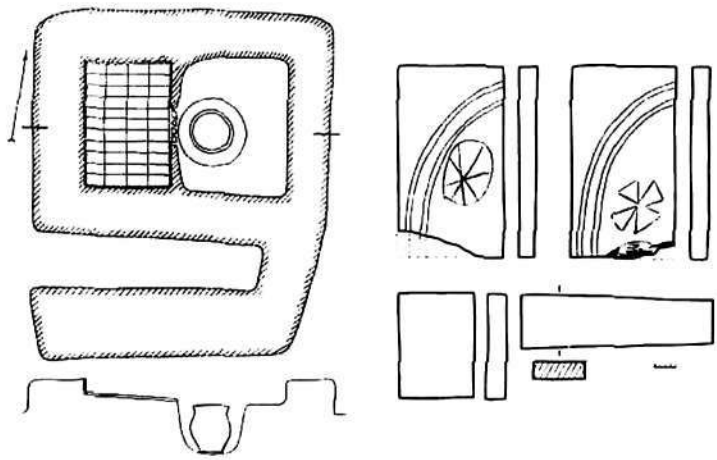

Рис. 28 План винодельни и рисунок кирпичей с изображением крестов. Городище Актобе в Чуйской долине, 7 — 8 вв.

Судя по тому, что надписи вырезаны на винных сосудах, можно предположить, что производство вина в Семиречье находилось в руках христиан, в обрядах которых вино играло важную роль. В пользу такого мнения свидетельствует винодельня 10 — 11 вв., открытая археологами на городище Актобе Степнинском. Дно её было вымощено жженым кирпичом с прочертанными изображениями крестов (3, с.184) (рис.28).

Таким образом, археологические и эпиграфические находки вкупе с данными средневековых источников рисуют картину распространения христианства в Южном Казахстане и Семиречье, начиная с 6 — 7 вв. и вплоть до кон. 13 — нач. 14 вв.

КОСТЮМ НЕСТОРИАНСКИХ ХРИСТИАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Древние памятники культуры и искусства Центральной Азии сохранили для нас внешний облик христиан Среднего Востока, что особенно наглядно в живописи Синьцзяня. Большая их часть были несторианцами и поэтому видели в образе Христа прежде всего человека, обретшего впоследствии божью Ипостась. Поэтому иконографические образы несторианских святых, миссионеров и прихожан, запечатленных на этих памятниках, в отличие от византийской изобразительной традиции отличает определенный реализм: они более приземисты, обладали весомой плотью и конкретной этнической характерностью. В них ощущаются почти портретные образы реальных людей в характерных исторических костюмах своего времени. Так, дьякон с преобладающими восточными чертами лица, изображенный в настенной росписи христианского святилища в Хочо, стоящий с потиром и курильницей в руках, облачен в длинное туникообразное платье глухой формы, с небольшой округлой горловиной, с суженным к запястью рукавом, подпоясанное на талии тонким ремешком (97, 146). Центральный осевой шов, просматривающийся в передней части платья, указывает на то, что одеяние, вероятно, выкраивалось по канонам двухступенчатого или цельнокроенного туникообразного кроя восточноазиатского типа, характерного в большей степени для костюма таких стран, как Китай, Япония, Монголия. Оно было сшито из плотной тяжелой ткани и его прямолинейный столбообразный силуэт полностью скрывал фигуру персонажа. Поверх было наброшено более легкое и короткое верхнее платье. Оно идентичного кроя, но имело глубокий треугольный вырез горловины, длинные и широкие рукава. Примечательно, что традиция ношения одновременно двух платьев глухой формы была одной из характернейших черт византийского костюма христианской поры. Но это имело место также в бактрийском, тохарском и согдийском костюмах кушанского времени и средневековья. В бухарском свадебном наряде невесты такая традиция сохранилась по сей день. Очевидно, через посредство согдийцев этот тип одежды стал распространяться в период раннего средневековья и на территории Восточного Туркестана. Об этом свидетельствует изображение

уйгурского донатора с длинными тюркскими косами в той же несторианской настенной росписи. Он изображен в двух платьях глухой формы, но более длинных , широких и просторных, чем у предыдущего персонажа.

В костюмах прихожан, стоящих с длинными ветвями вербы возле дьякона, аналогичные нижние платья глухой формы, но поверх них наброшены распашные кафтаны с двумя треугольными отворотами. Последние — одна из характернейших особенностей костюма тюркских кочевых народов, бороздивших степи Евразии от Черного моря до Японии. Кочевники-тюрки такие кафтаны носили в рукава, плотно подпоясанными, с глубоким заходом одной полы на другую (145, 206, 209, 211). У женского персонажа запечатленной группы прихожан в несторианской росписи, вместо двубортного кафтана надета распашная безрукавка, также очень часто встречающаяся в изображениях средневекового костюма Центральной Азии.

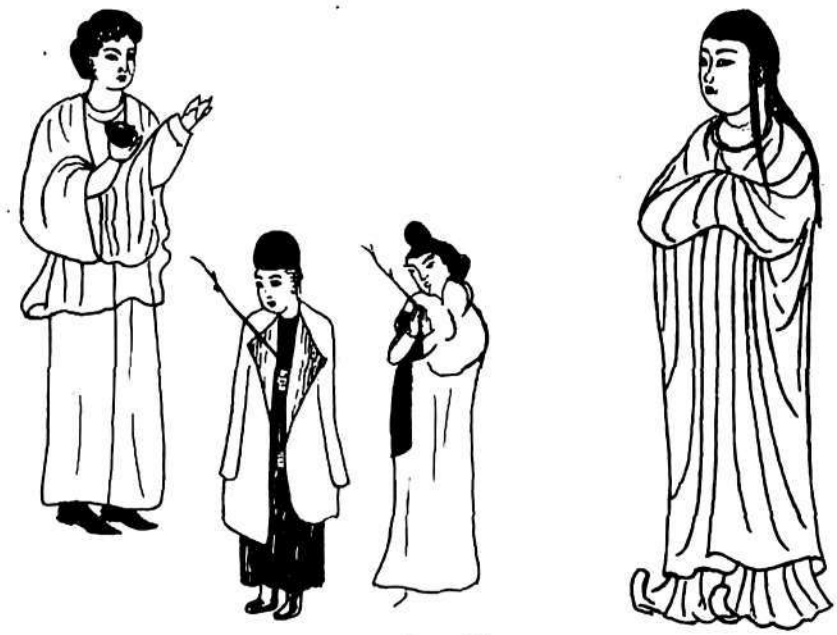

Рис. 29

Прорисовки костюмов персонажей настенной росписи Хочо в Синьцзяне, 7 — 9 вв.

Иной облик несторианских христиан Востока, увековечен на серебряном блюде, найденном в Прикамье в селе Григорьевском (38). Представленные на блюде персонажи, объединенные одним из евангельских сюжетов, демонстрируют костюм христиан, в изобразительной символике которых превалируют переднеазиатские традиции. Так, почти все персонажи изображены в длинных плотно облегающих фигуру туникообразных с характерным для парфянского

костюма диагонально-сетчатым узором, с небольшой округлой горловиной и длинными узкими рукавами. Кроме того, на одном из женских платьев можно увидеть отрезанную кокетку с присборенным подолом, часто использовавшуюся в раннесредневековом костюме Центральной и Передней Азии. Византийская традиция ношения второго верхнего глухого платья отсутствует. Вместо неё у женских персон евангельской композиции поверх платья наброшена присборенная накидка. И только двойной пояс, соединенный спереди крест накрест, который одет у центрального персонажа с распростертыми по горизонтали руками и округлым нимбом вокруг головы, может говорить о присутствии в стилистике костюма некоторого византийского влияния.

На примере этих двух памятников, можно предположить, что в костюме христиан Центральной Азии за основу бралась местная традиция моделирования одежды, на которую накладывались незначительные византийские элементы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анбоев И. А. Древний несторианский клад (?) в г.Ташкенте //Изв. АН УзССР, сер. "Общественные науки", 1959, №6.
2. Байпаков К. М. Археологические исследования по программе ЮНЕСКО "Великий шелковый путь" //Вестник АН КазССР, 1991, №12.
3. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма — Ата, 1986.
4. Бактрия — Тохаристан на древнем и средневековом Востоке, М., 1983.
5. Бартольд В. В. Ещё раз о христианстве в Средней Азии //Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964.
6. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) //Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964
7. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Соч., т. 4, М., 1966.
8. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья //Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963.
9. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия //Соч., т. 1. М., 1963.
10. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культа Согда (по материалам Пенджикентских храмов) //Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
11. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента М., 1973.
12. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951 — 1953) //Тр. ТАЭ, т. 3, МИА СССР, №66, М. — Л., 1958.
13. Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии //Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
14. Беляева Т. В. Некоторые итоги работ Ходжентского отряда в 1978 г. //АРТ, №18, Душанбе, 1984.

15. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
16. Бернштам А. Н. Таш-Рабат — караван-сарай XV в. //Архитектурные памятники Киргизии. М; Л., 1950.
17. Бернштам А. Н. Чуйская долина //Тр. САЭ. МИА, №14, М; Л., 1950.
18. Беруни Абу Райхан. Памятники минувших поколений. //Избранные произведения, т. 1, Ташкент, 1957.
19. Бетгер Е. К. Извлечение из книги "Пути и страны" Абул-Касыма ибн Хаукаля //Тр. САГУ, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957.
20. Борисов А. А. Сирийская надпись на сосуде из Тараза //Изв. АН КазССР, сер. Археология, вып. I, 1948.
21. Борисов А. А. Эпиграфические заметки //Тр. ОВГЭ, т. 1. Л., 1939.
22. Булгаков П. Г., Вахабова Б.А. Средневековые ученые из Мерва //Тр. ЮТАКЭ, т. 16, Ашхабад, 1978.
23. Буряков Ю. Ф., Богомолов Г.И. К семантике изображений на оссуарии из кишлака Чанги //ИМКУ, вып. 20, Ташкент, 1986.
24. Бурякова Э. Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969 — 1971 гг.) //Афрасиаб, вып. II, Ташкент, 1973.
25. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
26. Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник //Соч. т. 2, Алма-Ата. 1962.
27. Вилинбахов Г. В. Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы //Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
28. Всеобщая история искусств. Т. 2, кн. 1, М., 1960.
29. Высоцкий А. М. Христианский памятник на городище Ак — Бешим //Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1989.
30. Высоцкий А. М. Христианский памятник на поселении Дуе — Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция. Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
31. Городецкий В. Серебряные сосуды из курганов села Покровское Пишпекского уезда //Изв. Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1927,

32. **Горячева В. Д.** Город золотого верблюда. Фрунзе, 1988.
33. **Губаев А.** Раскопки 1971 г. на Ак — депе //КД, вып. 5, Ашхабад, 1977.
34. **Губаев А.** Сасанидские буллы из замка Ак — депе //ЭВ, вып. 20, 1971.
35. **Гумилев Л. Н.** Поиски вымышленного царства. М., 1970.
36. **Даркевич В. П.** Аргонавты средневековья. М., 1976.
37. **Даркевич В. П.** Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в восточной Европе X — XIII вв., М., 1975.
38. **Даркевич В. П., Маршак Б. И.** О так называемом сирийском блюде из Пермской области //СА, №2, 1974.
39. **Джаббаров И.,** Дресвянская Г. Духи, святые, боги Средней Азии. Ташкент, 1993.
40. **Джумагулов Ч.** Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе 1971.
41. **Донини А.** У истоков христианства. М., 1989.
42. **Драчук В. С.** Рассказывает геральдика. М., 1977.
43. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
44. **Дресвянская Г. Я.** История изучения христианства в Средней Азии //Научные тр. ТашГУ, вып. 333, Ташкент, 1968.
45. **Дресвянская Г. Я.** Некрополь Старого Мерва //Тр. ЮТАКЭ, т. 19, Ашхабад, 1989.
46. **Дресвянская Г. Я.** "Овальный" дом христианской общины //Тр. ЮТАКЭ, т. 15, Ашхабад, 1974.
47. **Дресвянская Г. А.** Хароба — Кошук. //ПТ, Ашхабад, 1968, №2.
48. **Егише.** О Вардане и войне армянской / Пер. И. А. Орбели, Ереван, 1971.
49. **Ершов С. А.** Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам — Али (раскопки 1954 — 1955 гг.) //Тр. ИИАЭ АН ТССР, т. 5, Ашхабад, 1990.
50. **Журавский А. В.** Христианство и ислам. М., 1990.
51. **Залесская В. Н.** Ампулы — эвлогии из Малой Азии (IV — VI вв.) //ВВ, 1986.
52. **Залесская В. Н.** Сирийское бронзовое кадило из Ургута //Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
53. **Засыпкин Б. Н.** Выдающиеся памятники архитектуры Киргизии (Неопубликованная монография). Фрунзе, 1954.

54. **Зеланд Н. Л.** Кашгария и перевалы Тянь — Шаня. Путевые заметки. Омск, 1888.

55. **Иерусалимская А. А.** К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде //Средняя Азия и Иран. Л., 1972.

56. **Иерусалимская А. А.** О северокавказском Шелковом пути в раннем средневековье //СА, 1967, №2.

57. Историко-культурная значимость Суджинской надписи //ПВ, 1959.

58. История Киргизской ССР, Фрунзе, т. 1, 1984.

59. **Каковкин А. Я.** Фрагмент краснолакового блюда из Сохага //Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.

60. **Камалиддинов Ш. С.** "Китаб ал — ансаб" Абу Са"да Абдалкарима ибн Мухаммада ас — Сам, ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии, Ташкент, 1993.

61. **Кляшторный С. Г.** Историко-культурное значение согдийской надписи //ПВ, 1959, №5.

62. **Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.** Согдийцы в Центральной Азии //Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО, Ташкент, 1990.

63. **Коковцев П. К.** Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии //Изв. ИАИ, 1907, №12.

64. **Колпинский Ю. Д., Бритова Н. Н.** Искусство этрусков и Древнего Рима. //Памятники мирового искусства. М., 1985.

65. **Кочетова С. М.** Божества в живописи Хара — Хото //Тр. ОВГЭ, т. 4, 1947.

66. **Кошеленко Г. А.** Родина парфян. М., 1977.

67. **Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М.** Раскопки некрополя древнего Мерва //АО, 1965 года М., 1985.

68. **Кухаренко Н. П., Мальцев Ю. С.** К символике изображений креста в Средней Азии. //Взаимодействие и взаимовлияние культур на Востоке. 3—я Всесоюзная конференция востоковедов. М., 1988.

69. **Кызласов Л. Р.** Археологические исследования на Ак-Бешиме в 1953 — 1954 гг. // Тр. КиргАЭЭ, т. 2, М., 1959.

70. **Лившиц В. А.** Согдийцы в Семиречье: лингвистические и этнографические свидетельства. //Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

71. **Лившиц В. А.** *Согдийцы в Семиречье //Письменные памятники и* проблемы истории и культуры народов Востока. 15 годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР, ч. I. М., 1981.

72. **Лившиц В. А., Хромов А. Л.** Согдийский язык //Основы иранского языкознания. СЯ., 1981.

73. **Логинов С., Симпсон О. Дж.** Раскопки в Мерве на городище Эрк-кала в 1992 — 1993 гг. //Тезисы докладов научной конференции Мерв в древней и средневековой истории Востока, Мары, 1994.

74. **Луконин В. Г.** Культура сасанидского Ирана, М., 1969.

75. **Луконин В. Г.** По поводу булл из Ак — депе //ЭВ, 20, Л., 1977.

76. **Лунин Б. В.** Среднеазиатская нумизматика античной поры и раннего средневековья в трудах ученых Узбекистана //На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры, Ташкент, 1990.

77. **Лютов М.** Несторианство в Средней Азии //ТВ, 1886, №18,19.

78. Малая история искусств. Искусство средних веков. М., 1975.

79. **Марр Н.** Надгробный камень из Семиречья с армянской надписью 1323 г. //ЗВОРАО, т. 8, СПб, 1893 — 1894.

80. **Маршак Б. И.** Согдийское серебро. М., 1971.

81. **Массон М. Е.** *Ахангеран. Археолого-топографический очерк*, Ташкент, 1953.

82. **Массон М. Е.** *Городища старого Термеза и их изучение //Тр.* Узбекистанского филиала АН СССР, сер. I, вып. 2, Ташкент, 1941.

83. **Массон М. Е.** Золотой медальон византийского облика из Ахангерана //ОНУз, 1972, №7.

84. **Массон М. Е.** Клад раннехристианских бляшек и медальонов из Геок-депе //Изв. АН ТССР, 1956, №5.

85. **Массон М. Е.** Некоторые представления об Александре Македонском, бытовавшие у народов Средней Азии в конце XIX начале XX вв. //ОНУз, 1980, №1.

86. **Массон М. Е.** Проблема изучения цистерн — сардоба //Материалы Узкомстариса, вып. 9, Ташкент, 1935.

87. **Массон М. Е.** Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии //ОНУз, 1978, №10.

88. Материалы по истории киргизов и Киргизии (Китаб масалик ал мамалик ал Истахри) вып. I, М., 1973.

89. **Мачабели К. Г.** О восточных элементах в раннесредневековой

пластике Грузии //Художественные памятники и проблемы культуры Востока, Л., 1985.

90. **Мец А.** Мусульманский ренессанс. М., 1973.

91. Мифы народов Мира //Энциклопедия. М., 1988.

92. **Мкртычев Т. К., Наймарк А. И.** К проблеме римско-византийского влияния на культуру Средневекового Согда //Зоны и этапы урбанизации. Тезисы докладов региональной конференции в Намангане; Ташкент, 1989.

93. **Мкртычев Т. К., Наймарк А. И.** Происхождение аркадной композиции на штампованных сосудах Самаркандского Согда //Культура и искусство народов Востока. Тезисы докладов конференции молодых ученых, ГМИНВ, М., 1987.

94. Najmarq The Iconographic of Sogdian Bureal Urns (ossuarics) //Religions Cross — currents in Preislamic Central Asia. Inner Asia Report& 1993, №12.

95. **Негматов Н. Н.** Эмблема Рима в живописи Уструшаны //Изв. ООН Тадж.ССР, Душанбе, 1968, №2, (52).

96. **Нейхарт А.** Происхождение креста. М., 1975.

97. **Никитин А. Б.** Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). Восточный Туркестан и Средняя Азия, М., 1984.

98. **Обельченко О. В.** Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1956 г.) //Тр. ЮТАКЕ, т. 14, Ашхабад, 1972.

99. **Пайкова А. В., Маршак Б. И.** Сирийская надпись из Пенджикента //КСИА, №147, М., 1976.

100. **Пантусов Н. Н.** Памятники несторианства в Средней Азии //Т В, 1886, №46.

101. **Пантусов Н. Н.** Таш-Рабат //Изв. ИАК вып. 4, 1902.

102. **Пантусов Н. Н.** Христианское кладбище близ Пишпека и Токмака (Семиреченской области) в Чуйской долине //ЗРАО, т. I, Спб, 1887.

103. Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983.

104. **Пацевич Г. И.** Зороастрийское кладбище на Тик — Турмасе //Изв. АН Каз.ССР, сер. "Археология", 1948, №1.

105. Перегудова С. Я. Таш-Рабат (по материалам архитектурно-археологического исследования). Фрунзе. 1989.

106. **Пигулевская Н. В.** Византия и Иран на рубеже VI — VII вв. М; Л., 1946.

107. После Марко Поло. М., 1986.

108. **Пугаченкова Г. А.** Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент. 1987.

109. **Пугаченкова Г. А.** К датировке и интерпретации трех предметов "восточного серебра" из коллекции Эрмитажа //Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье, М., 1981.

110. **Пугаченкова Г. А.** О Таш — Рабате //Тр.ИЯЛИ Кир. ФАН СССР, вып. 3, Фрунзе, 1952.

111. **Пугаченкова Г. А.** Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма //Тр.ЮТАКЭ, т. 4, М., 1958.

112. **Пугаченкова Г. А.** Хароба — Кошук //Изв. АН ТССР, 1954, №3.

113. **Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.** Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.

114. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алма — Ата, 1993.

115. **Ремпель Л. И.** Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.

116. **Ремпель Л. И.** Каменный сосуд из Турткуль-тобе. Художественная культура Средней Азии в IX — XIII вв. *Ташкент*, 1983.

117. **Ртвеладзе Э. В., Ташходжаев Ш. С.** Об одной тюркско-согдийской монете с христианскими символами //ВВ., т. 35, М., 1973.

118. **Рубрук В.** Путешествие в восточные страны. СПб. 1917.

119. **Свенцицкая И. С.** Раннее христианство: страницы истории, М., 1987.

120. **Семенов-Тяньшанский П. П.** Путешествие в Тянь — Шань. М., 1958.

121. **Слуцкий С. С.** К семиреченским несторианским надписям //ДВ, т. I, вып. 2, М., 1891.

122. **Смирнова О. И.** Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.

123. **Ставиский Б. Я.** *Ампула святого Мины из Самарканда* //КСИИМК, 1960, вып. 80, 1960.

124. **Ставиский Б. Я.** Великий шелковый путь — первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями //Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.

125. **Ставиский Б. Я.** О буддийской общине в Мерве //Культура Востока: Проблемы и памятники. Тезисы научной конференции ГЭ. Санкт-Петербург, 1992.

126. **Ставиский Б. Я.** О международных связях Средней Азии в середине VIII в. (в свете данных советской археологии) //ПВ, 1960, №5.

127. **Сусенкова Р.** Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956г.) //Тр.ЮТАКЭ, т. 14, Ашхабад, 1972.

128. **Сухарева О. А.** Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.

129. Табари. История ат Табари. Ташкент, 1987.

130. Табари //Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М; Л., 1938.

131. **Тереножкин А. И.** Согд и Чач //КСИИМК, вып. 33, М; Л.,1950.

132. **Тихонин М. Р.** Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка //ИМКУ, вып. 20, Ташкент, 1986.

133. **Толстов С. П.** По следам древнехорезмийской цивилизации. М; Л., 1953.

134. **Тревер К. В.** Памятники греко-бактрийского искусства. М; Л., 1940.

135. ЗВОРАО, ч. 4.

136. **Удальцова З. В.** Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV — VII вв.) М., 1974.

137. **Усманова З. И.** Культовый сосуд с Эрк-калы //ПТ, 1991, №1(51).

138. **Фрай Р. Н.** Наследие Ирана. М., 1972.

139. **Халпахчьян О. Х.** Архитектурные ансамбли Армении. М., 1980.

140. **Шифман И. Ш.** Заметки по эпиграфике Пальмиры //ПС. вып. 29(92): История и филология. Л., 1987.

141. **Шишкин В. А.** К исторической топографии Старого Термеза //ТАКЭ, вып. 2, Ташкент, 1941.

142. **Шуази О.** История архитектуры. Т. 2, М., 1937.

143. **Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.** Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

144. **Ядринцев Н.** Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака //Зап.АН, СПб., 1886. т. 52.

145. Art of the Silk Road Fine Art Muscum. 1990, p. 206,209,211.

146. Riceova G. Stare umeni Stredni Asie. Odeon. Rraha. 1973, 202 — 203.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Академия наук
АО	Археологические открытия
АРТ	*Археологические работы в Таджикистане*
АЭЭ	Археолого — этнографическая экспедиция
ВВ	Византийский временник
ВОРАО	Восточное отделение Русского археологического Общества
ГМИПВ	Государственный музей искусств народов Востока
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДВ	Древности восточные
ЗВОРАО	Записки восточного отделения Русского археологического Общества
ЗРАО	Записки русского археологического Общества
ИАК	Императорская археологическая комиссия
ИАН	Императорская Академия наук, Спб.
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии
Изв.	*Известия*
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и истории
КД	Каракумские древности
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИВ	Ленинградское отделение института Востоковедения
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОВГЭ	Отдел Востока Государственного Эрмитажа
ОНУз	Общественные науки в Узбекистане
ООН	Отделение общественных наук
ПВ	Проблемы Востоковедения
ПС	Палестинский сборник
ПТ	Памятники Туркменистана
СА	Советская археология
САЭ	Семиреченская археологическая экспедиция
сер.	серия
Средазкомстарис	Среднеазиатский Комитет по делам музеев и охраны *памятников старины, искусства и природы*
СЯ	Среднеазиатские языки
ТАКЭ	Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТашГУ	Ташкентский Государственный Университет
Узкомстарис	Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры
ЭВ	Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ	Южно — Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

РЕЗЮМЕ

Маънавий маданият инсоният ҳаётининг барча босқичларида уни камолотга бошлаб, кўллаб — кўвватлаб келган. Руҳий хаёт — дин унинг муҳим ажралмас қисмидир. Тарихдан маълумки, жаҳон дини ҳисобланган зардуштийлик, буддизм, христианлик ва ислом ҳозирга қадар муайян даражада инсоният онгини қамраб келади.

Тарихчи, археолог ҳамда нумизмат олимлар томонидан тайёрланган ушбу тўпламда ана шу динлардан бири — христиан динининг Ўрта Осиёда тарқалиши тариҳи илмий — оммабоп тарзда баён этилади.

Рим империясининг шарқий ҳудудларида мазлум халқларнинг таълимоти сифатида юзага келган христиан дини кейинчалик бир қатор мамлакатларда давлат дини даражасига кўтарилди. У Шарқда Эрон, Ўрта Осиё, шарқий Туркистон худудларигача тарқалди.

Ҳристиан дини Ўрта Осиёда 2 — 3 асрларда пайдо бўлиб, кейинги даврларда кўчманчи ҳамда ўтроқ аҳоли ўртасида муайян мавқега эга бўлди. Бу ерларда диний жамоалар, монастирлар вужудга келди. Христианлар табиб ва олим, дипломат ва савдогар сифатида ҳурмат қозонишди. Тўпламда Марв, Суғд, Чоч, Термиз, Тохаристон, Болосоғун ва Навкат, Иссиқ Кўл хавзаларида юзага келган христиан маданияти ёдгорликлари хусусида сўз боради. Китоб Буюк ипак йўли бўйлаб саёҳатга чорлайди.

Китобда янгидан кашф этилган христиан меъморчилик обидалари ўрта аср дахма ва монастирлари ҳақида ҳикоя қилинади. Христиан символикасига оид янги археологик топилмалар, ўзига хос дафн маросимлари нумизматик топилмалар асосидаги ўзаро алоқалар ва таъсирлар ҳақида қизиқарли маълумотлар келтирилади. Унда Ўзбекистоннинг турли илмий марказларида сақланаётган ва бошқа ҳеч бир ерда учрамайдиган ноёб тангалар биринчи марта эълон қилинди. Ўрта Осиё христиан жамоалари тарихи буйича музей хазиналаридан олинган янги археологик маълумотлар келтирилади.

RESUME

Throughout human history there has been an unrelentless quest for and support of spiritual culture. Religion proved to be an essential part of human spiritual existence. History shows four great world religions which prevail in the world today: Zoroastrianism, Buddhism, Christianity and Islam.

This work of a team of authors historians, archeologists and numismatists, reveals in a popular form, materials on one of the great world religions, Christianity in Central Asia.

Born in the eastern provinces of the Roman Empire as a faith of oppressed people, soon it oecame a state religion in a number of countries throughout the world. Christianity spread all over the East: Iran, Central Asia and Eastern Turkestan had many rapidly growing Christian communities.

In Central Asia Christianity appeared in the second and third centuries A.D. and soon became popular among the settled and nomadic peoples of this region. Communities were formed, monasteries were built, dioceses and metropolitans were also organized. Contacts were being made and religious discussions were flourishing. Christian diplomats and merchants earned an indisputable and respected authority among people of other confessions.

In this work the authors represent a vast coverage of Christian cultural monuments in Merv and the Merv oasis, Sogd of Bukhara and Samarkand, the Tashkent oasis — Chach, Termez, Tokharistan, cities of Kirghizia and Kazakhstan, Balasagun, Navaket and the Issik — Kul lake basin. Here a reader will gain an unforgetable and rewarding experience traveling with missionaries and merchants along the ancient Great Silk Road.

A special chapter is dedicated to recently discovered monuments of Christian architecture — medieval temples and monasteries.

New archeological materials on Christian symbolics, peculiarities of funeral ceremonies, Christian relations and numismatics will be of great interest to our readers. For the first time pictures of unique coins from depositories of various scientific centers of Uzbekistan will be published in this book. Museums have offered also new archaeological materials from oases and nomadic regions of Uzbekistan. All these materials will help to obtain a clear and detailed picture of the history of Christian communities in Central Asia.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Абсида — полукруглая, иногда многоугольная выступающая часть христианских храмов с собственным перекрытием.

Апокалипсис (Откровение) — одна из книг Нового Завета, приписываемая христианской традицией Иоанну Богослову; содержит пророчества о "конце света", втором пришествии Иисуса Христа для Страшного суда над живыми и мёртвыми, после чего наступит тысячелетнее царство божие.

Алтарь — специальное место, нередко возвышение, для жертвоприношений, жертвенник; в христианском храме его восточная часть, где находится престол.

Арк (Цитадель) — крепость или укрепленная системой мощных фортификационных сооружений часть средневекового города на Востоке.

Базилика — один из типов композиции христианских храмов, имевших форму вытянутого прямоугольника и разделённого рядами столбов и колонн на несколько продольных нефов.

Бактрия — древняя историко-культурная область по берегам реки Вахш-Окс (Амударья), на землях современного Северного Афганистана, юга Узбекистана и Таджикистана.

Беруни Абу Райхан (973 — 1048) — величайший ученый-энциклопедист. Автор 160 дошедших до нас трудов по различным направлениям наук, известных в раннем средневековье.

Буддизм — одна из четырех мировых религий (наряду с зороастризмом, христианством, исламом), зародившаяся в Индии в середине первого тысячелетия до н.э.

Бухара — один из древнейших городов Средней Азии, расположенный в низовьях реки Зеравшан.

Варахша — средневековое городище в 30 км к западу от Бухары. Здесь вскрыты цитадель и дворец бухарских владетелей 7 — 8 вв. со стенными росписями и резными гипсовыми панно — произведениями согдийского изобразительного искусства.

Великий шелковый путь — система важнейших торгово-караванных трасс в древности и средневековье, проходивших

из Китая в страны Среднего и Переднего Востока, далее на запад.

Византия — государство, возникшее в восточной части Римской империи в 4 в. н.э. со столицей в Константинополе. Просуществовала до 1453 г. Была важнейшей не только политической, но и культурной силой в истории средневековых Европы и Азии.

Епископство — церковно-административная территориальная единица (округ) в православной церкви — епархии.

Зороастризм (по имени пророка Заратуштры) — религия, возникшая в первой пол. 1 тыс. до н.э., была в древнем и средневековом Иране, Средней Азии и близлежащих странах.

Кадило — ритуальный предмет, использовавшийся в христианских богослужениях. Обычно представляет собой подвешенную на цепочке металлическую чашу с крышкой, куда помещались ладан, тлеющие угли или ароматические травы.

Кайрак — намогильный камень, нередко небольшая плоская галька с надписью.

Караханиды — династия тюркского происхождения, возглавившая государство на территории Синьцзяна, Семиречья, Ферганы, а затем в Среднеазиатском Междуречье в 927 — 1212 гг.

Кидани — кочевой народ, создавший державу на территории Семиречья (11 — 12 вв.).

Литургия — главное христианское богослужение, во время которого совершалось таинство причащения.

Манихейство — религиозное течение, возникшее в 3 в. в Иране и распространившееся до Китая. Представляло собой синтез зороастризма, христианства и буддизма. По преданию, создано уроженцем Месопотамии Мани.

Мелькиты (мельхиты) — православные христиане, первоначально обозначавшие в Египте приверженцев официальной Константинопольской церкви; происходит от сирийского "приверженцы царя", имперцы.

Мерв — древний и средневековый город, столица Маргианы и центр северного Хорасана. Оставшиеся от него городища располагаются возле г.Байрамали на юге Туркменистана.

Наршахи (9 — 10 вв.) — один из древнейших историков Средней Азии, родом из селения Наршах (недалеко от Вабкента) Бухарской области.

Несторианство — течение в христианстве, возникшее в Византии в 428 — 431 гг. Основатель — константинопольский

патриарх Несторий. В 431 г. осуждено как ересь и подвергалось преследованиям.

Неф — продольная часть христианского храма, расчлененная колоннадой или аркадой на главный и боковые. Главный неф обычно более высокий и широкий.

Оссуарий — ящичек для хранения костей умерших из камня, обоженной глины или ганча. В доисламский период имел широкое распространение в Средней Азии.

Остракон ("черепок") — фрагмент керамики, на который наносились надписи делового характера.

Парфия (Парфянское государство) — могущественное царство на Среднем Востоке (250 г. до н.э. — 224 г. н.э.).

Педжикент — раннесредневековое городище в 50 км восточнее Самарканда. В ходе раскопок открыты дворец, храмы, дома знати, получено большое число произведений согдийского монументального и прикладного искусства.

Пехлевийское письмо — письмо, выработанное в древности на основе арамейского шрифта и распространенное в Иране.

Рабад — одна из составных частей средневекового города на Востоке, ремесленно-торговый пригород.

Рабат — укреплённый пункт, станция на торговой (караванной) трассе.

Самарканд — один из древних столичных центров Согда, крупнейший культурный и экономический центр. Ему соответствует городище Афрасиаб, расположенное в северо-восточной части современного Самарканда.

Сасаниды — династия царей, правивших в Иране с 3 по 7 вв. н.э.

Семиречье (Джетысу) — область на северо-востоке Средней Азии (территория на юго-востоке современного Казахстана и Чуйской долины, через которую проходили важнейшие пути.

Согд (Согдиана) — историко-культурная область в центре Среднеазиатского Междуречья, в бассейнах р.р. Зеравшана и Кашкадарьи. С 6 в. до н.э. по 8 в. н.э. — один из ведущих центров среднеазиатской цивилизации.

Согдийцы — один из древних народов, населявших Среднеазиатское Междуречье.

Тараз (Талас) — древний (с 5 по 16 вв.) город в Семиречье, на юге Казахстана (на территории современного города Джамбул).

Термез — областной центр Южного Узбекистана, возле которого лежит огромное городище Старого Термеза — остатки города, существовавшего с 3 — 2 вв. до н.э. и разрушенного монголами в 1220 г.

Тюрки древние — тюркоязычные племена 6 — 8 вв., обитавшие на юге Сибири, в Средней Азии, Синьцзяне, Северном Китае, Монголии. В 6 в. была создана громадная империя — Тюркский каганат.

Фергана — историко-культурная область на северо-востоке Средней Азии.

Хаукаль (ибн-Хаукаль) (10 в.) — арабский историк и географ.

Хорезм — древний культурный оазис по нижнему течению Амударьи.

Хорасан — историко-культурная провинция, охватывавшая северо-восточную часть Ирана, юг Туркменистана, северо-запад Афганистана.

Хум — крупный керамический сосуд для хранения сыпучих и жидких продуктов в Средней Азии.

Чач (Шаш) — историко-культурная область на севере Средней Азии, охватывавшая территорию современной Ташкентской области Узбекистана.

Шахристан — основная часть средневекового города на Среднем Востоке, обнесенная крепостной стеной, часто включавшая цитадель.

Эгрет — часть женского головного убора, верх которого украшался пером или пучком перьев.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение		3
Г.И.Богомолов, Ю.Ф.Буряков, Л. И. Жукова, А. А. Мусакаева, Г. В. Шишкина	Христианство в Средней Азии	6
Ю. Ф. Буряков	Христианство на Великом шелковом пути	19
З. И. Усманова	Христианские памятники Туркмении	26
Л. И. Альбаум	Христианский храм в Старом Термезе	34
А. А. Мусакаева	О несторианах в Средней Азии	42
Г. В. Шишкина	Несторианское погребение в Согде Самаркандском	56
И. Д. Иваницкий	Христианская символика в Согде	64
Г. И. Богомолов	О христианстве в Чаче	71
Т. В. Беляева	Христианский памятник из Ходжента	79
Б. А. Абдулгазиева	Крышка сосуда из Андижана	82
В. Д. Горячева, С. Я. Перегудова	Памятники христианства на территории Кыргызстана	84
К. М. Байпаков	Христианство Казахстана в средние века	96
Л. В. Ундерова	Костюм несторианских христиан Центральной Азии	101
Использованная литература		104
Список сокращений		112
Резюме		113
Resume		114
Словарь терминов		115

На современном этапе история религии стала предметом дискуссий учёных и интереса широких масс. Коллектив авторов - историки, археологи, нумизматы и искусствоведы в популярной форме рассказывают об истории христианства в Средней Азии в первом тысячелетии новой эры. Дают описание на основе выявленных здесь *памятников древней и средневековой архитектуры, искусства, символики, монетной* системы, многие из которых вводятся впервые в научный оборот.

Сборник рассчитан на историков, преподавателей, краеведов, музейных работников и всех интересующихся вопросами древних культов Средней Азии.

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Христианство

Редактор А. И. Кременцова

Художественный и технический редактор А. А. Бурханов

Компьютерное макетирование Д.М.Бурштейн

Сдано в набор 25.11.1994 Подписано к печати 27.11.1994 Формат 60x90 1/16
Печать офсет. Печ. л. 7,5. Тираж. 10000.

Главная редакция энциклопедий., 700129, г. Ташкент, ул. Навои, 30

Арендное предприятие Ташкентский полиграфический комбинат Государственного комитета Республики Узбекистан по печати
Ташкент, 700129, ул. Навои, 30